

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ
ИМЕНИ ПАТРИСА ЛУМУМБЫ»**

На правах рукописи

Бутенко Владислав
**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИК ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ
В ДАНИИ И ШВЕЦИИ ПОСЛЕ МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015–
2016 ГГ.**

Специальность 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и
региональные исследования

Диссертация
на соискание ученой степени кандидата политических наук

Научный руководитель:
доктор политических наук, доцент
Мчедлова Мария Мирановна

Москва – 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ	32
1.1 Понятие интеграции иммигрантов: анализ теоретических подходов	32
1.2 Модели интеграции иммигрантов: концептуальные параметры и эвристический потенциал.....	38
1.3 Понятие «гражданский поворот»: методологическая связь с концепцией государства всеобщего благоденствия	54
ГЛАВА 2. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2015–2016 ГОДОВ КАК ТРИГГЕР ПОЛИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА	67
2.1 Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг. как вызов: причины и социально-политические последствия.....	67
2.2 Социал-демократические партии как субъекты ответных изменений в политиках интеграции иммигрантов в Дании и Швеции	75
ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИК ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ДАНИИ И ШВЕЦИИ ПОСЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015–2016 ГОДОВ	86
3.1 Историческая ретроспектива политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции и программы интеграции иммигрантов.....	86
3.2 Языковая политика: знание языка как фактор трудоустройства	93
3.3 Политика воссоединения семей: усиление ограничительных мер	100
3.4 Школьная политика: укрепление ценностно-идеологических оснований	107
3.5 Политика натурализации: гражданство как «инструмент интеграции» и «механизм исключения»	114
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	121
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ .	127
ПРИЛОЖЕНИЯ	177

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Глобализация и урбанизация, войны и этнорелигиозные конфликты, социально-демографические и эколого-климатические изменения способствовали усилению миграционных потоков во всем мире. За последние 50 лет число международных мигрантов выросло втрое и составляет, по оценкам Международной организации по миграции, 281 миллион человек¹. Миграционные вызовы, наряду с замедлением экономического роста и реструктуризацией государства всеобщего благоденствия (*welfare state*), обостряют внутренние противоречия современного мирового порядка². Такие политические, экономические и социальные преобразования приводят к повышению внимания к миграционным вопросам и, как следствие, их политизации³. С одной стороны, представители правительственных и неправительственных структур указывают на положительные аспекты миграционных процессов, подчеркивая привлечение как высококвалифицированных иммигрантов, вносящих вклад в развитие принимающих стран, так и низкоквалифицированных иммигрантов, способных компенсировать недостаток трудовых ресурсов на рынке⁴. С другой стороны, миграции, изменяя состав населения в принимающих странах, обостряют политические, социальные и культурные противоречия, порождаящие различного рода конфликты⁵. Следовательно, существует конфликт между неолиберальными политическими и экономическими императивами и проблемами национальной безопасности. Ввиду обостряющейся глобальной конкуренции

¹ World Migration Report 2022 // International Organization for Migration. 01.12.2021. – Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 20.01.2024).

² Мчедлова М.М. Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // Философия политики и права. – 2019. – № 10. – С. 129.

³ Castles S., de Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Movements in the Modern World. – New York City: The Guilford Press, 2020. – 6th edition. – 443 p.

⁴ International Migration Outlook 2023 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 23.10.2023. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2023_b0f40584-en (дата обращения: 05.01.2024); World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 25.04.2023. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023> (дата обращения: 07.02.2024).

⁵ Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 103.

и усложняющейся системы внутригосударственных и межгосударственных отношений миграционные процессы оказывают влияние на характер политических процессов и на политическую систему любого государства.

Основной задачей принимающих стран является интеграция иммигрантов, то есть включение их в общество и предоставление доступа к рынку труда, социальному капиталу⁶ и образованию. При этом стратегии интеграции вариативны – от высветивших неэффективность ассимиляции или мультикультурализма до поисков новых форм. Необходимость пересмотра политик интеграции иммигрантов актуализировал европейский миграционный кризис 2015–2016 годов, суть которого заключается в неспособности Европейского Союза выработать релевантные управленческие стратегии по приему, размещению и интеграции резко увеличившегося числа вновь прибывающих преимущественно из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Миграционный кризис послужил катализатором коренных противоречий процесса европейской интеграции, связанных с политической и экономической дифференциацией внутри интеграционного объединения, дефицитом демократической легитимности институтов ЕС и подрывом принципа солидарности между государствами-членами.

Рост популярности антимейнстримных партий и усиление тенденций ренационализации политик⁷, вызванные высокой степенью политизации миграционного кризиса и кризисом справедливого распределения ответственности, бросили вызов европейскому проекту, поставив под сомнение перспективы дальнейшего углубления интеграции⁸.

⁶ Под социальным капиталом, согласно П. Бурдьё, понимается совокупность социальных связей, которые могут выступать ресурсом получения выгод. См.: Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология / Пер. с англ. М.С. Добряковой. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.

⁷ Brekke J., Staver A. The Renationalisation of Migration Policies in Times of Crisis: The Case of Norway // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2018. – Vol. 44. – Issue 13. – P. 2163–2181.

⁸ Под углублением интеграции понимается укрепление взаимоотношений между государствами-членами интеграционного объединения, а также постепенная вертикальная институционализация организационных норм и правил. См.: Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А. Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть I // Современная Европа. – 2019. – № 1 (87). – С. 27–38; Schimmelfennig F., Sedelmeier U. Theorizing EU Enlargement: Research Focus, Hypotheses, and the State of Research // Journal of European Public Policy. – 2002. – Vol. 9. – Issue 4. – P. 500–528.

В фокусе внимания настоящего исследования – изучение влияния миграционного кризиса на политику интеграции иммигрантов в Скандинавии – регионе, привлекательном для иммигрантов с точки зрения уровня экономического развития и предоставляемых социальных гарантий. В качестве кейсов рассматриваются Дания и Швеция, являющиеся небольшими странами, в которых иммигранты и их потомки составляют более 15% и 25% от общей численности населения соответственно⁹. Выбор двух обозначенных стран для сравнительного анализа обусловлен рядом причин. Во-первых, интеграция иммигрантов представляет собой вызов для государства всеобщего благоденствия¹⁰, что в свою очередь актуализирует «прогрессивную дилемму»¹¹, заключающуюся в фундаментальных противоречиях между инклюзивной политикой социального обеспечения, с одной стороны, и высоким уровнем иммиграции, с другой. Более того, сопоставимость кейсов детерминирована институциональной и нормативной схожестью политических систем Дании и Швеции. Во-вторых, обе страны являются государствами-членами Европейского Союза, что предполагает влияние на их политику наднациональных институтов и норм ЕС. Однако если до миграционного кризиса Дания и Швеция занимали противоположные позиции в континууме между абсолютно разрешительными и абсолютно ограничительными политиками интеграции иммигрантов¹², то начиная с 2015–2016 годов наблюдаются качественные трансформации политик,

⁹ Immigrants and their descendants // Danmarks statistik. 06.03.2023. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/borgere/befolkning/indvandre-og-efterkommere> (дата обращения: 25.01.2024); Population statistics // Statistiska centralbyrån. October 2023. – Режим доступа: https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/population-composition/population-statistics/#_Keyfigures (дата обращения: 04.02.2024).

¹⁰ Речь идет о скандинавской (социал-демократической – по Г. Эспингу-Андерсону) модели государства всеобщего благоденствия, для которой характерны ведущая роль государства как поставщика социальных услуг, институционализированные социальные права, всеобщий доступ к благам, низкий уровень социальной дифференциации населения и безработицы.

¹¹ Larsen C.A. Revisiting the Progressive Dilemma // *Migrants and Welfare States: Balancing Dilemmas in Northern Europe* / Ed. by C.A. Larsen. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. – P. 161–184; Pearce N. Diversity Versus Solidarity: A New Progressive Dilemma // *Renewal: A Journal of Labour Politics*. – 2004. – Vol. 12. – Issue 3. – P. 79–87.

¹² Goodman S.W. Measurement and Interpretation Issues in Civic Integration Studies: A Rejoinder // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 173–186; Midtbøen A.H. Citizenship, Integration and the Quest for Social Cohesion: Nationality Reform in the Scandinavian Countries // *Comparative Migration Studies*. – 2015. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 1–15.

свидетельствующие об их конвергенции¹³ и требующие дальнейшего изучения. В данном контексте релевантность кейсов Дании и Швеции обусловлена возможностью наиболее четко проследить процессы зарождения и развития конвергенции политик интеграции иммигрантов в европейских странах, внедрявших в жизнь на протяжении последних 50 лет противоположные институционализированные стратегии. Кроме того, тенденции изменения логики политики интеграции иммигрантов характерны и для наднационального регулирования: Европейский Союз, несмотря на его ограниченные полномочия в миграционной сфере, регулирует отдельные аспекты данной политики, задавая тон вырабатываемым государствами-членами мерам по включению вновь прибывших.

Степень научной разработанности проблемы. В российской и зарубежной литературе значительное число работ посвящено миграционной проблематике, в том числе изучению особенностей и проблемных узлов политики интеграции иммигрантов. Основной корпус составляют работы, предметом которых является изучение теоретических и практических аспектов интеграции иммигрантов в принимающее общество. Среди российских авторов следует выделить труды И.В. Ивахнюк¹⁴, В.А. Ионцева¹⁵, В.И. Мукомеля¹⁶, Г.И. Осадчей¹⁷, И.П. Цапенко¹⁸, изучающих особенности,

¹³ Под конвергенцией понимается «любое увеличение сходства между одной или несколькими характеристиками определенной политики (*policy*) в определенном наборе юрисдикций в течение определенного периода времени». См.: Knill C. Introduction: Cross-National Policy Convergence: Concepts, Approaches and Explanatory Factors // *Journal of European Public Policy*. – 2005. – Vol. 12. – Issue 5. – P. 768.

¹⁴ Ивахнюк И.В. Развитие миграционной теории в условиях глобализации // *Век глобализации*. – 2016. – № 1-2 (17-18). – С. 26–43; Ivakhnyuk I. Coronavirus Pandemic Challenges Migrants Worldwide and in Russia // *Population and Economics*. – 2020. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 49–55.

¹⁵ Ионцев В.А. Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // *Вопросы управления*. – 2014. – № 1 (26). – С. 127–132; Ионцев В.А., Прохорова Ю.А. Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода // *Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика*. – 2012. – № 4. – С. 75–87.

¹⁶ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // *Россия реформирующаяся*. – 2016. – № 14. – С. 411–467; Мукомель В.И. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение*. – 2013. – № 2-2. – С. 192–209.

¹⁷ Осадчая Г.И. Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 186–198; Осадчая Г.И., Юдина Т.Н. Политика интеграции иммигрантов стран Евросоюза после миграционного кризиса // *Социальная политика и социология*. – 2020. – Т. 19. – № 1 (134). – С. 56–63.

формы и стадии процесса интеграции иммигрантов. Вместе с тем в данных работах основное внимание уделяется изучению интеграции иммигрантов на эмпирическом уровне и упускаются из виду вопросы фундаментально-теоретического характера, что детерминирует отсутствие в науке единого понимания сущности исследуемого процесса.

В свою очередь зарубежные комплексные исследования представлены работами Р. Баубёка¹⁹, К. Йенсена²⁰, Э. Февелла²¹, Г. Фримена²², Х. Энтзингера²³, которые значительное внимание уделяют либо иммигрантам как уязвимой, маргинализованной группе, либо принимающему обществу, нормы, ценности, практики и образцы поведения которого иммигранты (не)усваивают. Однако и в российской, и в зарубежной литературе упускается из виду роль государства в определении векторов развития политики интеграции иммигрантов. В связи с этим внимания заслуживают работы В.А. Волоха²⁴ и В.Ю. Леденева²⁵, где государство выступает

¹⁸ Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2019. – Т. 63. – № 10. – С. 97–108; Цапенко И.П. Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // *Вестник Российской академии наук*. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 148–159.

¹⁹ Bauböck R. Cultural Majority Rights: Has Multiculturalism Been Turned Upside Down? // *Ethnicities*. – 2022. – Vol. 22. – Issue 4. – P. 527–546; Modood T., Bauböck R., Carens J.H., Lægaard S., Mahajan G., Parekh B. Ethnocentric Political Theory, Secularism and Multiculturalism // *Contemporary Political Theory*. – 2021. – Vol. 20. – P. 447–479.

²⁰ Jensen K., Mouritsen P. Nationalism in a Liberal Register: Beyond the ‘Paradox of Universalism’ in Immigrant Integration Politics // *British Journal of Political Science*. – 2019. – Vol. 49. – Issue 3. – P. 837–856; Fernández C., Jensen K.K. The Civic Integrationist Turn in Danish and Swedish School Policy // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 5. – P. 1–10.

²¹ Favell A. Immigration, Integration and Citizenship: Elements of a New Political Demography // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 1. – P. 3–32; Favell A. The Integration Nation: Immigration and Colonial Power in Liberal Democracies. – Cambridge: Polity, 2022. – 226 p.

²² Freeman G.P. Immigrant Incorporation in Western Democracies // *International Migration Review*. – 2004. – Vol. 38. – Issue 3. – P. 945–969. Freeman G.P., Leal D.L., Onyett J. Pointless: On the Failure to Adopt an Immigration Points System in the United States // *Wanted and Welcome? Policies for Highly Skilled Immigrants in Comparative Perspective* / Ed. by T. Triadafilopoulos. – New York: Springer, 2013. – P. 123–46.

²³ Entzinger H. The Rise and Fall of Multiculturalism: The Case of the Netherlands // *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation-States* / Ed. by C. Joppke, E. Morawska. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 59–86; Scholten P.W.A., Entzinger H., Penninx R. Research-Policy Dialogues on Migrant Integration in Europe: A Conceptual Framework and Key Questions // *Integrating Immigrants in Europe* / Ed. by P. Scholten, H. Entzinger, R. Penninx, S. Verbeek. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 1–18.

²⁴ Волох В.А. Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // *Социально-трудовые исследования*. – 2019. – № 4 (37). – С. 57–65; Волох В.А., Дмитриева Т.Н. Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией // *Управление*. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 5–15; Волох В.А., Суворова В.А. Теоретические основы изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов в российский социум // *Вестник университета*. – 2013. – № 20. – С. 202–208.

²⁵ Леденева В.Ю. Формы и методы социальной адаптации и интеграции мигрантов // *Политика и общество*. – 2015. – № 6 (126). – С. 717–728; Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 103–112.

субъектом интеграции, институционализирующим взаимодействия различных социальных групп внутри конкретной территориальной единицы. Исключительную важность для настоящей диссертации имеют публикации В.С. Малахова²⁶, в которых проводится сравнительный анализ подходов национальных правительств к интеграции иммигрантов.

Помимо комплексных исследований, следует выделить работы, в которых изучаются отдельные аспекты интеграции иммигрантов. Так, исследования Я. Бжозовски²⁷, Е.А. Варшавера²⁸, А.М. Волкова²⁹, Г.И. Гаджимурадовой³⁰, С.В. Рязанцева³¹, А.В. Сарабьева³², В. Якобсена³³ посвящены изучению социально-экономической интеграции иммигрантов, в первую очередь на рынке труда. На стыке политологии и права написаны

²⁶ Малахов В.С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – М.: Издательство Мысль, 2015. – 272 с.; Малахов В.С., Касцян К.А. Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 139–151; Малахов В.С. Мигранты неевропейского происхождения в Европе: культурно-идентификационный аспект интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 211–233.

²⁷ Brzozowski J. Mixed embeddedness of immigrant entrepreneurs and community resilience: Lessons for the Arctic // Immigration in the Circumpolar North: Integration and Resilience / Ed. by N. Yeasmin, W. Hasanat, J. Brzozowski, S. Kirchner. – London: Routledge, 2020. – P. 163–175; Brzozowski J., Lasek A. The Impact of Self-employment on the Economic Integration of Immigrants: Evidence from Germany // Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation. – 2019. – Vol. 15. – Issue 2. – P. 11–28.

²⁸ Варшавер Е.А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. – Москва: Московский институт социально-культурных программ, 2014. – 60 с.; Варшавер Е.А. Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – № 2. – С. 377–396; Иванова Н.С., Варшавер Е.А., Рочева А.Л. Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 811–825.

²⁹ Волков А.М., Белухин Н.Е. Интеграция иммигрантов на рынке труда в Дании // Мировое и национальное хозяйство. – 2018. – № 4 (46). – С. 1–24; Волков А.М. Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1 (23). – С. 126–142.

³⁰ Гаджимурадова Г.И. Интеграция мусульман в Европе: история и современность // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 3–7; Гаджимурадова Г.И. Опыт интеграции специалистов-мигрантов в Финляндии и возможности его использования в России // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 117–125.

³¹ Ryazantsev S.V., Khranova M.N., Tyshkevich A.I. Background and Factors of Muslim Immigration to the Countries of the European Union // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2021. – Vol. 2. – Issue 390. – P. 220–228; Afzali M., Ryazantsev S.V., Bezverbnaya N.A. Relationship Between Immigrant Integration and Socioeconomic Indicators of European Immigrant-Receiving Countries // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 186–199.

³² Сарабьев А.В. Вопросы адаптации трудовых мигрантов с Арабского Востока в ЕС // Современная Европа. – 2020. – № 7 (100). – С. 113–123; Сарабьев А.В. Трудовые мигранты с Арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 95–110.

³³ Jakobsen V., Korpi T., Lorentzen T. Immigration and Integration Policy and Labour Market Attainment Among Immigrants to Scandinavia // European Journal of Population. – 2018. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 305–328; Gustafsson B., Jakobsen V., Mac Innes H., Pedersen P.J., Österberg T. Older Immigrants – New Poverty Risk in Scandinavian Welfare States? // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2022. – Vol. 48. – Issue 19. – P. 4648–4669.

работы С. Адамо³⁴, М. Винка³⁵, С. Гудман³⁶, П. Муритсена³⁷, Л.В. Савинова³⁸, Й. Харпаза³⁹, О.С. Чудиновских⁴⁰, Т. Янсона⁴¹, в которых основной акцент делается на изучении натурализации и взаимосвязи гражданства и политики интеграции иммигрантов. Внимания заслуживают работы М. Викстрёма⁴², Д.Б. Казариновой⁴³, М.М. Мчедловой⁴⁴, Е.Д. Пронякиной⁴⁵, И.С.

³⁴ *Adamo S.* “Please Sign Here”: Integration Contracts Between Municipalities and Foreigners in Denmark // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 321–342; *Adamo S.* The Danish Legal Framework for Migration: Between a Humanitarian Past and a Restrictive Present // *Law and Migration in a Changing World* / Ed. by M.-C. Foblets, J.-Y. Carlier. – Berlin: Springer, 2022. – P. 259–304.

³⁵ *Vink M., Tegunimataka A., Peters F., Bevelander P.* Long-Term Heterogeneity in Immigrant Naturalization: The Conditional Relevance of Civic Integration and Dual Citizenship // *European Sociological Review*. – 2021. – Vol. 37. – Issue 5. – P. 751–765; *Peters F., Vink M.P., Schmeets H.* Anticipating the Citizenship Premium: Before and After Effects of Immigrant Naturalization on Employment // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2018. – Vol. 44. – Issue 7. – P. 1051–1080.

³⁶ *Goodman S.W.* Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // *World Politics*. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 659–698; *Goodman S.W.* Immigration and Membership Politics in Western Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 284 p.; *Goodman S.W., Wright M.* Does Mandatory Integration Matter? Effects of Civic Requirements on Immigrant Socioeconomic and Political Outcomes // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 12. – P. 1885–1908.

³⁷ *Jensen K.K., Mouritsen P., Bech E.C., Olsen T.V.* Roadblocks to Citizenship: Selection Effects of Restrictive Naturalisation Rules // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 1047–1065; *Meer N., Mouritsen P., Faas D., de Witte N.* Examining ‘Post-multicultural’ and Civic Turns in the Netherlands, Britain, Germany, and Denmark // *American Behavioral Scientist*. – 2015. – Vol. 59. – Issue 6. – P. 702–726; *Mouritsen P.* The Resilience of Citizenship Traditions: Civic Integration in Germany, Great Britain and Denmark // *Ethnicities*. – 2013. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 86–109.

³⁸ *Савинов Л.В.* Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и стратегии // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. – 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 401–414; *Савинов Л.В., Седен С.О.* Миграционные стратегии и российское гражданство: об актуальности и методологии исследований // *Вестник Российской нации*. – 2021. – № 4 (80). – С. 72–81.

³⁹ *Harpaz Y.* Citizenship and Residence Rights as Vehicles of Global Inequality // *Citizenship and Residence Sales Rethinking the Boundaries of Belonging* / Ed. by D.V. Kochenov, K. Surak. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – P. 284–308; *Harpaz Y., Mateos P.* Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 45. – Issue 6. – P. 843–857.

⁴⁰ *Чудиновских О.С.* Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // *Вопросы статистики*. – 2018. – Т. 25. – № 9. – С. 3–26; *Литовченко А.М., Чудиновских О.С.* О влиянии наличия гражданства принимающей страны на некоторые социально-экономические характеристики мигрантов и их положение на рынке труда // *Журнал Новой экономической ассоциации*. – 2022. – № 1 (53). – С. 143–162.

⁴¹ *Jansson T.* Governing Through Bureaucratically Imposed Waiting: On Stuckedness Among Asylum Seekers and Refugees Waiting for Residence Permits in Sweden // *European Journal of Social Work*. – 2023. – P. 1–12; *Jansson T.* Permanent Residence Permits and Demands for Integration: A Genealogical Analysis of Swedish Immigration Policy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – P. 1–19.

⁴² *Wickström M.* Nordic Brothers before Strange Others: Pan-National Boundary Making in the Post-War Naturalization Policies of the Nordic Countries // *Ethnic and Racial Studies*. – 2017. – Vol. 40. – Issue 4. – P. 675–693; *Wickström M.* Invandrarspöket: Den socialdemokratiska politiseringen av arbetskraftsinvandring i 1973 års valrörelse // *Arbetshistoria: meddelande från arbetarrorelsens arkiv och bibliotek*. – 2022. – Issue 1. – P. 38–45.

⁴³ *Казаринова Д.Б., Де Лука Г.* Миграция в итальянском политическом дискурсе: опыт эмпирического анализа // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2020. – Т. 64. – № 2. – С. 100–109; *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // *Политическая наука*. – 2020. – № 4. – С. 13–35.

⁴⁴ *Мчедлова М.М.* Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // *Философия политики и права*. – 2019. – № 10. – С. 128–137; *Мчедлова М.М.* Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 127–141.

⁴⁵ *Пронякина Е.Д.* «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 58–73; *Пронякина Е.Д.*

Семенов⁴⁶, в которых анализируется влияние политики интеграции иммигрантов на идентичность.

Следует отметить в академических исследованиях наличие различных точек зрения на предлагающуюся в качестве альтернативы концепцию интеркультурализма (интеркультурного диалога)⁴⁷. Однако ее ограничения (излишняя нормативность, ограничения только городским локальным уровнем) не позволяют рассматривать ее как аналитическую концептуальную модель или практическую стратегию интеграции иммигрантов, сравнимую с отмеченными моделями⁴⁸.

Отдельный блок литературы составляют исследования о влиянии миграции на государства всеобщего благоденствия. В частности, Г. Брохманн⁴⁹ и К.А. Ларсен⁵⁰ изучают, как высокий уровень иммиграции нарушает институциональный баланс национальных государств всеобщего

«Nordic Identity» и интеграционные процессы на севере Европы // Современное европейское общество: трансформация идентичности / Под ред. Е.В. Викторовой. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 66–73.

⁴⁶ Семенов И.С. Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70–87; Семенов И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.

⁴⁷ «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» как институциональное основание новой политики была издана в 2008 году Советом Европы от имени 47 государств-членов. Межкультурный диалог не является законодательно предписанным и императивным, однако, сохраняя характер добровольного приглашения к реализации основополагающих принципов организации общества, потребность в осуществлении межкультурного диалога вызывает к жизни поиск концептуальной основы и направлений деятельности для управленческих структур государственной власти. См: «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» // Совет Европы. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/Pub_White_Paper/WhitePaper_ID_RussianVersion.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

⁴⁸ Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 10. – С. 97–108; Цапенко И.П. Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 148–159; Куропятник М.С. Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 461–470; Cantle T. Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 249 p; Boucher F., Maclure J. Moving the Debate Forward: Interculturalism's Contribution to Multiculturalism // Comparative Migration Studies. – 2018. – Vol. 6. – P. 1–10.

⁴⁹ Brochmann G. From Bound Universalism to the Trial of Internationalization: Migration and Social Democracy in Scandinavia // Social Democracy in the 21st Century / Ed. By N. Brandal, Ø. Bratberg, D.E. Thorsen. – Leeds: Emerald Publishing Limited, 2021. – P. 195–222; Brochmann G. Inclusion under Pressure: The Case of Norway // The Exclusion of Immigrants from Welfare Programs: Cross-National Analysis and Contemporary Developments / Ed. by E.A. Koning. – Toronto: University of Toronto Press, 2022. – P. 155–174.

⁵⁰ Larsen C.A. Revisiting the Progressive Dilemma // Migrants and Welfare States: Balancing Dilemmas in Northern Europe / Ed. by C.A. Larsen. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. – P. 161–184; Eick G.M., Larsen C.A. Welfare Chauvinism across Benefits and Services // Journal of European Social Policy. – 2022. – Vol. 32. – Issue 1. – P. 19–32.

благоденствия и рынков труда; а К.Н. Брейдалъ⁵¹ определяет влияние институтов государства всеобщего благоденствия на социокультурную интеграцию иммигрантов. Ухудшение социального и экономического благополучия напрямую сопряжено с поиском альтернатив мейнстримным партиям⁵², в связи с чем солидный пласт литературы посвящен изучению роли крайне правых партий в политизации вопросов иммиграции (А.С. Бадаева⁵³, К. Грин-Педерсен⁵⁴, Х. Криси⁵⁵, К. Мудде⁵⁶, Х. Мьельде⁵⁷, П.В. Осколков⁵⁸), а также выявлению корреляции между усилением националистических настроений и успешностью интеграции иммигрантов (Е.Б. Деминцева⁵⁹, В.М. Капицын, А.Е. Шапаров⁶⁰). При этом слабо изучено влияние крайне правых партий на позиции и политику мейнстримных

⁵¹ *Breidahl K.N., Fersch B.* Bringing Different States In: How Welfare State Institutions Can Possibly Influence Sociocultural Dimensions of Migrant Incorporation // *Nordic Journal of Migration Research*. – 2018. – Vol. 8. – Issue 2. – P. 99–106; *Breidahl K.N., Gustavsson G.* Can We Trust the Natives? Exploring the Relationship between National Identity and Trust Among Immigrants and Their Descendants in Denmark // *Nations and Nationalism*. – 2022. – Vol. 28. – Issue 2. – P. 592–611.

⁵² Под мейнстримными партиями понимаются умеренно-левые и умеренно-правые партии, борющиеся за власть. См.: *De Vries C.E., Hobolt S.B.* When Dimensions Collide: The Electoral Success of Issue Entrepreneurs // *European Union Politics*. – 2012. – Vol. 13. – Issue 2. – P. 250.

⁵³ *Бадаева А.С.* Датская народная партия и трансформации иммиграционной политики Дании // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66. – № 3. – С. 119–129; *Бадаева А.С.* Ультраправые: между популизмом и политическим мейнстримом // *Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века* / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. – Москва: Идея-Пресс, 2022. – С. 176 – 196.

⁵⁴ *Green-Pedersen C., Otjes S.* A Hot Topic? Immigration on the Agenda in Western Europe // *Party Politics*. – 2019. – Vol. 25. – Issue 3. – P. 424–434; *Eissler R., Green-Pedersen C., Loftis M.W., Mortensen P.B., Russell A.* The Partisan Context of Parliamentary Questions: A Study of Opposition Behavior in the Danish Parliament // *Acta Politica*. – 2023. – Vol. 58. – Issue 2. – P. 359–378.

⁵⁵ *Kriesi H., Schulte-Cloos J.* Support for Radical Parties in Western Europe: Structural Conflicts and Political Dynamics // *Electoral Studies*. – 2020. – Vol. 65. – P. 102–138; *Hutter S., Kriesi H.* Politicising Immigration in Times of Crisis // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 2. – P. 341–365.

⁵⁶ *Mudde C.* Did the “Refugee Crisis” Transform European Politics? // *Rechtspopulismus in Deutschland* / Ed. by H.U. Brinkmann, K.-H. Reuband. – Wiesbaden: Springer, 2022. – P. 37–54; *Mudde C.* *The Far Right Today*. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 205 p.

⁵⁷ *Mjelde H.* The Six Roles of the Anti-Immigration Parties in Scandinavian Immigration Press Debate 1970–2016 // *Nordic Journal of Migration Research*. – 2020. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 1–14; *Mjelde H., Hovden J.F.* Populism in Scandinavian Immigration Discourse 1970–2016 // *International Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 13. – P. 5483–5504.

⁵⁸ *Осколков П.В.* Национализм и правый популизм в ЕС осенью 2022 г.: перемены в политическом пространстве // *Европейский Союз: факты и комментарии*. – 2022. – № 110. – С. 69–71; *Осколков П.В.* Правый популизм в Европейском союзе. – М.: ИЕ РАН, 2019. – 164 с.

⁵⁹ *Деминцева Е.Б.* Магрибинское сообщество во Франции: формирование диаспоры и политика интеграции // *Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность*. – 2008. – № 1. – С. 83–97; *Demintseva E.* ‘Migrant Schools’ and the ‘Children of Migrants’: Constructing Boundaries around and inside School Space // *Race Ethnicity and Education*. – 2020. – Vol. 23. – Issue 4. – P. 598–612.

⁶⁰ *Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е.* Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // *Балтийский регион*. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 98–114; *Капицын В.М., Шапаров А.Е.* Инокультурные иммигранты в политической повестке Дании // *Вестник Института социологии*. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 42–66.

партий, в первую очередь – социал-демократических. В связи с этим следует отметить работу Т. Гесслер и С. Хангер⁶¹, в которой анализируется изменение акцентов мейнстримных партий в Австрии, Германии и Швейцарии до, во время и после европейского миграционного кризиса и делается вывод о невозможности игнорирования миграционного вопроса мейнстримными партиями. Таким образом, европейский миграционный кризис выступает внешним шоком, триггером трансформации партийно-политического ландшафта и политики интеграции иммигрантов, что находит отражение в работах Л.С. Биссон⁶², Н.Н. Большой⁶³, Р. Водак⁶⁴, Б.И. Макаренко⁶⁵, Н.С. Плевако⁶⁶, О.Ю. Потемкиной⁶⁷, В.Я. Швейцера⁶⁸. Среди российских ученых особо следует выделить работы И.В. Гришина⁶⁹, в которых анализируются деформация шведской партийно-политической системы и секьюритизация миграции после европейского миграционного кризиса. Кроме того, стоит отметить коллективные монографии и доклады

⁶¹ *Gessler T., Hunger S. How the Refugee Crisis and Radical Right Parties Shape Party Competition on Immigration // Political Science Research and Methods. – 2022. – Vol. 10. – P. 524–544.*

⁶² *Биссон Л.С. Миграция вновь нарушает единство Евросоюза // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2019. – № 94. – С. 60–64; Биссон Л.С., Лункин Р.Н. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. – 2021. – № 6. – С. 7–23.*

⁶³ *Большова Н.Н. Ответ ЕС на «кризис с беженцами» 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС // Международная аналитика. – 2016. – № 1 (15). – С. 19–33; Большова Н.Н. «ПЕГИДА» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 123–137; Большова Н.Н. Политика ЕС по борьбе с нелегальной миграцией в условиях миграционного кризиса (2014–2015 гг.) // Международная аналитика. – 2017. – № 4 (22). – С. 8–17.*

⁶⁴ *Wodak R. From Post-Truth to Post-Shame: Analyzing Far-right Populist Rhetoric // Approaches to Discourse Analysis / Ed. by C. Gordon. – Washington: Georgetown University Press, 2021. – P. 175–192; Wodak R. The Trajectory of Far-Right Populism – A Discourse-Analytical Perspective // The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication / Ed. by B. Forchtner. – London: Routledge, 2019. – P. 21–37.*

⁶⁵ *Макаренко Б.И., Петров И.И. Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021) // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 11–28; Макаренко Б.И., Локшин И.М., Максимов А.Н., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Петров Н.В. Партии и партийные системы: современные тенденции развития. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.*

⁶⁶ *Плевако Н.С. Швеция-2022: эволюция политического пейзажа // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2022. – № 5. – С. 47–54; Плевако Н. Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» // Современная Европа. – 2019. – № 2 (88). – С. 95–106.*

⁶⁷ *Потемкина О.Ю. Миграционный кризис в ЕС: пик пройден? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2021. – № 5 (23). – С. 31–37; Потемкина О.Ю. После кризиса: новый старт миграционной политики ЕС // Современная Европа. – 2019. – № 6 (92). – С. 18–30.*

⁶⁸ *Швейцер В.Я. Партии и движения политической альтернативы современной Европы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 3. – С. 43–47; Швейцер В.Я. Партийно-политический ландшафт: вызовы и риски // Европа между трех океанов / Под общ. ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. – М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. – С. 411–428.*

⁶⁹ *Гришин И. Иммиграционные заботы Швеции // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 9. – С. 66–76; Гришин И.В. Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 40–56.*

российских академических институтов, прежде всего Института Европы РАН⁷⁰ и ИМЭМО РАН⁷¹, которые вносят вклад в осмысление перспектив европейской интеграции под напором противоречий по миграционному вопросу.

Особое место в литературе по миграционной тематике занимают исследования «локального поворота» (*local turn*) в политиках интеграции иммигрантов. В частности, М. Аброзини⁷², О.Г. Агустин⁷³, Э. де Граау⁷⁴, А. Фламант⁷⁵, П. Шольтен⁷⁶ демонстрируют, что местные органы власти не столько реализуют национальную политику интеграции иммигрантов, сколько формулируют свою собственную политику. Однако тенденции, наблюдаемые в Скандинавии после миграционного кризиса, свидетельствуют о «национальном повороте» (*national turn*), что нашло отражение в работах К. Хадсон⁷⁷ и Х. Эмильссона⁷⁸. Вместе с тем данные исследования носят

⁷⁰ Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Под ред. Н.Б. Кондратьевой, О.Ю. Потемкиной. – М.: Институт Европы РАН, 2015. – 144 с. – (Доклады Института Европы; № 315); Регулирование легальной миграции в Европейском союзе / Л.С. Биссон. – М.: Институт Европы РАН, 2020. – 150 с. – (Доклады Института Европы; № 371); Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / Отв. ред. П.В. Осколков. – М.: Институт Европы РАН, 2023. – 124 с. – (Доклады Института Европы; № 403).

⁷¹ Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред.: И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.; Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / Под ред. О.Е. Трофимовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 211 с.

⁷² *Ambrosini M., Voccagni P.* Urban Multiculturalism beyond the ‘Backlash’: New Discourses and Different Practices in Immigrant Policies across European Cities // *Journal of Intercultural Studies*. – 2015. – Vol. 36. – Issue 1. – P. 35–53; *Dimitriadis I., Ambrosini M.* Constrained to be (Im)mobile? Refugees' and Asylum Seekers' Practices to Integrate in Restrictive Socio-Economic Urban Contexts in Northern Italy // *Frontiers in Sociology*. – 2023. – Vol. 8. – P. 1–11.

⁷³ *Agustín Ó.G.* New Municipalism as Space for Solidarity // *Soundings*. – 2020. – Vol. 74. – Issue 74. – P. 54–67; *Agustín Ó.G., Jørgensen M.B.* Solidarity Cities and Cosmopolitanism from Below: Barcelona as a Refugee City // *Social Inclusion*. – 2019. – Vol. 7. – Issue 2. – P. 198–207.

⁷⁴ *de Graauw E., Vermeulen F.* Cities and the Politics of Immigrant Integration: A Comparison of Berlin, Amsterdam, New York City, and San Francisco // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2016. – Vol. 42. – Issue 6. – P. 989–1012; *Bazurli R., de Graauw E.* Explaining Variation in City Sanctuary Policies: Insights from American and European Cities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49. – Issue 14. – P. 3649–3670.

⁷⁵ *Flamant A.* The Local Turn in Integration Policies: Why French Cities Differ // *Ethnic and Racial Studies*. – 2020. – Vol. 43. – Issue 11. – P. 1981–2000; *Fourot A.-C., Healy A., Flamant A.* French Participation in Transnational Migration Networks: Understanding City (Dis)involvement and “Passivism” // *Local Government Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1152–1174.

⁷⁶ *Scholten P.* Mainstreaming Versus Alienation: Conceptualising the Role of Complexity in Migration and Diversity Policymaking // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 108–126; *Scholten P.* Two Worlds Apart? Multilevel Governance and the Gap Between National and Local Integration Policies // *The Routledge Handbook to the Governance of Migration and Diversity in Cities* / Ed. by T. Caponio, P. Scholten, R. Zapata-Barrero. – Abingdon: Routledge, 2019. – P. 157–168.

⁷⁷ *Hudson C., Giritli-Nygren K., Lidén G., Sandberg L.* Between Central Control and Local Autonomy: The Changing Role of Swedish Municipalities // *Local Integration Policy of Migrants: European Experiences and Challenges* / Ed. by J. Franzke, J.M. Ruano de la Fuente. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 11–34; *Hudson C., Sandberg L., Sundström K.* Integrating the Immigrant the Swedish Way? Understandings of Citizenship and

описательный характер, не раскрывая причин «национализации» политики интеграции иммигрантов.

Усиление роли государства в процессе интеграции иммигрантов находит отражение в модели гражданской интеграции, призванной, по мнению А. Папаруссо⁷⁹, выйти за рамки дихотомии «ассимиляция – мультикультурализм». Корпус исследовательской литературы по гражданской интеграции представлен работами, рассматривающими практики гражданской интеграции через исторически укоренившиеся национальные философии интеграции (К. Бертосси⁸⁰, И. Михаловски⁸¹) или политические и экономические предпосылки (С. Ларин⁸², М. Нойрайтер⁸³).

В рамках исследований гражданской интеграции следует выделить работы К. Бореви⁸⁴, К. Йоппке⁸⁵, Э. Фарга⁸⁶, посвященные «гражданскому

Integration in Swedish Local Civic Integration Projects // *Journal of Intercultural Studies*. – 2023. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 553–569.

⁷⁸ *Emilsson H.* A National Turn of Local Integration Policy: Multi-level Governance Dynamics in Denmark and Sweden // *Comparative Migration Studies*. – 2015. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 1–16; *Emilsson H., Öberg K.* Housing for Refugees in Sweden: Top-down Governance and Its Local Reactions // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 23. – Issue 2. – P. 613–631.

⁷⁹ *Paparusso A.* Immigrant Integration in Europe: A Subjective Well-Being Perspective. – Cham: Springer, 2021. – 157 p.; *Paparusso A.* The European Convergence Towards Civic Integration // *Migration in the Mediterranean: Socio-Economic Perspectives* / Ed. by D. Strangio, C. Wihtol de Wenden. – London: Routledge, 2016. – P. 149–168.

⁸⁰ *Bertossi C.* Uses of History as a Cultural Process: Integration, Citizenship and the Boundary-making in Contemporary France // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 18. – P. 4238–4255; *Bertossi C., Duyvendak V.W.* National Models of Immigrant Integration: The Costs for Comparative Research // *Comparative European Politics*. – 2012. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 237–247.

⁸¹ *Michalowski I., van Oers R.* How Can We Categorise and Interpret Civic Integration Policies? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 163–171; *Finotelli C., Michalowski I.* The Heuristic Potential of Models of Citizenship and Immigrant Integration Reviewed // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. – 2012. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 231–240.

⁸² *Larin S.J.* Is It Really About Values? Civic Nationalism and Migrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 127–141; *Mouritsen P., Jensen K.K., Larin S.J.* Introduction: Theorizing the Civic Turn in European Integration Policies // *Ethnicities*. – 2019. – Vol. 19. – Issue 4. – P. 595–613.

⁸³ *Neureiter M.* Evaluating the Effects of Immigrant Integration Policies in Western Europe Using a Difference-in-differences Approach // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 45. – Issue 15. – P. 2779–2800; *Alarian H.M., Neureiter M.* Values or Origin? Mandatory Immigrant Integration and Immigration Attitudes in Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 1006–1027.

⁸⁴ *Borevi K.* Immigration and Asylum in the EU: A Resilient Policy for Integration? // *Routes to a Resilient European Union* / Ed. by A. Bakardjieva Engelbrekt, P. Ekman, A. Michalski, L. Oxelheim. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 195–218; *Bech E.C., Borevi K., Mouritsen P.* A ‘Civic Turn’ in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 7. – P. 1–24.

⁸⁵ *Joppke C.* Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22; *Joppke C.* Comparative Citizenship: A Restrictive Turn in Europe? // *Law & Ethics of Human Rights*. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 1–41; *Joppke C.* The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 55. – Issue 2. – P. 237–257; *Joppke C.* Transformations of Immigrant Integration: Civic Integration and Antidiscrimination in the Netherlands, France, and Germany // *World Politics*. – 2007. – Vol. 59. – Issue 2. – P. 243–273.

повороту» (*civic turn*) – парадигмальному изменению в политиках интеграции иммигрантов, предполагающему более принудительный стиль включения в принимающее общество, предусматривающий в первую очередь допуск на рынок труда и изучение языка для последующей натурализации. Несмотря на значимость данных работ, заключающуюся в критике предыдущих исследований, в которых подчеркивалось формирование новых постнациональных форм членства, основанных на правах человека и не требующих натурализации⁸⁷, в них довольно слабо концептуализировано понятие «гражданского поворота».

Анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что, с одной стороны, область изучения политики интеграции иммигрантов динамично развивается, а с другой – имеются исследовательские лакуны, требующие заполнения. В частности, упускается из виду изучение роли государства как актора, определяющего векторы развития политики интеграции иммигрантов, и влияния крайне правых партий на позиции и политику социал-демократических партий, слабо концептуализировано понятие «гражданского поворота», а также отсутствует кросс-национальный анализ, который бы системно отследил конвергенцию политик интеграции иммигрантов.

Подобное положение дел обуславливает **исследовательский вопрос**: Каковы причины и особенности трансформации политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции после миграционного кризиса 2015–2016 годов? Аналитически данный вопрос может быть разделен на две составляющие: (1) каковы причины изменения политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции; (2) почему в странах, занимающих

⁸⁶ *Fargues É.* Fabriquer des citoyens “autonomes”: “tournant civique” et vision néolibérale de l’intégration dans la procédure de naturalisation française // *Revue européenne des migrations internationales*. – 2020. – Vol. 36. – No. 4. – P. 55–75; *Fargues É., Pélabay J., Sénac R.* The Contemporary Uses of the ‘Values of the Republic’ in the French Naturalisation Process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – P. 1–18.

⁸⁷ *Hansen R.* The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration, and the New Europe // *Theory and Society*. – 2009. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 1–24; *Soysal Y.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. – Chicago: Chicago University Press, 1994. – 251 p.; *Tambini D.* Post-national Citizenship // *Ethnic and Racial Studies*. – 2001. – Vol. 24. – Issue 2. – P. 195–217.

противоположные позиции в разрешительно-ограничительном континууме, наблюдается конвергенция политик интеграции иммигрантов?

Объектом исследования является политика интеграции иммигрантов в Дании и Швеции, а **предметом исследования** – трансформация политик интеграции иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Дании и Швеции.

В рамках данной диссертационной работы автором используется зонтичный термин «иммигрант» для обозначения всех категорий лиц, проживающих в другой стране вне зависимости от причин миграции (вынужденных, трудовых, семейных иммигрантов и пр.). При этом с целью подчеркнуть особый статус иногда используется термин «беженец» как наиболее уязвимой категории иммигрантов.

Цель исследования заключается в выявлении особенностей трансформации политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции после европейского миграционного кризиса 2015–2016 годов⁸⁸.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих взаимосвязанных **исследовательских задач**:

1) проанализировать теоретические подходы к определению термина «интеграция иммигрантов», на основе проведенного анализа операционализировать базовое понятие исследования – «политика интеграции иммигрантов»;

⁸⁸ Европейский миграционный кризис 2015–2016 годов выбран как значимое событие, поскольку, в отличие от предыдущих кризисов, способствовавших углублению интеграции, является особым случаем: его последствия скорее замедляют дальнейшее продвижение интеграции, бросая вызов проекту Европейского Союза как уникального наднационального объединения (См.: Романова Т.А., Коцур Г.В. От политической либерализации к геополитическому повороту (Эволюция дискурса Евросоюза и связь нормативного и материального) // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2022. – Т. 66. – № 8. – С. 25–33). Кризис был вызван в первую очередь усилившимся неконтролируемым притоком иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки в силу дестабилизации в регионе вследствие событий «Арабской весны» и последовавших гражданских войн в Сирии, Ираке и Ливии. Большинство иммигрантов, в том числе и беженцев, прибывало в Европейский Союз через Грецию и Италию, а основными странами назначения выступали Германия, Нидерланды и Швеция. Перечисленные страны столкнулись с игнорированием проблем, связанных с размещением прибывших, предоставлением им социальных льгот и дальнейшей интеграцией в общество, рядом других государств-членов ЕС (главным образом – Вишеградской группы), что породило распределительную напряженность и способствовало усилению политизации миграции. Следовательно, европейский миграционный кризис следует рассматривать в качестве триггера изменений в партийно-политическом ландшафте Европы и, как следствие, в тех или иных политиках.

2) раскрыть специфику основных моделей интеграции иммигрантов, обозначив причины неэффективности моделей ассимиляции и мультикультурализма как апробированных на практике моделей и определив особенности модели гражданской интеграции;

3) исследовать природу и сущность «гражданского поворота» в политике интеграции иммигрантов, предложив авторское определение понятия, и определить его взаимосвязь с концепцией государства всеобщего благоденствия;

4) на основе выявления причин европейского миграционного кризиса 2015–2016 годов оценить его социально-политические последствия для процесса европейской интеграции сквозь призму постфункционализма⁸⁹, уделяя внимание степени политизации миграции и пространственному распределению кризисного давления;

5) на основе полученной оценки проанализировать реакции Датской и Шведской социал-демократических партий⁹⁰ на миграционный кризис в контексте усиления роли крайне правых партий;

6) провести сравнительный анализ политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции, выявив особенности программ интеграции иммигрантов, а также языковых и школьных политик, политик воссоединения семей и натурализации.

Теоретико-методологическую базу исследования составляют теории, подходы и методы политической науки и других смежных наук, что свидетельствует о его междисциплинарном характере.

Основной теоретической рамкой выступает **концепция интеграции иммигрантов**, представляющая собой массивный корпус подходов и исследовательских перспектив. В данной работе интерес представляют

⁸⁹ О постфункционализме см. раздел «Теоретико-методологическая база исследования» и параграф 2.1.

⁹⁰ Выбор социал-демократических партий обусловлен, во-первых, изменением их роли как доминант в национальных партийных системах Скандинавии ввиду усиления значения антимеритистических партий, а во-вторых, переосмыслением собственного позиционирования в качестве «защитников» и нормативных антрепренеров концепции государства всеобщего благоденствия, сталкивающихся с «прогрессивной дилеммой».

авторские концепции гражданской интеграции иммигрантов К. Йопке⁹¹ и С. Гудман⁹², оказавшие существенное влияние на теоретико-методологические основания исследования. Исходя из того, что государство является ключевым субъектом интеграции иммигрантов (определяет правовые нормы, процедуры и стратегии интеграции), диссертантом политика интеграции иммигрантов рассматривается как деятельность государства, направленная на включение иммигрантов в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества. При этом государство выполняет роль «интегративного института»⁹³, объединяя подходы разноуровневых структур, что обуславливает апеллирование в диссертации к **неоинституционализму**.

Институты, согласно Д. Норту, представляют собой «правила игры в обществе, или, выражаясь более формально, созданные человеком ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми»⁹⁴. Таким образом, неоинституционализм, в отличие от классического институционализма, более объемно трактует понятие «институт», понимая под ним не только организацию, но и процедуры. Такая трактовка дает возможность учитывать влияние внешних факторов, предопределяющих трансформации в политике интеграции иммигрантов, к которым следует отнести в первую очередь войны, политические и экономические кризисы. В рамках данной работы автор опирается на неоинституционализм рационального выбора, рассматривая государства как

⁹¹ Joppke C. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22; Joppke C. Comparative Citizenship: A Restrictive Turn in Europe? // *Law & Ethics of Human Rights*. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 1–41; Joppke C., Lukes S. *Multicultural Questions*. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 280 p.; Joppke C. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 55. – Issue 2. – P. 237–257; Joppke C. Transformations of Immigrant Integration: Civic Integration and Antidiscrimination in the Netherlands, France, and Germany // *World Politics*. – 2007. – Vol. 59. – Issue 2. – P. 243–273.

⁹² Goodman S.W. Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // *World Politics*. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 659–698; Goodman S.W. *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 284 p.; Goodman S.W., Wright M. Does Mandatory Integration Matter? Effects of Civic Requirements on Immigrant Socioeconomic and Political Outcomes // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 12. – P. 1885–1908.

⁹³ Соловьев А.И. Государство как производитель политики // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 2. – С. 95.

⁹⁴ Норт Д. *Институты, институциональные измерения и функционирование экономики*. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 19.

рациональных акторов⁹⁵, имеющих собственные интересы и ограниченных институциональной средой. Государства как институты играют координирующую роль в решении проблем коллективных действий⁹⁶.

Также автором используются *концепция европеизации* как теория среднего уровня, позволяющая оценить влияние норм Европейского Союза на политику государств-членов⁹⁷. Под европеизацией (*Europeanization*) понимается процесс, в результате которого «императивы, логика и нормы ЕС становятся неотъемлемой частью внутренней политики» государства-члена Европейского Союза⁹⁸. При этом учитывая отсутствие у ЕС исключительной компетенции в области интеграции иммигрантов, европеизация носит неформальный характер, поскольку не навязывается институтами ЕС.

Помимо концепции европеизации, автор обращается к *постфункционализму* как теории европейской интеграции, релевантной для изучения миграционного кризиса 2015–2016 годов. Постфункционализм базируется на трех предположениях: (1) делегирование полномочий на наднациональный уровень усиливает политизацию проблем; (2) рост популярности правых и популистских политических партий способствует политизации; (3) для процесса европейской интеграции политизация пагубна ввиду ограничивающего воздействия внутренних разногласий на выработку общеевропейской политики⁹⁹.

Методологически исследование строится по принципу *кейс-стади* (*case-study*), выбор которого продиктован «близостью» к реальным

⁹⁵ Hall P.A., Taylor R.C.R. Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. – 1996. – Vol. 44. – Issue 5. – P. 942.

⁹⁶ Патрушев С.В. Институциональная политология в российской перспективе // *Метод*. – 2012. – № 3. – С. 299.

⁹⁷ Lavenex S., Kunz R. The Migration-Development Nexus in EU External Relations // *Journal of European Integration*. – 2008. – Vol. 30. – Issue 3. – P. 439–457; Lavenex S., Uçarer E.M. The External Dimension of Europeanization: The Case of Immigration Policies // *Cooperation and Conflict*. – 2004. – Vol. 39. – Issue 4. – P. 417–443.

⁹⁸ Featherstone K. Europeanization and the Centre Periphery: The Case of Greece in the 1990s // *South European Society and Politics*. – 1998. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 23–39.

⁹⁹ De Wilde P. Rebound? The Short- and Long-Term Effects of Crises on Public Support and Trust in European Governance // *The Palgrave Handbook of EU Crises* / Ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsome. – London: Palgrave MacMillan, 2021. – P. 667–683; Hooghe L., Marks G. A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. – 2009. – Vol. 39. – Issue 1. – P. 1–23.

жизненным ситуациям. Кейсы (случаи) концептуализируются как значимые, сложные структуры, институты, феномены¹⁰⁰. В рамках данной работы единицей исследования выступает государство, что обусловлено непреходящей ролью государственно-ориентированных моделей в сфере миграции, даже в условиях глобализации и европеизации¹⁰¹. В качестве кейсов для изучения политики интеграции иммигрантов как зависимой переменной выбраны два государства Северной Европы – Дания и Швеция. При этом независимой переменной выступает миграционный кризис 2015–2016 годов, способствовавший, по мнению диссертанта, «гражданскому повороту» и конвергенции датской и шведской политик интеграции.

С целью выявления как общих тенденций, так и различий в политиках интеграции иммигрантов в двух обозначенных странах, автором используется комбинация – на первый взгляд несопоставимых в сравнительной политологии – *стратегий*: дизайн наиболее схожих систем (*Most Similar Systems Design*) и дизайн наиболее различных систем (*Most Different Systems Design*)¹⁰².

Дизайн наиболее схожих систем помогает определить, почему в схожих политически, экономически и культурно политиях различаются политики интеграции иммигрантов, исключая при этом нерелевантные переменные¹⁰³. Политические системы Дании и Швеции схожи как институционально (многопартийный парламент, коалиционные правительства, стабильность политической системы), так и нормативно (универсализм как краеугольный камень государства всеобщего благоденствия)¹⁰⁴. Экономики обозначенных стран являются небольшими и

¹⁰⁰ King G., Keohane R.O., Verba S. *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 300 p.

¹⁰¹ Bauböck R., Permoser J.M. Sanctuary, Firewalls, Regularisation: Three Inclusive Responses to the Presence of Irregular Migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49. – Issue 14. – P. 3671.

¹⁰² MSSD и MDSД были впервые предложены Джоном Стюартом Миллем и уточнены Адамом Пшеворски и Генри Тюне в 1970-х годах. См.: Przeworski A., Teune H. *The Logic of Comparative Social Inquiry*. – New York: Wiley-Interscience, 1970. – 153 p.

¹⁰³ Steinmetz J. *Politics, Power, and Purpose: An Orientation to Political Science*. – Hays: Fort Hays State University, 2021. – P. 176.

¹⁰⁴ Черкасов А.И. Скандинавская модель социального обеспечения и ее особенности // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2022. – № 9. – С. 122–130.

открытыми, что в свою очередь подвергает их одинаковой финансовой нагрузке из-за увеличения низкоквалифицированной рабочей силы из-за рубежа¹⁰⁵. Кроме того, и в Дании, и в Швеции антииммигрантские настроения способствуют мобилизации электората вокруг правых партий, что впоследствии влияет на выработку политики интеграции. Анализ общественного мнения по вопросам миграции в обеих странах позволяет сделать вывод, что как в Дании, так и в Швеции «значительная часть населения выражает негативное и критическое отношение к дальнейшей иммиграции, а также к иммигрантам», а «единственное существенное различие заключается в более критическом отношении к проблеме в Дании»¹⁰⁶. Наконец, население обеих стран вплоть до 1960-х годов было этнически однородным¹⁰⁷. Таким образом, у Дании и Швеции отсутствовал опыт интеграции иммигрантов. Однако исследования скандинавских политик интеграции иммигрантов, проводимые до миграционного кризиса, свидетельствуют о противоположных стратегиях, выбранных Данией и Швецией¹⁰⁸. Так, с момента усиления миграционных потоков в 1980–1990-х годах оба государства столкнулись с необходимостью интегрировать прибывающих. Однако если Швеция проводила разрешительную политику, вводя минимальные требования к иммигрантам для натурализации, Дания довольно жестко ограничивала их права. Более того, в начале миграционного кризиса Швеция приняла наибольшее число беженцев на душу населения из всех стран ЕС, а Дания ввела ограничительные меры.

На втором этапе используется *дизайн наиболее различных систем*, с помощью которого выявляются сходства в политиках интеграции, а также

¹⁰⁵ Óskarsdóttir S. From Active States to Active Citizenship? The Impact of Economic Openness and Transnational Governance // Citizenship in Nordic Welfare States: Dynamics of Choice, Duties and Participation in a Changing Europe / Ed. by B. Hvinden, H. Johansson. – London and New York: Routledge, 2007. – P. 18–31.

¹⁰⁶ Green-Pedersen C., Krogstrup J. Immigration as a Political Issue in Denmark and Sweden // European Journal of Political Research. – 2008. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 618–619.

¹⁰⁷ Brochmann G., Kjeldstadli K. A History of Immigration: The Case of Norway 900–2000. – Oslo: Universitetsforlaget, 2008. – 331 p.

¹⁰⁸ Borevi K. Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // Identities. – 2014. – Vol. 21. – Issue 6. – P. 708–723; Goodman S.W. Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // World Politics. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 659–698.

определяется независимая переменная, которая выступает причиной изменений¹⁰⁹. Логика сравнения позволяет выделять именно тот фактор, который оказывает воздействие на зависимую переменную¹¹⁰. В данном контексте речь идет о миграционном кризисе, послужившем для датского и шведского правительств триггером к пересмотру мер по интеграции иммигрантов и, следовательно, способствовавшем «гражданскому повороту» и конвергенции политик интеграции.

Оправданным является использование качественного *метода анализа процессов* (*process tracing analysis*), предполагающего изучение политического «процесса, посредством которого различные начальные условия преобразуются в результаты»¹¹¹.

Диссертация построена на общенаучных *принципах научной объективности и системности*, предполагающих комплексное и контекстуальное рассмотрение событий, явлений и процессов. Кроме того, автором используются *историко-описательный, историко-сравнительный и историко-генетический методы* для рассмотрения эволюции языковой и школьной политик, а также политик натурализации и воссоединения семей в Дании и Швеции.

Эмпирическая база исследования представлена следующими группами источников:

- акты первичного¹¹² и вторичного¹¹³ права Европейского Союза;

¹⁰⁹ Steinmetz J. Politics, Power, and Purpose: An Orientation to Political Science. – Hays: Fort Hays State University, 2021. – P. 178.

¹¹⁰ Политическая компаративистика / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – С. 120.

¹¹¹ Collier D. Understanding Process Tracing // Political Science and Politics. – 2011. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 823.

¹¹² Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01 // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 09.02.2024).

¹¹³ Council Decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and of Greece // Official Journal of the European Union. 15.09.2015. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2015_239_R_0011 (дата обращения: 09.02.2024); Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and Greece // Official Journal of the European Union. 24.09.2015. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015D1601> (дата обращения: 09.02.2024); Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the Right to Family Reunification // Official Journal of the European Union. 03.10.2003. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:en:PDF> (дата

- нормативно-правовые акты¹¹⁴, регламентирующие миграционную политику и политику интеграции иммигрантов в Дании и Швеции;
- заявления официальных лиц¹¹⁵, позволяющие сопоставить цели и задачи политики интеграции иммигрантов с ее результатами;
- статистические данные¹¹⁶.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

1) на основе неинституциональной логики «возвращения» государства в исследовательскую повестку автором предложено содержательное расширение понятийно-категориального аппарата в части определения термина «политика интеграции иммигрантов» как деятельности государства, направленной на включение иммигрантов в политическую,

обращения: 10.02.2024); Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // Official Journal of the European Union. 23.01.2004. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex%3A32003L0109> (дата обращения: 10.02.2024); Directive (EU) 2016/801 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing // Official Journal of the European Union. 21.05.2016. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/801/oj> (дата обращения: 26.02.2024).

¹¹⁴ Dir. 1998:50. Tilläggsdirektiv till 1997 års medborgarskapskommitté // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/kommittedirektiv/tillaggsdirektiv-till-1997-ars_GMB150 (дата обращения: 18.01.2024); Lov om folkeskolen nr. 509 af 30.06.1993 // Danmarks historien. – Режим доступа: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/lov-om-folkeskolen-30-juni-1993> (дата обращения: 07.01.2024); Prop. 2015/16:174. Tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/contentassets/075968fdd8c94788977dba14bae16444/forslag-om-att-tillfalligt-begransa-mojligheten-att-fa-uppehallstillstand-i-sverige-prop.-201516174> (дата обращения: 02.02.2024); Prop. 2016/17:175. Ett nytt regelverk för nyanlända invandras etablering i arbets- och samhällslivet // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/4965e5/contentassets/4eccccf8c5d74e0c8b5110289265d866/ett-nytt-regelverk-for-nyanlanda-invandras-etablering-i-arbets--och-samhallslivet-prop.-201617175> (дата обращения: 10.02.2024); 21. SOU 1999:34. Krav på kunskaper i svenska språket och i samhällskunskap // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/statens-offentliga-utredningar/sou-1999-34-d1_GNB334d1 (дата обращения: 19.01.2024); SOU 2020:54. En långsiktigt hållbar migrationspolitik // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2020/09/sou-202054> (дата обращения: 21.01.2024).

¹¹⁵ Erna Solberg: – Jeg mener vi kan mestre å ta imot og bosette 30.000 flyktninger i året // Verdens Gang. 06.04.2016. – Режим доступа: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/orgpB/erna-solberg-jeg-mener-vi-kan-mestreaa-ta-imot-og-bosette-30-000-flyktninger-i-aaret> (дата обращения: 06.01.2024); Kristersson U., Axén Olin K. M: Språkreform behövs mot integrationskrisen // Svenska Dagbladet. 30.06.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/m-sprakreform-behovs-motintegrationskrisen> (дата обращения: 16.01.2024); Sabuni N. Sabuni: Nu tar vi viktiga steg mot ett språktest // Svenska Dagbladet. 27.10.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/a/1n8gBJ/sabuni-nu-tar-vi-viktiga-steg-mot-ett-spraktest> (дата обращения: 16.01.2024).

¹¹⁶ Granted residence permits overviews // Migrationsverket. 2023. – Режим доступа: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Granted-permits-overviews.html> (дата обращения: 27.01.2024); Indvandrere i Danmark 2022 // Danmarks statistik. 01.12.2022. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/da/Statistik/nyheder-analyser-publ/Publikationer/VisPub?cid=44690> (дата обращения: 29.01.2024); World Migration Report 2022 // International Organization for Migration. 01.12.2021. – Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 20.01.2024).

экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества;

2) на основе критического анализа моделей интеграции иммигрантов делается вывод о логике развития политики интеграции иммигрантов: от отказа применения моделей ассимиляции и мультикультурализма к модели гражданской интеграции, предполагающей обусловленность легального статуса иммигранта степенью его «включения» в общество, что свидетельствует о «гражданском повороте» в политиках интеграции иммигрантов;

3) представлена авторская трактовка понятия «гражданский поворот», под которым понимается парадигмальное изменение в политиках интеграции иммигрантов, предполагающее более принудительный стиль включения в принимающее общество, предусматривающий в первую очередь допуск на рынок труда и изучение языка для последующей натурализации, и обозначается его связь с философией государства всеобщего благоденствия;

4) обосновано, что европейский миграционный кризис следует рассматривать в качестве каскадного кризиса, затрагивающего как минимум два измерения – общеевропейское, связанное с перспективами дальнейшего углубления европейской интеграции в целом, и национальное, сопряженное с политизацией и секьюритизацией иммиграции;

5) доказано, что реакция Датской и Шведской социал-демократических партий на утрату электоральной поддержки и рост популярности крайне правых партий на фоне европейского миграционного кризиса заключалась в политизации иммиграции и введении более рестриктивных требований к интеграции иммигрантов, что свидетельствует об изменениях в партийно-политическом ландшафте скандинавских стран;

6) доказано, что европейский миграционный кризис послужил триггером для введения более строгих требований к интеграции иммигрантов в Дании и Швеции, общие тенденции которых отражают конвергенцию политик интеграции в скандинавских странах, а также выявляют слабые

стороны национальных философий интеграции, рассматривающих политику интеграции иммигрантов как продукт исключительно внутринациональной политической динамики.

Гипотеза исследования. Миграционные потоки из стран Ближнего Востока и Северной Африки, имевшие беспрецедентный по масштабу характер на фоне политической нестабильности в этих регионах, стали тяжелым вызовом как для Европейского Союза, позиционирующего себя в качестве уникального наднационального актора (*sui generis*), так и для отдельных государств-членов ЕС. В ответ на миграционный кризис Дания и Швеция, придерживавшиеся на протяжении последних 50 лет противоположных стратегий интеграции иммигрантов, стали принимать сходные решения, что было вызвано совокупностью экономических и социально-культурных причин.

Положения, выносимые на защиту:

1. Ассимиляция и мультикультурализм как основные модели интеграции иммигрантов в государствах-членах Европейского Союза исчерпали свой потенциал, что предопределяет поиск новых форм и стратегий¹¹⁷. Реализация модели ассимиляции, предполагающей «растворение» иммигрантов в принимающем обществе, невозможна ввиду усилившегося этнического и культурного разнообразия, при этом мультикультурализм продуцирует консервацию иммигрантов внутри этнических сообществ, способствуя их самосегрегации и выходу из пространства государственной регуляции.

2. «Гражданский поворот» как изменение логики политики интеграции иммигрантов, наблюдающийся в Дании и Швеции, представляет собой отказ от предыдущих моделей в пользу гражданской интеграции. Однако данное явление, как относительно новое, слабо концептуализировано, что обуславливает множественность его трактовок.

¹¹⁷ Модель интеркультурализма не может быть рассмотрена в качестве еще одной соразмерной модели, стратегии или инструмента интеграции иммигрантов, являясь скорее совокупностью дискурсивных практик (об этом см. подробно §1.2).

Вместе с тем автор определяет в качестве основной причины «гражданского поворота» увеличение финансовой нагрузки на экономику государства, имеющей социальные и политические последствия, что в итоге приводит к введению государством ограничительных мер в рассматриваемой сфере, вступающих в противоречие с ценностно-политическими и экономическими параметрами европейского проекта.

3. Усиление миграционных потоков бросает вызов государству всеобщего благоденствия, заключающийся в потенциальных политических, финансовых и структурных проблемах, детерминированных иммиграцией, прежде всего пулу его универсалистских черт – приверженности эгалитаризму, связи с национальной идентичностью, ориентации на солидарность. Это коррелирует с подходом ограниченного универсализма, согласно которому солидарность внутри общества связана с экономически мотивированными ограничениями¹¹⁸, а экономическая и социальная устойчивость обеспечивается посредством перераспределения общественных благ, предполагая ограничительный отбор его новых членов¹¹⁹, что переопределяет параметры логики «социального шовинизма» (*welfare chauvinism*). Такое положение дел обуславливает необходимость решения «прогрессивной» дилеммы, заключающейся в нахождении баланса между инклюзивной политикой социального обеспечения, с одной стороны, и увеличивающимся числом иммигрантов, с другой.

4. Триггером для «гражданского поворота» послужил европейский миграционный кризис 2015–2016 годов, затронувший экономическую и демографическую сферы и, как результат, обостривший противоречия между национальными государствами-членами и институтами Европейского Союза. Первые, в свою очередь, ввиду асимметричности кризисного давления, начали выступать за ренационализацию миграционной политики и политики

¹¹⁸ См., например, *Benhabib S.* Transformations of Citizenship: The Case of Contemporary Europe // *Government and Opposition*. – 2002. – Vol. 37. – Issue 4. – P. 439–465.

¹¹⁹ См., например, *Brochmann G., Dølvik J.E.* The Welfare State and International Migration: The European Challenge // *Routledge Handbook of the Welfare State* / Ed. by B. Greve. – London: Routledge, 2018. – P. 510.

интеграции иммигрантов, повышая степень политизации миграции. Используя в качестве стратегии исследования комбинацию дизайна наиболее схожих систем и дизайна наиболее различных систем, автор выявляет особенности стратегий интеграции иммигрантов в Дании и Швеции до и после миграционного кризиса.

5. Мобилизационный потенциал крайне правых партий в Дании и Швеции предоставил им возможность оперативно реагировать на запросы электората, что привело к росту их популярности. В свою очередь социал-демократические партии оказались неспособны предложить viable стратегии разрешения миграционного кризиса и были вынуждены со временем перенять риторику и идеи оппонентов, переводя их в практическую плоскость, что свидетельствует о деформации партийно-политического ландшафта в скандинавских странах. Деформация партийно-политического ландшафта, рост популярности крайне правых партий, а также изменение риторики и идей социал-демократов с целью удовлетворения запросов электората приводят к трансформации политик интеграции иммигрантов. Как в Дании, так и в Швеции наблюдается введение дополнительных мер рестриктивного характера в отношении иммигрантов, что в итоге позволяет говорить о конвергенции датской и шведской политик интеграции под влиянием общих для государств всеобщего благоденствия тенденций в экономике.

6. Ведущая роль в интеграции иммигрантов в Дании и Швеции отводится языковой политике, поскольку овладение языком связывается с доступом к статусу постоянно проживающего или гражданина, а также доступом к рынку труда и социальному обеспечению, что позволяет государствам исключать тех, кто не отвечает заданным критериям, снижая таким образом социальные издержки от увеличившегося притока иммигрантов. Схожая логика характерна для политики воссоединения семей, где иммигрантам при выполнении определенных условий открывается доступ к правам. В школьной политике акцент делается на обеспечении

социальной сплоченности, связанной с ценностными и идеологическими основаниями. В свою очередь, в датской и шведской политиках натурализации, невзирая на изначально различное понимание гражданства (в Дании гражданство – «награда», предполагающая его получение *после* достижения определенного уровня интегрированности; в Швеции – «инструмент», предполагающий получение гражданства *до* достижения определенного уровня интегрированности), также наблюдается конвергенция, вызванная изменением шведского понимания гражданства ввиду включения в шведский политический дискурс идей об ограничении доступа к гражданству путем сдачи тестов на знание шведской культуры и общества.

Теоретическая значимость исследования заключается в концептуализации и операционализации понятия «гражданский поворот», что расширяет рамки изучения миграционной проблематики и позволяет анализировать политики интеграции иммигрантов в других европейских странах. Результаты данного исследования демонстрируют изменение логики политики интеграции иммигрантов в пользу модели гражданской интеграции с сохранением ведущей роли национального государства, что бросает вызов европейскому проекту.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в его ходе результаты могут применяться для критической оценки и совершенствования миграционной политики и политики интеграции иммигрантов различных уровней власти не только в рассматриваемых странах, но и в России. Результаты исследования также могут быть использованы в дидактических целях в рамках таких учебных дисциплин, как «Мировые политические процессы», «Сравнительная политология», «Политическая регионалистика: российская и международная специфика», «Ценностно-политические аспекты современной миграции». Кроме того, материалы диссертации могут послужить основой для разработки учебных пособий по миграционной тематике.

Соответствие диссертации паспорту специальности. Работа соответствует паспорту специальности 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и региональные исследования по следующим позициям области исследования: п. 1, п. 2, п. 3, п. 11, п. 15.

Степень достоверности результатов исследования обусловлена использованием комплекса теоретических подходов, релевантных объекту и предмету, цели и задачам исследования. Сформулированные выводы подкреплены эмпирическими данными, полученными из официальных источников информации.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы диссертационной работы нашли отражение в 9 научных публикациях.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных перечнем ВАК РФ, и в изданиях из перечня, рекомендованного Аттестационной комиссией РУДН:

1. *Бутенко В.А.* «Гражданский поворот» в политике интеграции иммигрантов в Швеции // PolitBook. – 2020. – № 1. – С. 129–146. (Перечень РУДН; Перечень ВАК, К2)

2. *Бутенко В.А.* Миграционная политика Европейского Союза в контексте глобализации // Вестник Пермского университета. Политология. – 2018. – № 2. – С. 21–30. (Перечень РУДН; Перечень ВАК, К1, ядро РИНЦ)

3. *Бутенко В.А., Мохаммади Ш.* Регионализация и «новый» регионализм // Право и политика. – 2020. – № 7. – С. 105–113. (Перечень РУДН; Перечень ВАК, К2)

4. *Бутенко В.А.* Трансформация интеграционной политики Дании // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 24–30. (Перечень РУДН; Перечень ВАК, К2)

5. *Бутенко В.А.* Трансформация политик интеграции иммигрантов в Скандинавии // Via in tempore. История. Политология. – 2023. – Т. 50. – № 4. – С. 1053–1060. (Перечень ВАК, К2)

Статьи в изданиях, индексируемых в наукометрической базе данных «Web of Science»:

6. *Ghadbeigy Z., Mohammadi S., Butenko V., Ahangaran M.* The Clash of Civilizations in the Syrian Crisis // *Revista de la Universidad del Zulia.* – 2020. – Vol. 11. – Issue 31. – P. 302–322.

Статьи в иных изданиях:

7. *Бутенко В.А.* Миграционный кризис в ЕС: рост правого популизма // *Русская политология.* – 2019. – № 2 (11). – С. 50–54. (входит в Перечень РУДН с 2020 года)

8. *Butenko V., Chekmazov A.* Sweden's Immigrant Integration Policy: The Role of Language // *Przegląd Europejski.* – 2020. – Issue 4. – P. 133–137. (БД «Index Copernicus»)

9. *Chekmazov A., Butenko V.* The Main Factors of the Recent Development of European Welfare States: Swedish Case // *Przegląd Europejski.* – 2021. – Issue 3. – P. 227–232. (БД «Index Copernicus»)

Положения диссертации были обсуждены на следующих конференциях и форумах: Всероссийский Форум молодых политологов РАПН «Развитие государства и общества: идеи, субъекты, институты и практики» (Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, 2018 г.); Международный форум «Общество. Доверие. Риски: Доверие к миграционным процессам. Риски нового общества» (ГУУ, Москва, 2019 г.); Межвузовская конференция молодых исследователей «Языки и культуры народов мира. Межкультурная коммуникация» (РУДН, Москва, 2019 г.); V Международная научно-практическая конференция «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование» под эгидой МАПРЯЛ (РУДН, Москва, 2019 г.); XXVI международный молодежный научный форум «Ломоносов – 2019» (МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, 2019 г.); Ежегодный Международный форум «Общество. Доверие. Риски» (ГУУ, Москва, 2020 г.); Международная конференция молодых ученых «Глобальное управление: кризис или трансформация?» (ИМЭМО РАН,

Москва, 2020 г.); XI Международный научно-практический форум «Миграционные мосты в Евразии: новые подходы к формированию миграционной политики в интересах устойчивого развития» (МГИМО, Москва, 2020 г.); Ежегодная всероссийская научная конференция с международным участием РАПН «Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы» (МПГУ, Москва, 2020 г.); Международная научно-практическая конференция «V Нижневолжские чтения. Социально-политические, экономические и демографические аспекты развития современного общества» (ВолГУ, Волгоград, 2021 г.); Всероссийская научная конференция «Clio Moderna-2: Европейские историко-культурные исследования в контексте глобальной истории» (УрФУ, Екатеринбург, 2022 г.); X Всероссийская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы управления» (ННГУ, Нижний Новгород, 2023 г.); XIV международная молодежная научная конференция «Новая политическая реальность: возможности и вызовы» (СПбГУ, Санкт-Петербург, 2023 г.); Конференция молодых ученых «Актуальные вопросы этнологии и антропологии» (ИЭА РАН, Москва, 2023 г.); Международная научная конференция «VI Ливенцевские чтения. Современная система международных экономических отношений: между глобализацией и фрагментацией» (МГИМО, Москва, 2023 г.); Ежегодная конференция РАПН «Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск» (РУДН, Москва, 2023 г.).

Структура работы обусловлена целью и задачами исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

ГЛАВА 1. ИНТЕГРАЦИЯ ИММИГРАНТОВ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ

1.1 Понятие интеграции иммигрантов: анализ теоретических подходов

Тема интеграции иммигрантов занимает одно из центральных мест в академическом и политическом дискурсах. Связано это с глобальным характером современных миграционных процессов, детерминирующим политико-институциональные изменения и диверсифицирующим политические практики¹²⁰. Однако, невзирая на многочисленные исследования в данной области, в науке отсутствует универсальное определение термина «интеграция иммигрантов», в связи с чем зачастую оно используется, критически не осмысливаясь.

Международные организации и интеграционные объединения вносят свой вклад в наполнение содержанием термина «интеграция». Так, Организация Объединенных Наций (ООН) определяет интеграцию иммигрантов как их включение в различные сферы жизни принимающего общества различными способами. При этом особо подчеркивается доступ к образованию, здравоохранению и правосудию¹²¹. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) также обращает внимание на взаимосвязь экономического, социального и образовательного аспектов интеграции иммигрантов, понимая под ней многомерный процесс, благодаря которому вновь прибывшие становятся частью принимающего общества¹²².

Международная организация по миграции (МОМ) дает следующее определение интеграции: «интеграция – это двусторонний процесс взаимной адаптации между мигрантами и обществами, в которых они живут, при

¹²⁰ Мчедлова М.М. Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // *Философия политики и права*. – 2019. – № 10. – С. 131.

¹²¹ International Migration 2019: Report // United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2019. – Режим доступа: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210048194> (дата обращения: 23.02.2024).

¹²² Settling In Report: Indicators of Immigrant Integration 2023 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 15.06.2023. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/publications/indicators-of-immigrant-integration-67899674-en.htm> (дата обращения: 23.02.2024).

котором мигранты включаются в социальную, экономическую, культурную и политическую жизнь принимающего сообщества. Он влечет за собой набор совместных обязанностей для мигрантов и сообществ...»¹²³. Похожее определение дано в Общих базовых принципах политики интеграции иммигрантов в ЕС от 2004 года (*Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU*), согласно которым интеграция определяется как двусторонний процесс, определяемый правами законно проживающего гражданина третьей страны и его обязательствами перед принимающим обществом¹²⁴. Непосредственный характер процесса подразумевает, что, с одной стороны, граждане третьих стран должны придерживаться критериев, установленных принимающим обществом, но, с другой стороны, принимающее общество обязано создавать среду, в которой возможности иммигрантов гарантируются.

Академическая литература характеризуется разнообразием концептов и подходов, описывающих включение иммигрантов в принимающее их общество. Так, если термины «аккультурация» и «аккомодация» подчеркивают культурные аспекты, то термин «инкорпорация» акцентирует внимание на правовых, политических и социально-экономических аспектах. Вместе с тем в большинстве научных работ используются термины «адаптация» и «интеграция». Под адаптацией понимается процесс приспособления иммигрантов к условиям принимающего общества¹²⁵, в первую очередь – к принятым правилам поведения и культуре¹²⁶. Время адаптации зависит от множества факторов: государственной миграционной политики, знания языка, возраста иммигранта, его материального положения

¹²³ Glossary on Migration // International Organization for Migration. 2019. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

¹²⁴ Press release 14615/04 (Presse 321). Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU // Council of the European Union. 19.11.2004. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/common-basic-principles-immigrant-integration-policy-eu_en (дата обращения: 15.01.2024).

¹²⁵ Кононов Л.А., Леденева В.Ю. Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 105.

¹²⁶ Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы проведения в России / А.В. Должикова, В.М. Козьменко, М.Н. Мосейкина, Е.В. Киселева, О.С. Кажяева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РУДН, 2016. – 139 с.

и др. Таким образом, адаптация выступает необходимым условием интеграции¹²⁷.

Концептуальная расплывчатость понятия «интеграция» предопределяет многообразие его содержательного наполнения, которое в самом общем виде сводится к включению иммигранта в новое для него общество. Наиболее часто интеграция рассматривается как двусторонний процесс. Например, С.В. Рязанцев под интеграцией понимает «двусторонний процесс вхождения людей, совершивших миграцию, в новое общество»¹²⁸. М. Хоракова дает более широкое определение, рассматривая интеграцию как «непрерывный процесс объединения элементов социальной структуры и процессов, которые в ней происходят, в сбалансированную функциональную единицу, направленную на достижение сплоченности¹²⁹, консенсуса, стабильности, воспроизводства и возможностей для дальнейшего роста, что обеспечивает поддержание жизненной системы»¹³⁰. Однако, по мнению диссертанта, данное определение, несмотря на свою терминологическую перегруженность, слишком расплывчато трактует термин «интеграция».

Ученые, изучающие интеграцию как двухсторонний процесс¹³¹, обращают внимание, что для успешной интеграции необходимо участие не только иммигрантов, но и жителей принимающей страны. Как отмечает В.И. Мукомель, интеграция – «процесс встречного движения культур принимающего социума и культур мигрантов, смешение культурных норм и ценностей, изначально функционировавших сепаратно и, возможно,

¹²⁷ Мукомель В.И. Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. – 2016. – № 14. – С. 414.

¹²⁸ Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007. – С. 303.

¹²⁹ Социальная сплоченность (*social cohesion*) означает прочность отношений и солидарность между членами сообщества. Включает в себя два основных измерения: чувство принадлежности к сообществу и отношения между членами внутри самого сообщества. См.: Manca A.R. Social Cohesion // Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research / Ed. by A.C. Michalos. – Dordrecht: Springer, 2014. – P. 6026–6028.

¹³⁰ Horáková M. Problémy integrace etnických menšin // Sociální politika. – 1997. – Roč. 23. – Č. 1. – S. 6.

¹³¹ Варшавер Е.А. Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. – Москва: Московский институт социально-культурных программ, 2014. – 60 с.; Малахов В.С. Мигранты неевропейского происхождения в Европе: культурно-идентификационный аспект интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 211–233.

противоречащих друг другу»¹³². Таким образом, в процессе интеграции задействованы как минимум две основные целевые группы – иммигранты и принимающее общество. Иммигранты должны следовать своим обязанностям (при гарантировании их прав), в то время как принимающее общество должно создавать условия для обеспечения полного экономического, социального, культурного и политического участия иммигрантов в общественной жизни. Это означает, что успешная интеграция зависит от отношения принимающего общества к иммигрантам и от открытости системы.

В.С. Малахов выделяет три значения понятия «интеграция»¹³³:

- 1) ассимиляция, предполагающая полное «растворение» в принимающем обществе;
- 2) культурная адаптация, требующая приспособления к новой культурной среде и приобщения к ценностям принимающего общества без смены идентичности;
- 3) структурная адаптация, означающая включенность в социально-экономическую жизнь принимающей страны без уделения внимания культурным показателям.

Помимо превалирующего в науке мнения об интеграции как двустороннем процессе, некоторые авторы рассматривают интеграцию как трехсторонний процесс¹³⁴. Так, К. Киришчи включает в процесс интеграции, кроме государства и иммигранта, гражданское общество¹³⁵. Э. Дикиджи предпринимает попытку представить интеграцию иммигрантов как

¹³² Мукомель В.И. Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнические мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. – 2015. – № 1 (77). – С. 81.

¹³³ Малахов В.С. Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – М.: Издательство Мысль, 2015. – С. 32.

¹³⁴ Garcés-Masareñas B., Penninx R. Introduction: Integration as a Three-Way Process Approach? // Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors / Ed. by B. Garcés-Masareñas, R. Penninx. – Cham: Springer, 2016. – P. 1–9; Unterreiner A., Weinar A. Introduction: Integration as a Three-Way Process // Migrant Integration Between Homeland and Host Society: Where Does the Country of Origin Fit? Volume 1 / Ed. by A. Weinar, A. Unterreiner, P. Fargues. – Cham: Springer, 2017. – P. 1–19.

¹³⁵ Kirişçi K. A “Three-Way Approach” to Incorporating Muslim Immigrants in the EU: A Turkish Perspective // International Journal in Multicultural Societies. – 2009. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 119–135.

национальную и транснациональную проблему¹³⁶. По его мнению, транснациональные субъекты, к которым он относит семейные сети, гражданские, религиозные и политические организации, правительственные учреждения страны происхождения, оказывают прямое влияние на процесс интеграции. Подобная новаторская трактовка снижает значение государства как субъекта интеграции.

Учитывая вышеизложенное, диссертант рассматривает **интеграцию** как процесс включения иммигрантов в принимающее общество. Данное определение по сути является аналитическим, а не нормативным. Автор видит необходимость изучения реальных процессов, а не предписаний о желаемой конечной цели, именно поэтому интеграция определяется скорее как процесс, а не результат.

Иммиграция изменяет состав населения, в большинстве случаев увеличивая разнообразие в обществе¹³⁷. Иммигранты часто приезжают из страны с другими политическими институтами, языком, типом общества, традициями, в том числе религиозными и культурными. Следовательно, основной задачей, стоящей перед государством, становится обеспечение социальной сплоченности общества. В данном контексте особую актуальность приобретают политические, правовые, экономические, социальные и культурные аспекты интеграции.

Законодательство имеет решающее значение для успешной интеграции, поскольку оно является выражением политической воли и основой всей системы интеграции. Законодательство устанавливает правила этого процесса, права и обязанности его участников, а также выражает отношение страны к иммигрантам. Политический аспект интеграции заключается в принятии политических ценностей страны, что зачастую включает право иммигрантов на гражданское и политическое участие и

¹³⁶ *Dikici E.* Integration as a Three-Way Process and Negotiation // *Transnational Islam and the Integration of Turks in Great Britain* / Ed. by E. Dikici. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 113–138.

¹³⁷ *Denisenko M., Mkrtchyan N., Chudinovskikh O.* Permanent Migration in the Post-Soviet Countries // *Migration from the Newly Independent States: 25 Years After the Collapse of the USSR* / Ed. by M. Denisenko, S. Strozza, M. Light. – Cham: Springer, 2020. – P. 33.

право голоса¹³⁸. Экономический аспект предполагает в первую очередь участие на рынке труда. Успешное вовлечение иммигрантов в экономическую жизнь затем отражается на социальном аспекте. Провал социального аспекта может привести к социальной изоляции иммигрантов, их сегрегации или дискриминации. Культурный аспект интеграции касается возможности поддерживать контакты с местным населением на языке межнационального общения, а также овладеть культурными нормами и навыками принимающего общества.

Социолог Х.А. Диаз указывает на пять различных измерений интеграции: интеграция на рынке труда, социальная интеграция, жилищная интеграция, гражданская интеграция и субъективная интеграция¹³⁹. С подобной точкой зрения выступают Й. Сандберг, А. Фредгольм и О. Фрёдин, полагающие, что степень включения и участия иммигрантов в стратегически важных сферах общества, таких как рынок жилья и рынок труда, можно рассматривать как меру их интеграции в общество¹⁴⁰. А. Эйджер и А. Стрэндж определяют стимулирующие факторы, под которыми они понимают факторы, необходимые для преодоления существующих барьеров для интеграции. В качестве таких факторов выделяются владение языком и знание устоев принимающего общества¹⁴¹. Однако В.И. Мукомель более широко определяет факторы интеграции, относя к ним миграционную политику и политику интеграции иммигрантов, толерантность принимающего общества, длительность пребывания иммигранта в стране, распространенность дискриминационных практик (в первую очередь в сфере занятости и найма жилья)¹⁴².

¹³⁸ В ряде государств-членов ЕС иммигранты обладают активным и пассивным избирательным правом.

¹³⁹ *Diaz J.A.* Integration: A Basic Definition and Methodological Strategy // *Multiculturalism in the Nordic Societies: Proceedings of the 9th Nordic Seminar for Researchers on Migration and Ethnic Relations* / Ed. by J. Hjarne. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 1995. – P. 202.

¹⁴⁰ *Sandberg J., Fredholm A., Frödin O.* Immigrant Organizations and Labor Market Integration: The Case of Sweden // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 24. – Issue 3. – P. 1357.

¹⁴¹ *Ager A., Strang A.* Understanding Integration: A Conceptual Framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21. – Issue 2. – P. 166–191.

¹⁴² *Мукомель В.И.* Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // *Методология и методы изучения миграционных процессов* / Под ред. Ж.А.

Следует отметить, что в исследованиях по интеграции иммигрантов широко обсуждаемой темой является роль государства. Критики т.н. «методологического национализма» ставят под сомнение значимость государства как единицы анализа¹⁴³. Это обусловлено тем, что государство не монолитно, внутри него представлены различные силы с конкурирующими интересами. Принимая во внимание тот факт, что государство не может быть единственной единицей анализа, игнорирование его роли в выработке стратегий интеграции иммигрантов недопустимо.

Исходя из того, что государство является ключевым субъектом интеграции иммигрантов (определяет правовые нормы, процедуры и стратегии интеграции), диссертантом **политика интеграции иммигрантов** рассматривается как деятельность государства, направленная на включение иммигрантов в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества.

1.2 Модели интеграции иммигрантов: концептуальные параметры и эвристический потенциал

Анализ политики интеграции иммигрантов невозможен без учета моделей интеграции. Модели являются одним из основных эвристических инструментов политической науки, с помощью которого в упрощенной форме представляется действительность¹⁴⁴. Отправной точкой в настоящей работе послужат классификации, предложенные С. Каслсом и М. Миллером¹⁴⁵; А. Баршовой и П. Баршой¹⁴⁶. Ученые выделяют такие основные теоретические модели интеграции, как ассимиляция, мультикультурализм,

Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – С. 142–171.

¹⁴³ «Методологический национализм» – это позиция в социальных науках, согласно которой национальное государство рассматривается как естественная универсальная форма социальной организации. При этом из такой картины мира исключаются трансграничные связи и процессы. Подробнее см.: *Sager A. Methodological Nationalism, Migration and Political Theory // Political Studies. – 2016. – Vol. 64. – Issue 1. – P. 42–59.*

¹⁴⁴ *Дегтерева Д.А. Формализованные модели в международно-политической науке // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 34.*

¹⁴⁵ *Castles S., de Haas H., Miller M.J. The Age of Migration: International Movements in the Modern World. – New York City: The Guilford Press, 2020. – 6th edition. – 443 p.*

¹⁴⁶ *Baršová A., Barša P. Přistěhovalectví a liberální stát: imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. – Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. – 308 s.*

интеркультурализм и гражданская интеграция. Принимая во внимание критику данной классификации со стороны Г. Фримана¹⁴⁷ и К. Йоппке¹⁴⁸, а также учитывая растущую конвергенцию политик интеграции, обозначенная типология используется как инструмент навигации, а не как перманентный определяющий фактор.

Модель ассимиляции иммигрантов получила широкое распространение на рубеже XIX и XX веков и была связана с политическим развитием как в Европе, так и в Соединенных Штатах. Особый вклад в изучение взаимодействия между иммигрантами и принимающими их обществами внесла Чикагская школа социологии. Фундаментальный принцип ассимиляционного подхода заключается в том, что иммигранты приспособляются к социальным и культурным нормам принимающего общества, в связи с чем границы между ними и «коренным» населением стираются.

Р. Парк, представитель Чикагской школы, описывает ассимиляцию как «исчезновение этнических различий, исчезновение этнических групп»¹⁴⁹ в определенный период времени. Как отмечает М. Гордон, процесс исчезновения границ состоит из нескольких этапов, включающих аккультурацию, структурную интеграцию и, наконец, ассимиляцию. Однако М. Гордон подчеркивает, что предыдущий этап необязательно предполагает следующий¹⁵⁰. Процесс ассимиляции считается завершенным, когда иммигрант признает принадлежность к гражданской нации страны пребывания, отвергая при этом любую другую политическую, социальную или культурную принадлежность.

¹⁴⁷ *Freeman G.P.* Immigrant Incorporation in Western Democracies // *International Migration Review*. – 2004. – Vol. 38. – Issue 3. – P. 947.

¹⁴⁸ *Joppke C.* Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22.

¹⁴⁹ *Park R.E.* The Nature of Race Relations // *Race and Culture* / Ed. by R.E. Park. – Glencoe: The Free Press, 1950. – P. 82.

¹⁵⁰ *Gordon M.M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. – New York: Oxford University Press, 1964. – P. 70–71.

Э. Моравска определяет ассимиляцию как «процесс интеграции иммигрантов и их потомков в экономические, политические и социальные институты и культуру многосегментного принимающего общества»¹⁵¹. Из приведенного определения вытекают два важных вывода: 1) ассимиляция рассматривается как долгосрочный процесс, в который вовлечены как иммигранты, так и их потомки; 2) ассимиляция – многомерный и необязательно однородный процесс. Классическая теория ассимиляции учитывала лишь первый аспект. Предполагалось, что с течением времени (даже в течение более чем одного поколения) разные этнические группы будут стремиться получить те же социально-экономические возможности, что и местное население. Более того, речь также шла о том, что овладение культурными особенностями принимающего общества приведет с течением времени к утрате культуры иммигрантов. Подобные выводы заложили основу концепции прямолинейной ассимиляции (*straight-line assimilation*). Однако опора данной концепции на предсказуемость процесса включения иммигрантов в принимающие их сообщества была поддана критике¹⁵², что способствовало появлению других концепций ассимиляции.

Так, А. Портесом и М. Чжоу была разработана теория сегментарной ассимиляции (*segmented assimilation theory*). Согласно ей, процесс ассимиляции у всех иммигрантов происходит по-разному, что обусловлено этнической и религиозной принадлежностью, уровнем полученного образования, финансовым состоянием и др. Данная концепция, по-видимому, в значительной степени учитывает то, что можно назвать контекстом принятия¹⁵³, который понимается как отношение принимающего общества к

¹⁵¹ Morawska E. Badania nad imigracją/etnicznością w Europie i Stanach Zjednoczonych: analiza porównawcza // Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny. – 2009. – Nr. 1. – S. 10.

¹⁵² Algan Y., Bisin A., Verdier T. Introduction: Perspectives on Cultural Integration of Immigrants // Cultural Integration of Immigrants in Europe / Ed. by Y. Algan, A. Bisin, A. Manning, T. Verdier. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 3–5; Grzybek D. Współczesne rozumienie asymilacji imigrantów w społeczeństwie amerykańskim // Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Społeczne. – 2013. – Nr. 6. – S. 58–59; Treas J. Incorporating Immigrants: Integrating Theoretical Frameworks of Adaptation // The Journals of Gerontology: Series B. – 2015. – Vol. 70. – Issue 2. – P. 271.

¹⁵³ Van Hook J., Brown S.K., Bean F.D. For Love or Money? Welfare Reform and Immigrant Naturalization // Social Forces. – 2006. – Vol. 85. – Issue 2. – P. 647–648.

иммигрантам, а также предполагает учет социально-демографических особенностей иммигрантов, профессиональных и языковых навыков, культурного сходства. Однако стоит отметить, что сегментарная ассимиляция, хотя и учитывает нелинейность процесса адаптации, его разнонаправленность и многомерность, не исчерпывает всего спектра возможностей. Вместе с тем, исходя из предположения, что процесс ассимиляции и интеграции не является линейным, происходит во времени и характеризуется многомерностью, стоит учитывать устойчивость культурных паттернов в обществе.

М. Гордон в свою очередь выделяет семь измерений ассимиляции, которые можно трактовать как совокупность проявлений контекста принятия в новое общество. К ним он относит следующие категории: культурная (аккультурация), структурная (считая первые две наиболее важными), супружеская (амальгамация), идентификационная, личностная, поведенческая, гражданская, ассимиляция, связанная с отношением к приему членов подчиненной группы без предрассудков у принимающего общества¹⁵⁴. Однако этот подход также демонстрирует линейность. Х. Кубяк упоминает только три сферы: структурную, культурную и личностную, а Д. Месси добавляет к ним еще пространственную ассимиляцию¹⁵⁵.

В первой половине XX века большинство европейских стран выбрало модель ассимиляции, которая предусматривала предоставление равных с резидентами прав тем, кто ассимилировался. В случае отказа от ассимиляции иммигранты становились маргинализированными группами, что предполагало их «исключение» из общества¹⁵⁶. Ярким примером может

¹⁵⁴ *Gordon M.M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. – New York: Oxford University Press, 1964. – 288 p.; *Gordon M.M.* Human Nature, Class, and Ethnicity. – New York: Oxford University Press, 1978. – 302 p.

¹⁵⁵ *Grzybek D.* Współczesne rozumienie asymilacji imigrantów w społeczeństwie amerykańskim // *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Społeczne.* – 2013. – Nr. 6. – S. 59–60.

¹⁵⁶ *Baršová A., Barša P.* Přistěhovalectví a liberální stát: imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. – Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. – S. 38.

служить Франция, в основу интеграционной политики которой был положен принцип единой и неделимой (*une et indivisible*) гражданской нации¹⁵⁷.

Несмотря на утверждение М. Боммеса о том, что ассимиляция «относится к общему условию существования всех индивидов в современном обществе»¹⁵⁸, данная концепция, несомненно, имеет недостатки. Как справедливо отмечают С. Каслс и М. Миллер, модель ассимиляции исчерпала себя после Второй мировой войны, поскольку усилились миграционные потоки с глобального Юга на глобальный Север¹⁵⁹. Кроме того, ассимиляционные модели критикуются за излишние требования к иммигрантам, особенно в части полного отказа от культурной или этнической идентичности, а также (в некоторых случаях) за их принудительный стиль.

Процесс глобализации, способствовавший усилению миграционных потоков и, как следствие, формированию множественных идентичностей¹⁶⁰, а также неудачи ассимиляционной политики обусловили необходимость поиска в конце 1960-х – начале 1970-х годов новой модели интеграции иммигрантов. Такой моделью стал **мультикультурализм**. Первоначально мультикультурализм рассматривался исключительно как способ регулирования отношений между различными этническими группами в полиэтнических государствах, однако позднее он стал применяться в качестве модели интеграции иммигрантов в принимающее общество.

Как отмечает С. Сонг, мультикультурализм можно рассматривать по меньшей мере с трех ракурсов. Во-первых, согласно принципам коммунитаризма, теории мультикультурализма бросают вызов ложному универсализму либеральной традиции. Во-вторых, посредством либерального эгалитаризма некоторые мультикультурные теории

¹⁵⁷ Ibid. S. 36.

¹⁵⁸ *Bommes M.* Transnationalism or Assimilation? // Journal of Social Science Education. – 2005. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 14–30.

¹⁵⁹ *Castles S., Miller M.* The Age of Migration. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 4th edition. – P. 274.

¹⁶⁰ *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы. – Социология. – 2022. – № 5. – С. 202–212.

утверждают, что культура важна для людей. В-третьих, постколониальные аргументы в пользу мультикультурализма акцентируют внимание на необходимости предоставления меньшинствам и некоторым коренным народам большего объема прав из-за несправедливости в прошлом¹⁶¹.

В научной литературе существуют различные классификации мультикультурализма. Например, К. Йопке и С. Лукес проводят различие между мозаичным мультикультурализмом (*mosaic multiculturalism*) и смешанным мультикультурализмом (*hodgepodge multiculturalism*). В первом случае культурные группы можно рассматривать как отдельные цветные мозаичные плитки, что символизирует отрицание монокультуры. К. Йопке и С. Лукес отмечают, что «мозаичный мультикультурализм воспроизводит на субгосударственном уровне модильяновское разграничение современных обществ на четко очерченные блоки, каждый из которых окрашен в свой монохромный национальный (или культурный) цвет»¹⁶². Смешанный мультикультурализм предусматривает, что индивидуальная и групповая идентичности размыты и постоянно меняются. К. Йопке и С. Лукес утверждают, что преимущество этого подхода состоит в признании того, что личность человека формируется под воздействием нескольких культур¹⁶³.

Еще одна типология мультикультурализма предложена Р. Баубёком¹⁶⁴. Праздничный мультикультурализм (*celebratory multiculturalism*) рассматривает разнообразие как положительное общественное благо. Основная черта праздничного мультикультурализма заключается в отказе от ассимиляции как модели интеграции иммигрантов. В то же время такой мультикультурализм переоценивает культурную аутентичность и «продвигает стереотипные образы групп, идентифицируемых по своему этническому происхождению»¹⁶⁵. Толерантный мультикультурализм

¹⁶¹ Song S. Multiculturalism // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / Ed. by E. Zalta. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2010/entries/multiculturalism> (дата обращения: 24.01.2024).

¹⁶² Joppke C., Lukes S. Multicultural Questions. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – P. 8.

¹⁶³ Ibid. P. 9.

¹⁶⁴ Bauböck R. Cultural Majority Rights: Has Multiculturalism Been Turned Upside Down? // Ethnicities. – 2022. – Vol. 22. – Issue 4. – P. 529.

¹⁶⁵ Ibid. P. 530.

(*toleration multiculturalism*) сосредотачивается в большей степени на проблеме «конфликта ценностей», возникающей в связи с наличием в обществе различных этнических групп¹⁶⁶. Наконец, мультикультурализм признания (*recognition multiculturalism*) фокусируется на политических претензиях групп и исследует дисбаланс сил и многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются меньшинства¹⁶⁷.

М.В. Глостанова также, как и Р. Баубёк, выделяет три типа мультикультурализма: либеральный, леворадикальный и консервативный¹⁶⁸. Либеральный мультикультурализм предполагает сосуществование на равных правах различных культурных групп. В основе леворадикального мультикультурализма лежит сопротивление подавлению и насилию. Консервативный (корпоративный) мультикультурализм направлен на коммерциализацию мультикультуры и превращение ее в товар.

Мультикультурная модель определяет нацию как «политическое сообщество, основанное на конституции, законах и гражданстве»¹⁶⁹. С точки зрения мультикультурализма, иммигранты – постоянные члены общества, права, свободы и культуру которых необходимо поддерживать. Культурное разнообразие и толерантность обеспечиваются за счет либерально-демократических принципов и ценностей¹⁷⁰. Однако невзирая на то, что мультикультурализм бросает вызов принципу совпадения политических и культурных границ, меньшинство четко отделено от большинства в связи с уверенностью в толерантности разных этнических групп¹⁷¹.

Мультикультурализм обладает рядом недостатков. Во-первых, львиная доля внимания уделяется самобытности культурных групп, а ассимиляция отвергается как нежизнеспособная модель интеграции иммигрантов. Данную

¹⁶⁶ Ibid. P. 532.

¹⁶⁷ Ibid, P. 533.

¹⁶⁸ Глостанова М.В. Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 399 с.

¹⁶⁹ Castles S., Miller M. The Age of Migration. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 4th edition. – P. 45.

¹⁷⁰ Baršová A., Barša P. Přistěhovalectví a liberální stát: imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. – Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. – S. 36.

¹⁷¹ Chin C., Levey G.B. Recognition as Acknowledgement: Symbolic Politics in Multicultural Democracies // Ethnic and Racial Studies. – 2023. – Vol. 46. – Issue 3. – P. 451–474.

проблему Н. Фрейзер именуется проблемой овеществления (*problem of reification*)¹⁷². Для Н. Фрейзера акцент на групповой идентичности означает, что борьба за признание притязаний меньшинств происходит не в плюралистических общественных сферах, а скорее в культурных контекстах, которые имеют тенденцию «поощрять сепаратизм, терпимость и шовинизм, патриархат и авторитаризм»¹⁷³. Более того, мультикультурализм можно рассматривать как попытку управлять разнообразием с помощью старого колониального метода разделения и властвования. Н. Фрейзер отмечает, что мультикультурализм может гомогенизировать группы меньшинств, оставляя возможность выбора лишь одной идентичности. Подобная гомогенизация не отражает должным образом действительность, в которой иммигрант может одновременно обладать несколькими идентичностями (белый, поляк, католик и т.д.).

Этнолог Е.И. Филиппова критикует мультикультурализм за примат культурного над социальным и акцент на равенстве возможностей, а не на равном доступе к определенным товарам и услугам¹⁷⁴. Кроме того, мультикультурализм критикуется за то, что он придает значение толерантности, а не принятию¹⁷⁵, а также фокусируется на культуре, а не на распределении общественных благ и услуг. Таким образом, мультикультурализм пренебрегает необходимостью включения иммигрантов в общество из-за своего акцента на учете культурного разнообразия¹⁷⁶. В данном контексте следует упомянуть критику политики мультикультурализма, затрудняющей интеграцию иммигрантов-мусульман в европейских государствах¹⁷⁷.

¹⁷² Fraser N. Rethinking Recognition // *New Left Review*. – 2000. – Issue 3. – P. 107–120.

¹⁷³ Ibid. P. 108.

¹⁷⁴ Филиппова Е.И. Мультикультурализм как политика и фигура речи // *Вестник Российской нации*. – 2014. – № 2 (34). – С. 132.

¹⁷⁵ Song S. Multiculturalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E. Zalta. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2010/entries/multiculturalism> (дата обращения: 24.01.2024).

¹⁷⁶ Цапенко И.П. Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // *Вестник Российской академии наук*. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 153.

¹⁷⁷ Малахов В.С. Мигранты неевропейского происхождения в Европе: культурно-идентификационный аспект интеграции // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 211–233;

Террористические акты в США в 2001 году способствовали усилению негативного дискурса в отношении политики мультикультурализма. В частности, с критикой выступили бывший премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон, бывший канцлер Германии А. Меркель и бывший президент Франции Н. Саркози, акцентируя внимание на проблемах, связанных с отсутствием социальной интеграции иммигрантов и ослаблением национальной безопасности. Кроме того, дебаты о необходимости отказа от мультикультурализма подстегнул европейский миграционный кризис 2015–2016 годов. Основным тезисом заключается в том, что мультикультурализм, способствуя «культурализации социального»¹⁷⁸ и, как следствие, капсулированию социальных проблем, приводит к самосегрегации и препятствует интеграции иммигрантов в принимающее общество¹⁷⁹. Таким образом, возникла необходимость в альтернативной модели интеграции иммигрантов, в которой меньшее значение уделялось бы этнорелигиозной принадлежности и культурным различиям.

Отказ от дихотомии «ассимиляция – мультикультурализм» сопряжен с появлением новых моделей интеграции иммигрантов – интеркультурализма и гражданской интеграции. **Интеркультурализм**, принимая существование в обществе этнических, религиозных и иных различий, направлен на налаживание позитивного межкультурного взаимодействия¹⁸⁰. Как отмечает Т. Кэнтл, идея интеркультурализма зародилась еще в конце 1950-х годов, однако на протяжении более полувека находилась в зачаточном состоянии¹⁸¹. Сторонники интеркультурализма настаивают на том, что диалог внутри общества достигается в связи с наличием общих интересов, а не культурных особенностей, подчеркивая при этом «равноправное сосуществование

Хенкин С.М., Кудряшова И.В. Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 137–155.

¹⁷⁸ Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. – 2000. – № 5-6. – С. 4–8.

¹⁷⁹ Lenard P.T., Balint P. Debating Multiculturalism: Should There be Minority Rights? – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 320 p.

¹⁸⁰ Цаненко И.П. Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 153.

¹⁸¹ Cantle T. Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – P. 141.

множества культурных идентичностей»¹⁸². В отличие от мультикультурной, интеркультуралистская модель направлена не на сохранение культурных различий, а на поддержание их динамики. Более того, ввиду сосуществования в обществе различных культур постепенно происходит их взаимопроникновение, что способствует гибридизации идентичностей.

Однако, по мнению диссертанта, интеркультурализм как модель интеграции иммигрантов излишне нормативна. Во-первых, интеркультурализм и мультикультурализм имеют общее нормативное ядро на уровне политической морали: обе модели отвергают культурную ассимиляцию и направлены на уважение этнокультурных практик, совместимых с основными либерально-демократическими принципами¹⁸³. Во-вторых, интеркультурализм не инициирует изменения «сверху вниз», представляя собой городской (локальный) феномен, игнорирующий национальный уровень управления¹⁸⁴. В связи с этим представленная в академической литературе интеркультуралистская модель является совокупностью дискурсивных практик, а не конкретной стратегией или инструментом интеграции иммигрантов.

Гражданская интеграция в самом общем виде представляет собой промежуточное звено между ассимиляцией и мультикультурализмом. Суть такой политики – уважение к культурному плюрализму и одновременно «включение» в общество с учетом невозможности универсального характера этого процесса. Если модель мультикультурализма делает акцент на роли принимающего общества в интеграции иммигрантов, то в модели гражданской интеграции ключевое место отводится государству и проводимой им публичной политике.

¹⁸² Куропятник М.С. Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 465.

¹⁸³ Boucher F., Maclure J. Moving the Debate Forward: Interculturalism's Contribution to Multiculturalism // Comparative Migration Studies. – 2018. – Vol. 6. – P. 2.

¹⁸⁴ Цапенко И.П. Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 10. – С. 105.

Термин «гражданская интеграция» (*civic integration*) образован от голландского *inburgering*, сочетающего в себе понятие «гражданин» с процессом «становления»¹⁸⁵. А. Баршова и П. Барша описывают успешную гражданскую интеграцию как активное участие в жизни принимающего общества, основанное на либерально-демократических ценностях, закрепленных в конституции (признание закона и основных свобод и т.д.), уважающее культурное многообразие, с одной стороны, но не обеспечивающее, с другой стороны, конкретный образ жизни¹⁸⁶. В конечном итоге интеграция должна способствовать участию иммигрантов во всех сферах жизни принимающего сообщества – начиная с экономики и заканчивая политикой. Как отмечает К. Йоппке, именно «социальная инклюзия» придает реальный смысл современной политике гражданской интеграции¹⁸⁷.

Как правило, реализация политик гражданской интеграции в разных государствах различается, что обусловлено национальным контекстом, тем не менее в целом требования, лежащие в основе гражданской интеграции, можно свести к следующим: знание языка, занятость, постоянное проживание на территории государства¹⁸⁸. При этом идентичность прибывших лиц должна определяться национальным политическим порядком, а не этнической или религиозной принадлежностью.

Политика гражданской интеграции зачастую предусматривает прохождение иммигрантами языковых курсов и курсов по истории и культуре принимающего общества. Обычно это происходит после их въезда

¹⁸⁵ *Larin S.J.* Is It Really About Values? Civic Nationalism and Migrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 128.

¹⁸⁶ *Baršová A., Barša P.* Přistěhovalectví a liberální stát: imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. – Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. – S. 49.

¹⁸⁷ *Joppke C.* Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 17.

¹⁸⁸ *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – М.: Издательство Мысль, 2015. – 272 с.; *Эндрюшко А.А.* Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // *Вестник Института социологии*. – 2017. – Т. 8. – № 4 (23). – С. 45–70; *Joppke C.* Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22.

на территорию страны, но в ряде случаев (Германия¹⁸⁹, Нидерланды¹⁹⁰) – до пересечения границы¹⁹¹. В Европейском Союзе действует Директива о статусе граждан третьих стран, которые являются долгосрочными резидентами (*Directive concerning the status of TCNs who are long-term residents*), в соответствии с которой государства-члены Союза имеют право вводить более жесткие обязательства для иммигрантов, включая посещение обязательных языковых курсов. Причем выполнения обязательств может требовать не только государство, на территории которого иммигранту предоставлен вид на жительство, но и любое государство-член ЕС¹⁹². Кроме того, две другие директивы ЕС – Директива о воссоединении семьи (*Directive on the right to family reunification*)¹⁹³ и Директива об условиях въезда и проживания исследователей и обучающихся (*Directive on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing*)¹⁹⁴ – также содержат требования по гражданской интеграции, указывая на то, что принимающие страны должны создать условия для интеграции вновь прибывших, а последние в свою очередь несут ответственность за успешность интеграции.

¹⁸⁹ В Германии требование о сдаче теста на владение немецким языком перед въездом в страну было введено Законом об иммиграции от 2005 года и касается членов семей этнических немцев-репатриантов. Подробнее см.: *Perching B. Civic Integration Testing and the Transformation of European Welfare States // Menschenrechten Gestalt und Wirksamkeit verleihen – Making Human Rights Work / Ed. by P. Hladschik, F. Steinert. – Wien: Neuer Wissenschaftlicher Verlag, 2019. – P. 471–487.*

¹⁹⁰ В Нидерландах, согласно Закону об интеграции от 2006 года, лица, желающие воссоединиться с семьей, обязаны сдать базовый экзамен по гражданской интеграции до прибытия в страну. Подробнее см.: *Jennissen R., Bovens M., Engbersen G., Bokhorst M. Successive National Policy Models // Migration Diversity and Social Cohesion: Reassessing the Dutch Policy Agenda / Ed. by R. Jennissen, M. Bovens, G. Engbersen, M. Bokhorst. – Cham: Springer, 2023. – P. 59–78.*

¹⁹¹ *Paparusso A. The European Convergence Towards Civic Integration // Migration in the Mediterranean: Socio-Economic Perspectives / Ed. by D. Strangio, C. Wihtol de Wenden. – London: Routledge, 2016. – P. 149–168.*

¹⁹² Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // Official Journal of the European Union. 23.01.2004. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex%3A32003L0109> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁹³ Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the Right to Family Reunification // Official Journal of the European Union. 03.10.2003. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:en:PDF> (дата обращения: 10.02.2024).

¹⁹⁴ Directive (EU) 2016/801 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing // Official Journal of the European Union. 21.05.2016. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/801/oj> (дата обращения: 26.02.2024).

В самой мягкой форме гражданская интеграция продвигает концепцию членства, основанную на профессиональных знаниях и лишенную культурных атрибутов. В более строгом проявлении требования гражданской интеграции укрепляют этнические границы национальной идентичности, за что критикуется некоторыми авторами¹⁹⁵. В частности, И.П. Цапенко считает, что гражданская интеграция является современной версией ассимиляции, что чревато социальным исключением и подавлением культурного плюрализма¹⁹⁶. Однако гипотеза о «возвращении ассимиляции» слишком упрощает модель гражданской интеграции, поскольку государства стремятся не к культурной ассимиляции иммигрантов, а к обеспечению их знаниями о нормах принимающего общества.

Кроме того, особенность гражданской интеграции, которая отличает ее в частности от мультикультурализма, заключается в акценте на индивидуальной самодостаточности и автономии. Подразумевается, что каждый индивид несет личную ответственность за свою интеграцию в принимающее общество¹⁹⁷. Как утверждают исследователи, подобное положение дел важно, поскольку устанавливаются новые стратегические связи между миграционной политикой и гражданством¹⁹⁸. Однако исследований по данному вопросу недостаточно. Особого внимания заслуживает работа Т. Хаммера, в которой подчеркивается, что гражданство не является сферой политики, отделенной от иммиграции, а скорее выступает заключительным этапом на пути к интеграции иммигрантов¹⁹⁹.

¹⁹⁵ Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 4. – С. 125–149; Larin S.J. Is It Really About Values? Civic Nationalism and Migrant Integration // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 127–141.

¹⁹⁶ Цапенко И.П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 4. – С. 133–134.

¹⁹⁷ Joppke C. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // West European Politics. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 9.

¹⁹⁸ Harpaz Y. Citizenship and Residence Rights as Vehicles of Global Inequality // Citizenship and Residence Sales Rethinking the Boundaries of Belonging / Ed. by D.V. Kochenov, K. Surak. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – P. 284–308.

¹⁹⁹ Hammer T. Democracy and the Nation State: Aliens, Denizens and Citizens in a World of International Migration. – Aldershot: Gower, 1990. – P. 9.

К. Йопке называет гражданскую интеграцию «примером репрессивного либерализма» (*repressive liberalism*)²⁰⁰, который позже был преобразован в «нелиберальный либерализм» (*illiberal liberalism*)²⁰¹ из-за упора на самодостаточность и автономию посредством обязательных мер. По мнению К. Йопке, политику гражданской интеграции наиболее последовательно проводят Нидерланды. Законодательным базисом служит Закон о гражданской интеграции вновь прибывших от 1998 года (*Wet Inburgering Nieuwkomers*). Однако зарождение самой идеи гражданской интеграции в Нидерландах началось раньше – в начале 1990-х годов, когда, по мнению голландского академика Х. Энтзингера, возникла необходимость «для мигрантов отождествлять себя с политическим сообществом и становиться его частью»²⁰². Х. Энтзингером совместно с А. ван дер Цваном были разработаны рекомендации по интеграции иммигрантов в голландское общество, включающие предложение «организовать обязательное обучение языку и социальным навыкам для вновь прибывших»²⁰³. В итоге большинство рекомендаций нашло отражение в Законе о гражданской интеграции вновь прибывших. В 2007 году Нидерланды воплотили в жизнь комплексный курс интеграции и стали проводить экзамен по натурализации, в ходе которого потенциальные иммигранты и претенденты на воссоединение семей сдают нидерландский язык и основы знания общества.

Сам термин «гражданская интеграция» довольно трудно поместить в теоретические рамки. Хотя гражданская интеграция представляет из себя одну из моделей включения иммигрантов в общество и зачастую предполагает прохождение языковых курсов, курсов на знание истории и т.д., «гражданский» компонент наиболее тесно связан с понятием

²⁰⁰ Joppke C. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // West European Politics. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 2.

²⁰¹ Joppke C. Transformations of Immigrant Integration: Civic Integration and Antidiscrimination in the Netherlands, France, and Germany // World Politics. – 2007. – Vol. 59. – Issue 2. – P. 248.

²⁰² Entzinger H. The Rise and Fall of Multiculturalism: The Case of the Netherlands // Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation-States / Ed. by C. Joppke, E. Morawska. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 75.

²⁰³ Ibid. P. 76.

«гражданство». Гражданство – это политико-правовая связь гражданина с государством. Гражданство, в традициях Руссо и Локка, – это общественный договор, который связывает человека с государством. Индивид принимает на себя обязательства и обязанности, а в обмен на это государство наделяет его правами и предоставляет защиту. Со временем гражданство стало представлять собой некую совокупность прав и обязанностей. Причем в одни периоды истории государство требовало выполнения большего количества обязательств (например, обязательная военная служба); а в другие – наделяло граждан большим объемом прав (например, двойное гражданство). Показательным примером этого дисбаланса являются 1990-е годы, когда несколько государств расширили права иммигрантов во втором и третьем поколениях, не увеличив объем обязанностей²⁰⁴.

В то время как гражданство связано с формальными юридическими процедурами и получением полного объема политических прав, интеграция иммигрантов имеет отношение к эффективности и степени включения вновь прибывших в принимающее общество. При этом государством могут определяться различные интеграционные политики: ассимиляции, мультикультурализма и т.д. Стоит учитывать, что в некоторых странах разработаны официальные политические стратегии интеграции иммигрантов. Однако зачастую политика интеграции бессистемна и хаотична и является результатом пересечения миграционной политики и нормативно-правовой базы²⁰⁵.

Ряд политик не связан с процедурой получения гражданства (принятие законов о борьбе с дискриминацией, получение доступа к жилью, политика толерантности к культурным практикам). В связи с этим важно не аналитическое разделение концепций интеграции и гражданства, а скорее определение того, когда интеграция может способствовать получению

²⁰⁴ *Van Mol C., de Valk H.* Migration and Immigrants in Europe: A Historical and Demographic Perspective // Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors / Ed. by B. Garcés-Masareñas, R. Penninx. – London: Springer, 2016. – P. 36.

²⁰⁵ *Freeman G.P.* Immigrant Incorporation in Western Democracies // International Migration Review. – 2004. – Vol. 38. – Issue 3. – P. 945–969.

гражданства, а не только когда доступ к гражданству может способствовать интеграции.

К. Йопке в своих исследованиях гражданской интеграции определяет в качестве механизмов включения в принимающее сообщество язык и ценности наравне с антидискриминацией. Более того, гражданская интеграция рассматривается как неизбежное следствие мультикультурализма: признание меньшинств «отдельными группами» излишне фокусируется на культуре²⁰⁶ и подпитывает «сепаратизм» и «геттоизацию меньшинств»²⁰⁷. Описывая голландскую модель интеграции, К. Йопке отмечает, что «новая политика интеграции, пришедшая на смену политике “этнических меньшинств” ... [принимает] иммигрантов как “личностей”, которых необходимо включать в ... общество»²⁰⁸. В то же время Р. Купманс, П. Стэтам, М. Джуньи и Ф. Пэсси рассматривают необходимость прохождения языковых курсов наряду с правом на проведение религиозных обрядов и правом на политическое представительство²⁰⁹.

Таким образом, концепцию гражданской интеграции довольно затруднительно ограничить какими-то рамками. Требования к знанию языка или культуры страны могут быть похожими по содержанию, но принципиально разными по назначению в зависимости от их применения. В то время как гражданская интеграция побуждает иммигрантов изучать язык принимающего государства (что является осязаемым результатом), она несет и символические результаты (в частности, ощущение себя членом общества)²¹⁰. В рамках данного исследования гражданская интеграция ограничивается такими параметрами, как программы интеграции, языковые

²⁰⁶ Joppke C. The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 55. – Issue 2. – P. 243.

²⁰⁷ Ibid. P. 244.

²⁰⁸ Ibid. P. 248.

²⁰⁹ Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F. *Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 312 p.

²¹⁰ Kostakopoulou D. Why Naturalisation? // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2003. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 85–115.

курсы, курсы по истории и культуре, политика воссоединения семей, школьная политика, гражданство.

1.3 Понятие «гражданский поворот»: методологическая связь с концепцией государства всеобщего благоденствия

Исследования в области миграции используют в качестве единиц анализа индивидов, группы иммигрантов, организации, города, государства, регионы и т.д. Не умаляя значения изучения интеграции на различных уровнях и в различных проекциях, автор рассматривает государство как основную единицу анализа. С одной стороны, государства остаются базовыми «ячейками» мирового устройства²¹¹, а с другой – институтами, которые устанавливают правила игры, находящими отражение в конкретных политиках (*policies*).

«Возвращение» государства²¹² в исследовательскую повестку дня стало возможным благодаря усилиям неоинституционалистов. Неоинституционализм как основная теоретическая рамка данной работы уделяет внимание изучению роли государства как актора и института. Государство, действуя рационально, исходит из собственных интересов, направленных на максимизацию выгод.

На протяжении длительного периода времени считалось, что государство регулирует миграцию и вопросы, тесно связанные с ней²¹³. Однако государство ввиду процессов глобализации и регионализации не является единственным субъектом миграционных отношений. Наряду с ним в такого рода отношения вступают негосударственные акторы, такие как международные неправительственные организации, транснациональные

²¹¹ Мельвилль А.Ю. Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 179.

²¹² Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T. Bringing the State Back In. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 390 p.

²¹³ Schweitzer A. The ‘Management’ of Migration – And of the Resulting Irregularities // Micro-Management of Irregular Migration: Internal Borders and Public Services in London and Barcelona / Ed. by R. Schweitzer. – Cham: Springer, 2022. – P. 9–46.

социальные движения²¹⁴, действующие на разных уровнях управления (локальном, национальном, международном, транснациональном)²¹⁵. Вместе с тем говорить о «провале государственной политики»²¹⁶, по мнению диссертанта, крайне преждевременно, поскольку именно государства определяют правила въезда и пребывания на своей территории иностранных граждан, устанавливают требования к интеграции и получению гражданства. Таким образом, государства институционализируют взаимодействия различных социальных групп внутри конкретной территориальной единицы²¹⁷.

В контексте освещения вопросов, связанных с миграцией в странах Скандинавии, особая роль отводится государству всеобщего благоденствия, возникшему в национальном контексте. Строительство современного государства всеобщего благосостояния началось в скандинавских странах примерно в конце XIX – начале XX века. В этот период были разработаны системы, которые обеспечивали социальными благами большую часть населения в случае болезни, старости, безработицы и инвалидности. Эти системы защиты получили дальнейшее развитие в XX веке и пережили то, что Г. Эспинг-Андерсен назвал «золотым веком» (середина 1950-х – начало 1980-х годов)²¹⁸. Г. Эспинг-Андерсен разработал типологию государств всеобщего благоденствия, выделив три режима: либеральный режим с относительно низкой степенью декоммодификации²¹⁹ и предоставлением

²¹⁴ Транснациональные социальные движения – движения, в которых члены как минимум двух стран оказывают ненасильственное сопротивление несправедливости, выходящее за рамки принятого политического дискурса. Подробнее см.: *Blunt G.D. Transnational Social Movements, Solidarity, and Resistance // Global Poverty, Injustice, and Resistance / Ed. by G.D. Blunt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – P. 121–155.*

²¹⁵ *Pécoud A., Thiollet H. Introduction: The Institutions of Global Migration Governance e // Research Handbook on the Institutions of Global Migration Governance / Ed. by A. Pécoud, H. Thiollet. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2023. – P. 3.*

²¹⁶ *Ruhs M., Tamas K., Palme J. Bridging the Gaps: Linking Research to Public Debates and Policy Making on Migration and Integration. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – P. 252.*

²¹⁷ *Ferrera M. The Boundaries of Welfare: European Integration and the New Spatial Politics of Social Protection. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 18.*

²¹⁸ *Esping-Andersen G. After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy // Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies / Ed. by G. Esping-Andersen. – London: Sage, 1996. – P. 1–32.*

²¹⁹ Под декоммодификацией понимается степень, в которой государства всеобщего благоденствия ограничивают роль рынка как механизма, обеспечивающего доступ граждан к социальным благам, и берут

минимальных льгот; консервативный или корпоративный режим, для которого характерно довольно высокое социальное расслоение при значительной степени декоммодификации труда и восприятие семьи в качестве основы общества; социал-демократический или универсальный режим с высоким уровнем социального обеспечения и низкой степенью социального расслоения. Несмотря на критику приведенной типологии за недостаточное внимание к таким параметрам, как иммиграция и этничность²²⁰, ключевые черты социал-демократического типа государств всеобщего благоденствия, выделенные Г. Эспингом-Андерсеном, не утратили своей актуальности.

Скандинавская модель государства всеобщего благоденствия представляет собой особый тип, для которого характерны институционализированные социальные права, всеобщий доступ к благам, щедрые льготы, высокая степень участия граждан в общественной жизни. Основной идеей государства всеобщего благосостояния является экономическое перераспределение для уменьшения социального неравенства, а высокая степень социального и экономического равенства считается необходимой для создания социальной сплоченности и стабильности²²¹. Это подразумевает, что вопросы интеграции и равенства взаимосвязаны. При этом необходимо понимать, что интеграционный потенциал во многом зависит от фактической конструкции государства всеобщего благоденствия.

Процесс глобализации бросает вызов государству всеобщего благоденствия, провоцируя финансовые и структурные проблемы, связанные с иммиграцией. В связи с этим скандинавские государства с их традицией регулирования и большим государственным сектором особое значение

на себя часть социальных функций. См.: *Esping-Andersen G. Social Foundations of Postindustrial Economies.* – New York: Oxford University Press, 1999. – P. 43.

²²⁰ *Kvist J., Fritzel J., Hvinden B., Kangas O. Changing Social Equality: The Nordic Welfare Model in the 21st Century.* – Bristol: Policy Press, 2012. – 224 p.

²²¹ *Тавокин Е.П. К вопросу о концепции социального государства // Социологические исследования.* – 2015. – № 9 (377). – С. 125–134.

уделяют вопросам миграции, а именно – контролю за притоком иммигрантов и их интеграции для решения «прогрессивной» дилеммы²²².

Во-первых, контроль за притоком иммигрантов в страну рассматривается как необходимость для сохранения специфики системы. Щедрая модель благосостояния, которая охватывает всех, но которая может быть подорвана чрезмерным бременем, требует отбора и разграничения потенциальных новых членов. Эта логика подчеркивается наряду с расширением прав в стране: чем больше прав, тем больше осторожности²²³.

Во-вторых, акцент на равенство, государственное управление и право на благосостояние имеет логическое продолжение в политике интеграции иммигрантов. С целью сохранения этой политической основы вновь прибывающие должны стать ее частью. Для государства всеобщего благоденствия неприемлемым является наличие значительного числа людей или групп, которые не интегрированы на рынке труда, нарушают устоявшийся порядок и обременяют социальные бюджеты.

Таким образом, вопрос социальной сплоченности в скандинавских странах стоит особо остро, что связано с увеличением числа представителей иных культур. Дебаты вокруг данной темы возникли еще в начале 1990-х годов, когда миграционные волны, вызванные экономическим бумом 1950–1960-х годов, стали сменяться иммиграцией беженцев в 1980-х годах. Новый импульс дебатам вокруг темы социальной сплоченности придал европейский миграционный кризис 2015–2016 годов, вызванный политической и экономической нестабильностью в странах Ближнего Востока и Северной Африки.

В скандинавских странах государство всеобщего благоденствия играет ведущую роль в политической жизни и презентуется как уникальное

²²² *Larsen C.A. Revisiting the Progressive Dilemma // Migrants and Welfare States: Balancing Dilemmas in Northern Europe / Ed. by C.A. Larsen. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. – P. 161–184.*

²²³ *Tjelmeland H., Brochmann G. I globaliseringens tid 1940–2000 // Norsk innvandringshistorie. Bd. 3 / Ed. by K. Kjeldstadli. – Oslo: Pax, 2003.*

историческое достижение²²⁴. Тем не менее сильная приверженность проекту «*welfare state*» может по-разному сочетаться с гражданским (национальным) чувством общности. Так, в Дании основой государства всеобщего благоденствия считается полная трудовая занятость, обеспечиваемая за счет интеграции на рынке труда²²⁵. Данный тезис иллюстрируется более низким уровнем интеграции иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки, которые «в основном представляются финансовой угрозой существующей датской системе благосостояния в связи с их более низким уровнем занятости»²²⁶. Следовательно, акцент на интеграции на рынке труда предполагает, что сохранение универсального государства всеобщего благоденствия является ключевой целью датской политики интеграции иммигрантов.

Как отмечают Т. Бредгаард и Т. Томсен, воспрепятствование въезду в Данию иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки обусловлено опасениями за устойчивость государства всеобщего благоденствия²²⁷. Невзирая на максимум о необходимости интегрироваться на рынке труда, в Дании иммигранты должны обладать «культурными» знаниями, предполагающими знание датского языка и истории. Это находит отражение в политизированных дебатах о натурализации, связанных с культурной ассимиляцией, безопасностью и гражданством²²⁸. Таким образом, требования по интеграции иммигрантов направлены на укрепление «сообщества исключительного национального членства»²²⁹. Данный подход коррелирует с дискурсом о том, что «(ранее) существовавшая культурная однородность» была «незаменимой для государства всеобщего

²²⁴ Ryner J.M. The Nordic Model: Does It Exist? Can It Survive? // *New Political Economy*. – 2007. – Vol. 12. – Issue 1. – P. 61–70.

²²⁵ Bredgaard T., Thomsen T.L. Integration of Refugees on the Danish Labor Market // *Nordic Journal of Working Life Studies*. – 2018. – Vol. 8. – Issue S4. – P. 8.

²²⁶ Ibid. P. 15.

²²⁷ Ibid. P. 15.

²²⁸ Капицын В.М., Магомедов А.К., Шанаров А.Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // *Балтийский регион*. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 98–114.

²²⁹ Goodman S.W. Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // *World Politics*. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 679.

благоденствия». Для сохранения этой однородности иммигранты должны адаптироваться к датскому обществу и культуре. Несумевшие адаптироваться рассматриваются как угроза государству всеобщего благоденствия. Особо остро это проявляется в отношении иммигрантов из стран неевропейского ареала, ставя под сомнение их возможность интегрироваться²³⁰. Так, интеграция иммигрантов, особенно мусульман, включает в себя обучение их либерально-демократическим ценностям и эгалитарным нормам, что демонстрирует односторонний взгляд на культурное разнообразие.

Швецию, в отличие от Дании, характеризует национальная сплоченность типа «сверху вниз»²³¹. Данная модель была основана на универсальном государстве всеобщего благоденствия и принципе всеобщего эгалитаризма, предполагающем создание общества с равными социальными и гражданскими правами для всех членов этого общества. По мнению Б. Ротштейна, в основе такого государства лежит коммунитарный принцип, изображающий граждан как «сообщество, разделяющее общие ценности – ценности, которые следует защищать»²³². Более того, данная модель не предполагает исторически обоснованной культурной общности. Связана она в первую очередь с натурализацией в качестве инструмента для достижения базового равенства, на котором основывается социальная сплоченность. В модели «сверху вниз» требования к иммигрантам для интеграции вполне могут рассматриваться как излишние или даже контрпродуктивные, если они препятствуют равному социальному включению иммигрантов. Данная модель подразумевает, что социальная сплоченность и доверие

²³⁰ *Breidahl K.N., Gustavsson G. Can We Trust the Natives? Exploring the Relationship between National Identity and Trust Among Immigrants and Their Descendants in Denmark // Nations and Nationalism. – 2022. – Vol. 28. – Issue 2. – P. 592–611.*

²³¹ *Borevi K. Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden // The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies / Ed. by K. Banting, W. Kymlicka. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 364–388.*

²³² *Rothstein B. Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – P. 35.*

институционально спроектированы²³³. Нация зачастую понимается как уникальная общность с точки зрения реализации социальной справедливости на практике. Шведское государство, берущее за основу идею справедливости, возлагает на себя львиную долю ответственности за интеграцию иммигрантов. Правительство принимает нормативно-правовые акты об интеграции, создает реализующие законодательные нормы органы, т.е. институционализирует интеграцию²³⁴.

Невзирая на различия в особенностях датского и шведского государств всеобщего благоденствия, европейский миграционный кризис 2015–2016 годов способствовал пересмотру принципа универсализма. Это явление получило в политической науке название «парадокс универсализма»²³⁵. Связан данный парадокс с трансформацией содержания понятия «универсализм». В широком смысле универсализм рассматривается как центральный элемент в достижении интеграции и солидарности в государствах всеобщего благоденствия. Однако классическая дихотомия «универсализм – селективизм» представляется контрпродуктивной²³⁶. В связи с этим целесообразнее рассматривать государства всеобщего благоденствия как демонстрирующие различные наборы ключевых универсалистских черт, каждая из которых связана с основной логикой: приверженность эгалитаризму, связь с национальной идентичностью, ориентация на солидарность. В данный перечень стоит включить и такое понятие, как экономическая устойчивость: «перераспределение общественных благ в государстве всеобщего благосостояния требует

²³³ Rothstein B., Uslaner E.M. All for All: Equality, Corruption, and Social Trust // *World Politics*. – 2005. – Vol. 58. – Issue 1. – P. 41–72.

²³⁴ Gebhardt D. When the State Takes Over: Civic Integration Programmes and the Role of Cities in Immigrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 42. – Issue 5. – P. 745.

²³⁵ Joppke C. Transformations of Immigrant Integration: Civic Integration and Antidiscrimination in the Netherlands, France, and Germany // *World Politics*. – 2007. – Vol. 59. – Issue 2. – P. 243–273; Kevins A., van Kersbergen K. The Effects of Welfare State Universalism on Migrant Integration // *Policy and Politics*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 115–131.

²³⁶ Kevins A., van Kersbergen K. The Effects of Welfare State Universalism on Migrant Integration // *Policy and Politics*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 115–131.

ограничительного отбора его новых членов, чтобы избежать перегрузки»²³⁷. Это коррелирует с концепцией ограниченного универсализма С. Бенхабиб, предусматривающей, что солидарность внутри общества связана с экономически мотивированными ограничениями²³⁸. Следовательно, иммигрантам, вносящим свой вклад в экономику страны, доступны те же общественные блага, что и «коренному» населению.

Все вышеизложенное свидетельствует об изменении политической парадигмы. Термин «политическая парадигма» (*policy paradigm*) был введен в научный оборот П. Холлом²³⁹ и стал логическим продолжением термина «парадигма» Т. Куна²⁴⁰. Однако если П. Холл использовал термин «политическая парадигма» для объяснения внезапного перехода от кейнсианства к монетаризму в Великобритании, то Ф. Доббин расширил применение концепта, подразумевая под политической парадигмой социально сконструированную концепцию рациональности, отражающую общее понимание того, как устроен мир²⁴¹. Применительно к интеграции иммигрантов политические парадигмы задают тон выработке политики интеграции иммигрантов. Подобно научным парадигмам, старые политические парадигмы разрушаются, а им на смену приходят новые²⁴². В отличие от научной деятельности, где парадигмальный уровень отвечает за производство нового знания, в публичной сфере данный уровень нацелен не на производство знания, а на достижение целей, актуальных в текущий момент, а также на снятие нежелательных противоречий и поддержание легитимности²⁴³.

²³⁷ Brochmann G., Dølvik J.E. The Welfare State and International Migration: The European Challenge // Routledge Handbook of the Welfare State / Ed. by B. Greve. – London: Routledge, 2018. – P. 510.

²³⁸ Benhabib S. Transformations of Citizenship: The Case of Contemporary Europe // Government and Opposition. – 2002. – Vol. 37. – Issue 4. – P. 439–465.

²³⁹ Hall P.A. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // Comparative Politics. – 1993. – Vol. 25. – Issue 3. – P. 275–296.

²⁴⁰ Kuhn T. The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 264 p.

²⁴¹ Dobbin F.R. The Social Construction of the Great Depression: Industrial Policy during the 1930s in the United States, Britain, and France // Theory and Society. – 1993. – Vol. 22. – Issue 1. – P. 1–56.

²⁴² Авдонин В.С. Полипарадигмальность в политической науке и нормативные теории // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 157–173.

²⁴³ Горин Д.Г. Трансформация исторического сознания смена парадигм обращения к прошлому в публичной сфере // Диалог со временем. – 2020. – № 72. – С. 25.

Европейский миграционный кризис способствовал пересмотру форм и стратегий интеграции иммигрантов, а в более широком смысле – послужил триггером для смены политической парадигмы в области интеграции иммигрантов. Так, до середины 1990-х годов в большинстве европейских стран не предъявлялось официальных требований к гражданской интеграции, связанных с постоянным видом на жительство или гражданством²⁴⁴. Однако увеличение числа иммигрантов привело к «гражданскому повороту» (*civic turn*) – парадигмальному изменению в политике интеграции иммигрантов, направленному на социализацию иммигрантов и предоставление впоследствии им правового статуса гражданина или резидента посредством прохождения языковых курсов, курсов по истории и культуре, необходимых для натурализации.

Однако европейский миграционный кризис 2015–2016 годов следует рассматривать как триггер для «гражданского поворота». К основным же причинам «гражданского поворота» следует отнести следующие:

- 1) усиление нагрузки на государственную экономику в связи с увеличением числа иммигрантов;
- 2) критика мультикультурализма как модели интеграции, вызванная террористическими актами в США и Европе, а также формированием «параллельных обществ», что нашло отражение в дебатах о «кризисе интеграции»²⁴⁵;
- 3) европеизация политик интеграции иммигрантов, во многом предопределяющая их конвергенцию;
- 4) либерализация гражданства, свидетельствующая о переходе от национальной идентичности, основанной на этническом сходстве, к новой идентичности, подчеркивающей гражданское единство²⁴⁶.

²⁴⁴ Goodman S.W. *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 284 p.

²⁴⁵ Castles S., de Haas H., Miller M.J. *The Age of Migration: International Movements in the Modern World*. – New York City: The Guilford Press, 2020. – 6th edition. – P. 327.

²⁴⁶ Goodman S.W. *Immigration and Membership Politics in Western Europe*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 284 p.

По мнению К. Йопке, концепция гражданской интеграции «является либеральной, индивидуально-ориентированной, а не групповой и недискриминационной»²⁴⁷. Вместе с тем в данном контексте вскрываются столкновения внутри либерализма между толерантностью к религиозному и культурному разнообразию и воспитанием граждан, способных противостоять нелиберальным практикам. К. Йопке первый случай именуется «либерализмом Роулза», а второй – «либерализмом Фуко»²⁴⁸. Т. Триадафилопулос, подобным образом описывая данные случаи, называет их «либерализмом Реформации» и «либерализмом Просвещения»²⁴⁹. «Поворот» в сторону гражданской интеграции является отражением «либерализма Фуко» или «либерализма Просвещения», главная задача которого заключается в самоидентификации иммигранта как гражданина государства, в которое он прибыл. К. Йопке указывает, что основным фактором, послужившим к пересмотру концепций политик интеграции европейскими государствами, является экономическая составляющая. В частности, владение государственным языком принимающего государства облегчает интеграцию на рынке труда, что в свою очередь уменьшает финансовую нагрузку на государство²⁵⁰. Таким образом, экономическая детерминированность модели гражданской интеграции укладывается в неолиберальную логику.

Применительно к миграционной проблематике неолиберализм – в отличие от либерального подхода, ратующего за политику открытых дверей и расширение прав вновь прибывших, – делает акцент на экономической полезности и обоснованности затрат на включение иммигрантов в общество. Таким образом, в основе неолиберальной логики лежат оптимизация и

²⁴⁷ Joppke C. Comparative Citizenship: A Restrictive Turn in Europe? // *Law & Ethics of Human Rights*. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 3.

²⁴⁸ Joppke C. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22.

²⁴⁹ Triadafilopoulos T. Illiberal Means to Liberal Ends? Understanding Recent Immigrant Integration Policies in Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2011. – Vol. 37. – Issue 6. – P. 861–880.

²⁵⁰ Joppke C. Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22; Joppke C. Comparative Citizenship: A Restrictive Turn in Europe? // *Law & Ethics of Human Rights*. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 1–41.

транспонирование экономических критериев, присущих трудовой миграции, в другие политики, связанные с интеграцией иммигрантов²⁵¹. Это приводит к селективному подходу, заключающемуся в стремлении интегрировать в первую очередь высококвалифицированных иммигрантов и ограничить доступ к социальным благам низкоквалифицированных иммигрантов. Обозначенный подход является ключевой характеристикой неолиберализма, отдающего приоритет рыночной эффективности и индивидуальной ответственности, что свидетельствует о переходе от либерального мультикультурализма к гражданской интеграции²⁵².

«Гражданский поворот» рассматривается диссертантом как «отказ» не только от мультикультурализма, но и от национальных моделей²⁵³, под которыми понимаются «национальные подходы к управлению миграционными потоками и их политическими последствиями»²⁵⁴. В основе национальных моделей лежит логика зависимости от пути (*path dependency*), заключающаяся в том, что институциональные механизмы прошлого определяют политические решения в настоящем, что исключает возможность конвергенции²⁵⁵. Тем не менее изоморфная тенденция обращения к гражданственности ставит под сомнение такую логику, поскольку «зависимое от пути равновесие периодически нарушается радикальными изменениями, что приводит к внезапным поворотам на пути истории»²⁵⁶. Кроме того, по мнению диссертанта, национальные модели

²⁵¹ Joppke C. Neoliberal Nationalism and Immigration Policy // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2024. – Vol. 50. – Issue 7. – P. 1665.

²⁵² Joppke C. Immigration Policy in the Crossfire of Neoliberalism and Neonationalism // Swiss Journal of Sociology. – 2021. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 72.

²⁵³ Помимо понятия «национальные модели интеграции», в литературе используются такие термины, как «философии интеграции» (Favell A. Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain. – London: Macmillan Press, 1998. – 289 p.), «парадигма политики» (Guiraudon V. L'intégration des immigrés ou la politique de l'esquive. Re'former sans changer de mode'le? // La France en mutation, 1980–2005 / Ed. by P. Culpepper, P. Hall, B. Palier. – Paris: Presses de Sciences Po, 2006. – P. 265–301.), «национальные культурные идиомы» (Brubaker R. Citizenship and Nationhood in France and Germany. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 288 p.).

²⁵⁴ Freeman G.P. National Models, Policy Types, and the Politics of Immigration in Liberal Democracies // West European Politics. – 2006. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 227.

²⁵⁵ Winter E. Traditions of Nationhood or Political Conjuncture? // Comparative Migration Studies. – 2014. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 29–55.

²⁵⁶ Pempel T.J. Regime Shift: Comparative Dynamics of the Japanese Political Economy. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – P. 3.

утратили свою актуальность ввиду усиления взаимосвязи между миграционной политикой и политикой интеграции иммигрантов. Рост миграции детерминировал сближение стратегий по включению иммигрантов в европейских странах. Не в последнюю очередь это связано с европеизацией и импульсом, исходящим от институтов ЕС, стремящихся способствовать реализации общего режима миграции и интеграции²⁵⁷. Таким образом, возможность конвергенции играет особо важную роль в сфере интеграции иммигрантов, поскольку затрагивает вопрос национального суверенитета.

Резюмируя, следует еще раз подчеркнуть, что интеграция представляет собой процесс включения иммигрантов в принимающее общество. основополагающая роль в процессе интеграции отводится государству как «интегративному институту»²⁵⁸, устанавливающему правила игры. Применяемые ранее государствами такие модели интеграции иммигрантов, как ассимиляция и мультикультурализм, продемонстрировали свою неэффективность. Модель ассимиляции, рассматриваемая как «этноцентричная», подвергается резкой критике за односторонность, необходимость иммигранта отказаться от собственных религиозно-культурных традиций и игнорирование структурного неравенства. В свою очередь модель мультикультурализма, делая акцент на культурном разнообразии, способствует «культурализации социального»²⁵⁹, капсулированию социальных проблем и, как следствие, самосегрегации иммигрантов. Альтернативной моделью ввиду отказа от дихотомии «ассимиляция – мультикультурализм» является модель гражданской интеграции, в реализации которой государством могут использоваться различные инструменты, такие как договоры об интеграции, языковые курсы, тесты на знание языка и ценностей принимающего общества и т.п., призванные обусловить доступ иммигрантов к правовому статусу и,

²⁵⁷ Dodevska I. Boundary Integrationism and Its Subject: Shifts and Continuities in the EU Framework on Migrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2024. – Vol. 50. – Issue 4. – P. 749.

²⁵⁸ Соловьев А.И. Государство как производитель политики // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – № 2. – С. 95.

²⁵⁹ Малахов В.С. Культурный плюрализм versus мультикультурализм // *Логос*. – 2000. – № 5-6. – С. 4-8.

следовательно, общественным благам. Сдвиг к модели гражданской интеграции рассматривается в качестве «гражданского поворота» и представляет собой переход к новой политической парадигме, предполагающей иной способ концептуализации политической проблемы и легитимизации политических подходов. Основными особенностями «гражданского поворота» являются (1) смещение акцента с прав на обязанности, что обусловлено неолиберализацией и в свою очередь предусматривает повышенную ответственность иммигрантов за их собственную интеграцию; (2) целенаправленное и всестороннее усиление роли государства, которое поощряет «включение» в общество иммигрантов посредством различных стимулов (например, путем предоставления гражданства); (3) экономическая детерминированность стратегий и механизмов интеграции, преследующая своей целью трудоустройство иммигрантов, что вызвано необходимостью уменьшения финансовой нагрузки на экономику государства.

ГЛАВА 2. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС 2015–2016 ГОДОВ КАК ТРИГГЕР ПОЛИТИЗАЦИИ МИГРАЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛАНДШАФТА

2.1 Европейский миграционный кризис 2015–2016 гг. как вызов: причины и социально-политические последствия

В 2015–2016 годах Европейский Союз столкнулся с беспрецедентным притоком иммигрантов, в первую очередь из стран Ближнего Востока и Северной Африки. Согласно данным агентства Фронтекс, в 2015 году нелегально границы ЕС пересекли более 1,8 млн иммигрантов²⁶⁰, основную долю которых составили беженцы и лица, ищущие убежища, что превышало в 6 раз показатели 2014 года. В том же году в государствах-членах ЕС было подано более 1,3 млн заявлений на предоставление убежища²⁶¹. В западноевропейской литературе данное событие именуется кризисом беженцев²⁶². При этом более оправданным представляется используемый в российских исследованиях термин «миграционный кризис»²⁶³, указывающий на невозможность и нерелевантность разграничения различных категорий иммигрантов (вынужденных, трудовых, семейных и пр.), приток которых во многом вызвал совпадающие проблемы и реакции.

Европейский миграционный кризис 2015–2016 годов следует изучать именно как кризис, поскольку кризис представляет собой ситуацию, когда общность людей – группа, общество, нация – осознает угрозу основным

²⁶⁰ Risk Analysis for 2016 // European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union (Frontex). 2016. – Режим доступа: https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

²⁶¹ Latest asylum trends – 2015 overview // European Asylum Support Office. 2016. – Режим доступа: <https://euaa.europa.eu/sites/default/files/public/LatestAsylumTrends20151.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁶² *Di Mauro D., Memoli V.* The Role of Public Opinion in EU Integration: Assessing the Relationship between Elites and the Public during the Refugee Crisis // *Journal of Common Market Studies*. – 2021. – Vol. 59. – Issue 5. – P. 1303–1321; *Triandafyllidou A.* A “Refugee Crisis” Unfolding: “Real” Events and Their Interpretation in Media and Political Debates // *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. – 2018. – Vol. 16. – Issue 1–2. – P. 198–216; *Verleyen E., Beckers K.* European Refugee Crisis or European Migration Crisis? How Words Matter in the News Framing (2015–2020) of Asylum Seekers, Refugees, and Migrants // *Journalism and Media*. – 2023. – Vol. 4. – Issue 3. – P. 727–742.

²⁶³ *Потемкина О.Ю.* Миграционный кризис в ЕС: кризис пройден? // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. – 2021. – № 5 (23). – С. 31–37; *Шумилов М.М., Шмидт О.И.* Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // *Управленческое консультирование*. – 2023. – № 8. – С. 9–23.

ценностям или системам жизнеобеспечения, что в условиях нехватки времени и крайней неопределенности требует срочного реагирования²⁶⁴. Таким образом, кризис – это ситуация, соединяющая в себе как объективные, так и субъективные свойства: кризисы в основном вызваны объективными факторами, но кризис становится кризисом, если он сконструирован как таковой. Соответственно, кризис, помимо эмпиричной реальности, включает в себя также дискурсивные и нарративные конструкции. Тот факт, что конкретная ситуация описывается как кризис, влияет на то, как она понимается и каковы ее последствия.

В контексте данной диссертации релевантным представляется использование определения, которое приводит С.В. Рязанцев: миграционный кризис – это резкое увеличение числа иммигрантов за относительно короткий период времени на достаточно ограниченной территории²⁶⁵. Обозначенная дефиниция не перегружена терминологически, при этом четко очерчивает три признака миграционного кризиса – ограниченный промежуток времени, ограниченная территория и резкое увеличение числа прибывших.

Каковы же основные причины европейского миграционного кризиса 2015–2016 годов?

1) политическая нестабильность: массовые протесты и народные волнения, впоследствии переросшие в вооруженные конфликты в странах Ближнего Востока (Йемен, Сирия) и Северной Африки (Ливия, Судан), получившие собирательное название «Арабская весна»;

2) экономическая нестабильность в странах Ближнего Востока и Северной Африки, обусловившая стремление иммигрантов к улучшению социально-экономических условий и социального обеспечения;

3) развитие глобальной информационной сети: благодаря телекоммуникационным технологиям иммигранты были осведомлены о

²⁶⁴ Boin A., 't Hart P., Kuipers S. The Crisis Approach // Handbook of Disaster Research / Ed. by H. Rodríguez, W. Donner, J.E. Trainor. – Cham: Springer, 2018. – P. 24.

²⁶⁵ Рязанцев С.В. Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 8.

возможности воссоединения семей, о процедуре получения статуса беженца в государствах-членах ЕС²⁶⁶;

4) омоложение населения африканского континента и арабского мира. Согласно данным ООН, население Тропической Африки в настоящее время составляет 1,152 млрд чел., к 2030 году его численность возрастет до 1,401 млрд чел., а к 2050 году – до 2,094 млрд чел.²⁶⁷ Демографическое положение в странах Северной Африки и Западной Азии, в частности в таких развивающихся странах, как Ирак, Иордания, Йемен, Сирия, также свидетельствует об увеличении численности населения. Рост числа молодежи в Африке и на Ближнем Востоке наряду с увеличением уровня безработицы предопределяет необходимость поиска работы в более экономически развитых регионах мира, в том числе в Европе.

Причины европейского миграционного кризиса взаимосвязаны, но в то же время самостоятельны, что детерминирует возможность рассматривать данный кризис в рамках эвристической модели каскадного кризиса, предложенной М.-Л. Якобсон, Р. Кингом, Л. Морошану и Р. Ветиком²⁶⁸. Каскадный кризис представляет собой цепочку событий, возникающих параллельно или последовательно и перерастающих в системный кризис. В рамках модели каскадного кризиса выделяются четыре стадии, которые помогают раскрыть содержание и особенности европейского миграционного кризиса. На первой стадии миграционный кризис провоцируется кризисом в другой сфере, например вооруженными конфликтами или экономическими спадами. Вторая стадия затрагивает принимающие или транзитные страны: невозможность быстро и эффективно реагировать на миграционные вызовы, связанные с размещением иммигрантов, предоставлением статуса беженца и т.д. Третья стадия связана с кризисом легитимации: конструирование образа

²⁶⁶ Яницкий О.Н. Миграционный кризис или кризис Евросоюза? // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 27.

²⁶⁷ World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. 15.11.2022. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022> (дата обращения: 17.02.2024).

²⁶⁸ Jakobson M.-L., King R., Moroşanu L., Vetik R. Migration and Integration in Turbulent Times // *Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times* / Ed. by M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–17.

иммигрантов как серьезной угрозы для принимающего общества. В результате неэффективного реагирования на кризис на предыдущих стадиях иммигранты могут испытывать проблемы с интеграцией в принимающее общество, что именуется кризисом интеграции и представляет собой четвертую стадию.

Изложенная эвристическая модель позволяет рассматривать европейский миграционный кризис 2015–2016 годов как каскадный. Кроме того, в более широком контексте миграционный кризис связан с кризисом солидарности и справедливого распределения ответственности внутри Европейского Союза²⁶⁹, детерминируя изменения в партийно-политическом ландшафте Европы и, как следствие, в тех или иных политиках. Вместе с тем кризисы как явление не новы для процесса европейской интеграции. Однако если предыдущие кризисы способствовали углублению интеграции²⁷⁰, то миграционный кризис следует рассматривать как уникальный случай, последствия которого замедляют дальнейшее продвижение интеграции. Такое положение дел обусловлено системностью миграционного кризиса, последствия которого, с одной стороны, затрагивают экономическую и демографическую сферы, а с другой – обостряют противоречия между институтами Европейского Союза и национальными государствами-членами, выступающими за ренационализацию политики, в том числе миграционной политики и политики интеграции иммигрантов.

Следует отметить, что восприятие миграции как «феномена, порождающего кризисы» – явление относительно новое, возникшее после окончания Холодной войны²⁷¹. В Европе дискурс о связи миграции и кризиса стал доминирующим в средствах массовой информации и академической литературе в начале 2010-х годов²⁷². Однако именно резкое увеличение числа

²⁶⁹ Медушевский Н.А. Риски и вызовы развития единой Европы 2016–2018 гг. // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7. – № 4А. – С. 69.

²⁷⁰ Scipioni M. Failing Forward in EU Migration Policy? EU Integration After the 2015 Asylum and Migration Crisis // Journal of European Public Policy. – 2017. – Vol. 25. – Issue 9. – P. 1357–1375.

²⁷¹ Bello V. The Spiralling of the Securitisation of Migration in the EU: From the Management of a ‘Crisis’ to a Governance of Human Mobility? // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1327.

²⁷² Cantat C., Pécoud A., Thiollet H. Migration as Crisis // American Behavioral Scientist. – 2023. – P. 8.

иммигрантов в 2015–2016 годах придало импульс усилению тренда секьюритизации на локальном, национальном и наднациональном уровнях. Во-первых, в государствах-членах ЕС политическими партиями и СМИ посредством различных нарративов миграционный кризис конструировался как угроза. Во-вторых, язык секьюритизации использовался на общеевропейском уровне: в частности, агентство Фронтекс после 2015 года в своих отчетах начало маркировать иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки как угрозу социальной стабильности и безопасности²⁷³. Причем категория безопасности рассматривается не только в традиционных военных рамках, но и концентрируется на проблемах интеграции иммигрантов, этнического и религиозного насилия²⁷⁴.

Объяснение социально-политических последствий миграционного кризиса для европейской интеграции представляется релевантным сквозь призму постфункционализма. В отличие от либерального межправительственного подхода и неофункционализма, постфункционализм полезен для выявления причин отказа государств-членов ЕС от разделения бремени ответственности, спровоцировавшего впоследствии кризис солидарности. Основной акцент постфункционалистами делается на политизации проблемы миграционного кризиса и расширении возможностей правых и популистских политических партий, риторика которых способствует секьюритизации миграции. Под *политизацией* понимается придание какому-либо вопросу или общественному явлению политического смысла. При этом политизация сочетается с процессом политической инструментализации, который не столько ведет к «становлению» данного явления как политического, сколько к признанию его таковым в силу его включения в сферу политики. Зачастую конкретное явление политизируется в силу его высокой общественной значимости или с целью получения

²⁷³ Léonard S., Kaunert C. The Securitisation of Migration in the European Union: Frontex and Its Evolving Security Practices // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1417–1429.

²⁷⁴ Алексеев Д.В. Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции // *Вестник Томского государственного университета*. – 2022. – № 480. – С. 64.

политической выгоды. Главный негативный аспект политизации заключается в идеологизации общественных дебатов, в рамках которых сталкиваются конкурирующие нарративы. Ярким примером выступает политизация миграции, для которой характерна конкуренция между политическими фреймами, неразрывно связанными либо с экономикой, либо с безопасностью²⁷⁵.

Как отмечает Ф. Шиммельфенниг, определяющее значение имеет степень политизации той или иной проблемы²⁷⁶. Низкая степень политизации увеличивает вероятность межправительственных переговоров и усиливает роль наднациональных институтов. И наоборот, высокая степень политизации ограничивает пространство для маневра.

Европейский миграционный кризис следует рассматривать как высокополитизированный, что было обусловлено двумя факторами: во-первых, ранее ЕС не сталкивался с подобным притоком иммигрантов, одновременно пересекающих границы Союза; во-вторых, многоуровневый механизм принятия решений недееспособен в экстремальных условиях, требующих оперативного реагирования²⁷⁷. Такое положение дел вынудило государства самостоятельно справляться с проблемами в соответствии с собственным набором норм и правил. Например, транзитные страны, такие как Венгрия, Греция, Италия, столкнулись с проблемами предоставления гуманитарной помощи. Перед странами назначения (Германия, Нидерланды, Швеция), привлекательными своими социально-экономическими условиями, встали вопросы о размещении прибывших, предоставлении им социальных льгот и дальнейшей интеграции в общество. При этом общей для стран транзита и назначения была проблема безопасности, усиливающая политизацию миграции на национальном уровне. Иллюстративным

²⁷⁵ Hutter S., Kriesi H. Politicising Immigration in Times of Crisis // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2022. – Vol. 48. – Issue 2. – P. 341–365.

²⁷⁶ Schimmelfennig F. European Integration (Theory) in Times of Crisis. A Comparison of the Euro and Schengen Crises // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25. – Issue 7. – P. 973.

²⁷⁷ Большова Н.Н. Ответ ЕС на «кризис с беженцами» 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС // Международная аналитика. – 2016. – № 1 (15). – С. 20–21.

примером служит отказ стран Вишеградской группы исполнять решения Совета ЕС²⁷⁸, принятые в соответствии со статьей 78 Лиссабонского договора²⁷⁹, о временном переселении из Италии и Греции 160 тысяч просителей убежища в другие государства-члены, аргументируя свою позицию «размыванием христианских ценностей»²⁸⁰.

Высокая степень политизации миграции связана также с провалом попытки ЕС (в лице Европейской Комиссии) выступить в качестве международного нормативного лидера в области миграции²⁸¹. В декабре 2018 года в Марракеше лишь 19 государствами-членами Союза был подписан Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции²⁸². Несмотря на то что договор не имеют обязательной юридической силы, а содержит нормы «мягкого права»²⁸³, Венгрия, Польша и Чехия проголосовали против его принятия, а Австрия, Болгария, Италия, Латвия и Румыния воздержались. Более того, договор стал причиной кризиса в ряде государств-членов ЕС: в частности, правительство Бельгии распалось после одобрения договора.

²⁷⁸ Council Decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and of Greece // Official Journal of the European Union. 15.09.2015. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2015_239_R_0011 (дата обращения: 09.02.2024); Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and Greece // Official Journal of the European Union. 24.09.2015. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015D1601> (дата обращения: 09.02.2024).

²⁷⁹ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01 // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 09.02.2024).

²⁸⁰ Orbán says migrants threaten ‘Christian’ Europe // Politico. 03.09.2015. – Режим доступа: www.politico.eu/article/orban-migrants-threaten-christian-europe-identity-refugees-asylum-crisis (дата обращения: 10.02.2024).

²⁸¹ Карпович О.Г., Зверева Т.В. Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // Международная жизнь. – 2021. – № 7. – С. 101–102.

²⁸² Resolution adopted by the General Assembly on 19 December 2018. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration // United Nations. 11.01.2019. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_73_19_5.pdf (дата обращения: 11.02.2024).

²⁸³ Под «жестким правом» (*hard law*) понимается «система норм, закрепленных в формальных источниках, наделенных юридически обязательной силой и гарантированных угрозой применения к нарушителям официальных санкций», в отличие от «мягкого права» (*soft law*), которое не обеспечивается официальными санкциями и «соблюдается добровольно в силу авторитетности их создателей, заинтересованности адресатов и целенаправленного социального “давления”, которое оказывает на потенциальных (и фактических) нарушителей соответствующее сообщество» [С. 110]. См.: Демин А.В. «Мягкое право» как выражение компромисса в регулировании трансграничных взаимодействий // Право и образование. – 2015. – № 9. – С. 110–117.

Помимо степени политизации, важное значение имеет *пространственное распределение кризисного давления*. Под кризисным давлением понимаются проблемы, побуждающие политиков принимать решения во время кризиса²⁸⁴. В этом контексте выделяются симметричное и асимметричное кризисное давление. Симметричность предполагает, что все государства-члены ЕС одинаково подвержены кризисному давлению, в то время как асимметричность – неравномерное воздействие кризисного давления²⁸⁵. Пространственное распределение кризисного давления определяет готовность государств к сотрудничеству для преодоления последствий кризиса: чем симметричнее давление, тем выше потенциал признания взаимных выгод (экономических и политических) от разделения рисков²⁸⁶, что является мощным двигателем солидарности в союзе государств. И наоборот, асимметричное кризисное давление приводит к политизации и порождает разногласия между государствами-членами ЕС вокруг процесса разрешения кризиса.

В миграционном кризисе, как было отмечено выше, наибольшее бремя понесли приграничные страны и страны назначения, при этом страны Вишеградской группы отказались от исполнения решений Совета ЕС. Это позволяет сделать вывод об асимметричности европейского миграционного кризиса, которая во многом обусловлена горизонтальной дифференциацией в ЕС и гибкостью интеграции, т.е. правом на неучастие (*opt-out*) в конкретной области сотрудничества. Асимметричность в свою очередь способствовала (1) усилению напряженности и конфликтности между государствами-членами ЕС и (2) нарастанию фрагментации партийно-политического пространства ЕС ввиду роста популярности как крайне правых, так и

²⁸⁴ Ferrara F.M., Kriesi H. Crisis Pressures and European Integration // Journal of European Public Policy. – 2022. – Vol. 29. – Issue 9. – P. 1356.

²⁸⁵ Ibid. P. 1358–1359.

²⁸⁶ Schelkle W. The Political Economy of Monetary Solidarity: Understanding the Euro Experiment. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 387 p.

внесистемных партий, использующих популистскую риторику и разделяющих евроскептические взгляды²⁸⁷.

Таким образом, европейский миграционный кризис ввиду своей системности послужил триггером политических и институциональных изменений. Ассиметричное кризисное давление и высокая степень политизации миграции спровоцировали усиление антимейнстримных партий, подчеркивающих необходимость обеспечения безопасности внешних границ и восстановления национального суверенитета.

2.2 Социал-демократические партии как субъекты ответных изменений в политиках интеграции иммигрантов в Дании и Швеции

Европа на протяжении своей истории была регионом миграций. С XIX века до конца Второй мировой войны для европейского региона были характерны перемещения людей внутри региона и эмиграция на другие континенты, в первую очередь – Северную Америку. Однако с середины XX века миграционные потоки в Европу усилились, что привело к увеличению этнического и религиозного разнообразия²⁸⁸ и, как следствие, политизации миграции²⁸⁹.

Европейский миграционный кризис лишь способствовал усилению данной тенденции, акцентируя внимание на новом структурном размежевании²⁹⁰ в европейских обществах. Исследователи по-разному именуют это размежевание («транснациональное размежевание»²⁹¹,

²⁸⁷ Кавешников Н.Ю. Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. – 2020. – № 2 (95). – С. 164–165.

²⁸⁸ Migration data in Europe // Migration Data Portal. 31.05.2023. – Режим доступа: <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/europe> (дата обращения: 15.02.2024).

²⁸⁹ Hadj Abdou L., Bale T., Geddes A.P. Centre-right Parties and Immigration in an Era of Politicisation // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2022. – Vol. 48. – Issue 2. – P. 327–340.

²⁹⁰ В данном случае термином «размежевание» (*cleavage*) обозначаются идейно-политические и социокультурные противостояния и конфликты. В российской политической науке наряду с термином «размежевание» используются термины «раскол» и «кливаж». См.: Биссон Л.С., Лункин Р.Н. Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. – 2021. – № 6. – С. 7–23; Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии и оценки и классификации // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 56–77.

²⁹¹ Hooghe L., Marks G. Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25. – Issue 1. – P. 109–135.

«размежевание между универсализмом и коммунитаризмом»²⁹², «размежевание между космополитизмом и коммунитаризмом»²⁹³), однако сходятся во мнении, что размежевание затрагивает фундаментальные вопросы европейской интеграции – суверенитет, идентичность и солидарность. При этом следует отметить, что миграционный кризис не является самодостаточным условием для политизации миграции. Важное значение имеет партийная мобилизация.

Мобилизационные потенциалы относительно вопросов, связанных с миграцией, игнорировались европейскими мейнстримными партиями²⁹⁴, в первую очередь социал-демократами, которые в послевоенные десятилетия сохраняли стабильные позиции в партийно-политическом ландшафте скандинавских стран. Вместе с тем отсутствие у социал-демократов необходимости бороться за голоса избирателей и, как следствие, невозможность предложить оригинальные идеи привели к «перехватыванию» повестки крайне правыми партиями, политизирующими миграцию посредством мобилизации гетерогенных групп «проигравших» от глобализации²⁹⁵. Данный тезис подтверждается усилением крайне правых партий во время европейского миграционного кризиса и коррелирует с идеей о том, что кризис порождает неопределенность и угрозы, выступая триггером институциональных и политических изменений²⁹⁶, оказывающих влияние на партийную систему. Именно крайне правые партии являются пионерами «социального шовинизма» (*welfare chauvinism*) – концепции, согласно которой социальное обеспечение предоставляется исключительно «коренному» населению, а не иммигрантам²⁹⁷. Более того, акцент крайне

²⁹² Bormschie S. *Cleavage Politics and the Populist Right*. – Philadelphia: Temple University Press, 2010. – 245 p.

²⁹³ De Wilde P., Koopmans R., Merkel W., Strijbis O., Zürn M. *The Struggle Over Borders: Cosmopolitanism and Communitarianism*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 288 p.

²⁹⁴ Hooghe L., Marks G. *Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage* // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – Vol. 25. – Issue 1. – P. 109–135.

²⁹⁵ Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Höglinger D., Hutter S., Wüest B. *Political Conflict in Western Europe*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 349 p.

²⁹⁶ Gourevitch P.A. *Politics in Hard Times: Comparative Responses to International Economic Crises*. – Ithaca: Cornell University Press, 1986. – 272 p.

²⁹⁷ Careja R., Harris E. *Thirty Years of Welfare Chauvinism Research: Findings and Challenge* // *Journal of European Social Policy*. – 2022. – Vol. 32. – Issue 2. – P. 212–224.

правых партий на миграционном вопросе способствует ассоциированию этих партий в сознании избирателей в странах ЕС с данным вопросом²⁹⁸.

Помимо крайне правых, другие партии также стали апеллировать к проблеме иммиграции в своих избирательных кампаниях, отчасти благодаря успешной политизации этого вопроса со стороны первых. Таким образом, партии выступают не столько как представители определенных социальных классов и групп, а сколько как автономные акторы, стремящиеся к получению большего количества голосов²⁹⁹. Следовательно, партии как рациональные акторы реагируют на запросы избирателей и подчеркивают проблемы, которые их избиратели считают более важными. Ввиду того, что предпочтения избирателей по различным вопросам со временем меняются, партиями переоценивается их значимость.

Наряду с предпочтениями избирателей важно учитывать институциональный контекст, в котором происходит партийная конкуренция. Являясь рациональными акторами, накануне выборов партии стремятся выбирать стратегии, которые помогут им получить больше голосов. Кроме того, партии с большей вероятностью готовы менять свои политические платформы в ответ на неудовлетворительные результаты выборов³⁰⁰. Ослабление позиций социал-демократических партий в период миграционного кризиса побудило их искать новые выигрышные избирательные стратегии.

В рамках данной диссертации интерес представляет изучение изменения позиций социал-демократических партий в Дании и Швеции как основных партий-«защитников» государства всеобщего благоденствия по миграционному вопросу. Социал-демократические партии в обеих странах стали доминирующей политической силой в начале XX века и инициаторами

²⁹⁸ *Mudde C.* Did the “Refugee Crisis” Transform European Politics? // *Rechtspopulismus in Deutschland* / Ed. by H.U. Brinkmann, K.-H. Reuband. – Wiesbaden: Springer, 2022. – P. 37–54.

²⁹⁹ *Strom K.* A Behavioral Theory of Competitive Political Parties // *American Journal of Political Science*. – 1990. – Vol. 34. – Issue 2. – P. 565–598.

³⁰⁰ *Meyer T.M., Wagner M.* Mainstream or Niche? Vote-seeking Incentives and the Programmatic Strategies of Political Parties // *Comparative Political Studies*. – 2013. – Vol. 46. – Issue 10. – P. 1246–1272.

создания одних из самых всеобъемлющих систем социального обеспечения в мире³⁰¹, что предопределяло иммиграцию в Данию и Швецию в основном по экономическим причинам. После Второй мировой войны обе страны столкнулись с притоком иммигрантов, рассматривая миграцию как положительный процесс для национальных экономик и проводя при этом схожие политики. Однако начиная с 1980-х годов в программах и позициях датских и шведских социал-демократов происходит дивергенция: Шведская социал-демократическая партия выступала за открытую (в значительной степени – мультикультурную) политику, в то время как Датская социал-демократическая партия – за ужесточение миграционного контроля. В настоящее время тема иммиграции является сложным вопросом для социал-демократов с идеологической точки зрения. С одной стороны, «классовая ориентация» социал-демократов предусматривает поддержку прав всех трудящихся, в том числе иммигрантов. С другой стороны, иммиграция в государства всеобщего благоденствия подрывает финансовую жизнеспособность механизмов социального обеспечения³⁰². Следовательно, социал-демократические партии сталкиваются с «прогрессивной дилеммой», которую усугубляет неоднородность их электората³⁰³. В условиях значительного миграционного притока и, как следствие, усиления влияния крайне правых партий, использующих антииммигрантскую риторику, позиции социал-демократических партий ослабли (см. Приложение. График 1), что побудило их к поиску новых стратегий.

Несмотря на победу на парламентских выборах 2015 года, датским социал-демократам не удалось сформировать правительство. Однако перед

³⁰¹ *Brochmann G.* From Bounded Universalism to the Trial of Internationalization: Migration and Social Democracy in Scandinavia // *Social Democracy in the 21st Century* / Ed. by N. Brandal, Ø. Bratberg, D.E. Thorsen. – Leeds: Emerald Publishing Limited, 2021. – P. 199.

³⁰² *Spies D.C.* Immigration and Welfare State Retrenchment: Why the US Experience is not Reflected in Western Europe. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 208 p.

³⁰³ Основу электората скандинавских социал-демократических партий составляет высокообразованный средний класс. При этом наблюдается заметное снижение уровня поддержки со стороны рабочего класса, что вызвано структурными изменениями в экономике и снижением активности профсоюзного движения. См.: *Макаренко Б.И., Петров И.И.* Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021) // *Полис. Политические исследования.* – 2023. – № 1. – С. 20.

партией стояла задача вернуть голоса избирателей, составляющих рабочий класс, в связи с чем М. Фредериксен, возглавившая партию, анонсировала изменения в программе партии, касающиеся миграционной и связанной с ней экономической политики. В частности, датские социал-демократы выступили с предложением отказаться от либеральной политики в экономической сфере, а также ввести более ограничительные требования по приему и интеграции иммигрантов³⁰⁴. В частности, было предложено ограничить количество принимаемых иммигрантов из неевропейских стран, а лиц, ищущих убежища, направлять в центры приема в Северной Африке. Такие требования были выдвинуты на фоне увеличения числа лиц, ищущих убежища – с 10 тысяч в 2014 году до 21 тысячи в 2015 году (см. Приложение. Таблицы 1 и 2)³⁰⁵. В качестве показательного шага следует рассматривать поддержку датскими социал-демократами пакета мер, включающего запрет на ношение бурки и увеличение автоматической репатриации беженцев из Дании³⁰⁶. Кроме того, в манифесте Датской социал-демократической партии именно иммиграция была обозначена как угроза социальной сплоченности³⁰⁷. Основным аргументом внедрения более жестких мер выступала необходимость сохранить государство всеобщего благоденствия³⁰⁸. Как заявил лидер парламентской группы социал-демократов Х.С. Ларсен, «иммигрантам из незападных стран исторически сложнее интегрироваться на рынке труда ... Чем больше [их приезжает], тем сложнее [их интегрировать] ... [М]ы не хотим жертвовать обществом всеобщего благосостояния во имя

³⁰⁴ Salo S., Rydgren J. *The Battle Over Working-Class Voters: How Social Democracy Has Responded to the Populist Radical Right in the Nordic Countries*. – Abingdon: Routledge, 2021. – P. 33.

³⁰⁵ Indvandrere og efterkommere // Danmarks statistik. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/da/Statistik/emner/borgere/befolkning/indvandrere-og-efterkommere> (дата обращения: 10.02.2024).

³⁰⁶ Bergmann E. *Nordic Populism: Conjoining Ethno-Nationalism and Welfare Chauvinism // Democracy Fatigue: An East European Epidemy / Ed. by C. García-Rivero*. – Budapest: Central European University Press, 2023. – P. 256.

³⁰⁷ Socialdemokratiets principprogram: Fælles om Danmark // Socialdemokratiet. 2017. – Режим доступа: <https://www.socialdemokratiet.dk/media/ws1fxjky/socialdemokratiets-principprogram-faelles-om-danmark.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

³⁰⁸ Tesfaye M. *Velkommen Mustafa – om 50 års socialdemokratisk udlændingepolitik*. – København: Gyldendal, 2017. – S. 344–347.

гуманизма»³⁰⁹. Усиление рестриктивной позиции, с одной стороны, было обусловлено реакцией на миграционный кризис, а с другой – необходимостью увеличения поддержки избирателей, в том числе путем привлечения электората Датской народной партии, использующей антииммигрантскую риторику. Позиция датских социал-демократов оправдала себя, поскольку по результатам выборов 2019 года им, во-первых, удалось возглавить правительство, а во-вторых (что более важно) – привлечь на свою сторону электорат Датской народной партии³¹⁰.

Шведская социал-демократическая партия, в отличие от Датской, в период миграционного кризиса находилась у власти, продолжая мультикультурную политику в сфере миграции. Однако позиция шведских социал-демократов кардинально трансформировалась в ноябре 2015 года, когда количество лиц, ищущих убежища, увеличилось с 54 тысяч в 2013 году до 162 тысяч в 2015 году (см. Приложение. Таблицы 1 и 2)³¹¹. В связи с беспрецедентным притоком иммигрантов шведские социал-демократы предложили «передышку» (*andrum*³¹²), аргументируя свою позицию отсутствием справедливого распределения ответственности между государствами-членами ЕС. Именно социал-демократы стали инициаторами ограничения права на воссоединение семей, выдачи лишь временных видов на жительство, а также введения пограничного контроля на границе с Данией. Шведские социал-демократы в 2018 году выступили с предложением «ограничить трудовую миграцию с целью предоставления

³⁰⁹ Vi vil gøre alt for at begrænse antallet af ikkevestlige flygtninge og indvandrere // Politiken. 18.12.2015. – Режим доступа: <https://politiken.dk/debat/art5636545/Vi-vil-g%C3%B8re-alt-for-at-begr%C3%A6nse-antallet-af-ikkevestlige-flygtninge-og-indvandrere> (дата обращения: 20.02.2024).

³¹⁰ Tal og fakta om valg og afstemninger // Folketinget. – Режим доступа: <https://www.ft.dk/da/folkestyret/valg-og-afstemninger/tal-og-fakta-om-valg-og-afstemninger> (дата обращения: 10.02.2024).

³¹¹ Asyl // Migrationsverket. – Режим доступа: <https://www.migrationsverket.se/OmMigrationsverket/Statistik/Asyl.html> (дата обращения: 10.02.2024).

³¹² Prop. 2015/16:174. Tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/contentassets/075968fdd8c94788977dba14bae16444/forslag-om-att-tillfalligt-begransa-mojligheten-att-fa-uppehallstillstand-i-sverige-prop.-201516174> (дата обращения: 02.02.2024).

рабочих мест безработным шведам»³¹³. Более того, в предвыборном манифесте партии подчеркивались ее ожидания от интеграции иммигрантов: «нет коротких путей – взрослый, трудоспособный человек, который хочет быть частью шведского общества, должен работать и говорить по-шведски»³¹⁴. И несмотря на то, что в манифесте вопрос благосостояния не связывается с иммиграцией, фокус внимания сосредотачивается на решении проблем интеграции, а не на создании возможностей для иммигрантов.

Невзирая на введенные ограничения и смену партийной риторики, бывшие сторонники партии считали «передышку» недостаточной. Это нашло отражение в итогах выборов 2022 года в парламент, на которых Шведская социально-демократическая партия получила 28,3% голосов (самый низкий результат за последние 100 лет), а Шведские демократы, с которыми политический истеблишмент избегал любых контактов, возведя *cordon sanitaire*, – 17,5% (лучший результат за весь период участия в выборах)³¹⁵. Следовательно, несмотря на маргинализированность Шведских демократов вплоть до последних парламентских выборов и изоляцию на институциональном уровне, их идеи оказывали фактическое влияние на шведскую партийную систему. Более того, предыдущая политика открытых дверей в настоящее время представляется социал-демократам наивной, поскольку не соответствует экономическим возможностям страны. Так, председатель Шведской социал-демократической партии М. Андерссон подчеркивает, что ограничение количества иммигрантов поможет сократить финансовые расходы и перенаправить их на социальное обеспечение³¹⁶.

³¹³ Det största trygghets-programmet i modern tid – Valmanifest 2018 // Socialdemokraterna. 2018. – Режим доступа: <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/arkiv/val/val-2018/valmanifest-2018> (дата обращения: 21.02.2024).

³¹⁴ Ibid

³¹⁵ Historisk statistik över valåren 1910–2022. Procentuell fördelning av giltiga valsedlar efter parti och typ av val // Statistiska centralbyrån. 21.11.2022. – Режим доступа: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valresultat/pong/tabell-och-diagram/historisk-valstatistik/historisk-statistik-over-valaren-19102022.-procentuell-fordelning-av-giltiga-valsedlar-efter-parti-och-typ-av-val> (дата обращения: 03.02.2024).

³¹⁶ Jerneck M. Cosmopolitanism and Welfare Chauvinism in Sweden // Migration and Integration in a Post-Pandemic World / Ed. by L. Lerpold, Ö. Sjöberg, K. Wennberg. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – P. 117.

Особое место в анализе ответных мер социал-демократических партий на миграционный кризис занимает аспект идентичности. Связано это с тем, что усилившиеся миграционные потоки представляют собой вызов национальной, региональной и глобальной безопасности. В связи с этим обращение крайне правых партий в своем дискурсе к проблеме «защиты будущего нации»³¹⁷ предопределяет реакцию со стороны социал-демократов.

В скандинавском контексте категория «безопасность» связана с необходимостью защиты общей идентичности³¹⁸. Причем в научной литературе даже используется отдельный термин – «скандинавская идентичность», указывающий на наличие пула ценностных идеалов, характеризующих картину мира стран Северной Европы³¹⁹. К таким идеалам следует отнести эгалитаризм, высокий уровень благосостояния, взаимное уважение, толерантность, равноправие, защиту прав человека, доверие к политическим институтам и др.³²⁰ Кроме того, общая история, географическое расположение и культурное сходство послужили основой возникновения чувства общности. Помимо обозначенных аспектов, важную роль сыграли схожие тренды социально-экономического развития (связанные с оформлением государств всеобщего благоденствия) и прагматичное понимание преимуществ сотрудничества для решения общих проблем³²¹.

Ввиду того, что социал-демократические партии стояли у истоков скандинавской модели государства всеобщего благоденствия, именно они оказали влияние на формирование скандинавской идентичности. Однако, как было сказано выше, необходимость реагировать на рост популярности

³¹⁷ Weeks A.C., Allen P. Backlash against “Identity Politics”: Far Right Success and Mainstream Party Attention to Identity Groups // *Politics, Groups, and Identities*. – 2023. – Vol. 11. – Issue 5. – P. 937.

³¹⁸ Пронякина Е.Д. «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 60.

³¹⁹ К термину «скандинавская идентичность» (шире – «северная идентичность») апеллируют и политики. В частности, в Декларации Совета министров северных стран от 2019 года ставится цель «стать наиболее устойчивым и интегрированным регионом мира к 2030 году», а также упоминается необходимость поддержания «общей скандинавской идентичности». См.: *Our Vision 2030 // Norden*. 20.08.2019. – Режим доступа: <https://www.norden.org/en/declaration/our-vision-2030> (дата обращения: 09.03.2024).

³²⁰ Бутакова А.А., Портнягина М.Д. Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. – 2020. – № 22 (1-2). – С. 321.

³²¹ Bakke I.B. The ‘Idea of Career’ and ‘A Welfare State of Mind’: On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries / Ed. by E.H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen*. – Leiden: Brill, 2020. – P. 24–25.

крайне правых партий и «перехватывать» их повестку обуславливает включение в манифесты партий положений, эксплицитно или имплицитно связанных с идентичностью. Так, в манифесте шведских социал-демократов наблюдается усиление экономического протекционизма, явно связанного с миграцией: «Ограничить трудовую иммиграцию, чтобы рабочие места, для занятия которых предъявляются низкие требования к уровню образования, перешли шведским безработным»³²². Датские социал-демократы, также связывая идентичность с социально-экономическим развитием, отмечают, что «слишком много [иммигрантов] прибыло в Данию, не став ее частью. Это ставит под угрозу социальную сплоченность»³²³. Таким образом, для Датской и Шведской социал-демократических партий является важным сохранение не столько национальной идентичности, сколько идентичности скандинавской, во многом сформировавшейся благодаря их усилиям и базирующейся на общей модели государства всеобщего благоденствия.

Проведенный анализ позволяет заключить, что результаты парламентских выборов в обеих странах свидетельствуют, во-первых, о сокращении разрыва в количестве голосов между социал-демократами и крайне правыми, во-вторых, об обращении социал-демократов к риторике и идеям своих конкурентов. На протяжении своей истории датские и шведские социал-демократы позиционировали себя в качестве интернационалистов и нормативных антрепренеров в области благосостояния и прав человека. Однако рост неравенства внутри стран, а также усиление международной миграции и ее политизация вызывают преобразования интересов и идей политических партий в рамках представительной демократии. С одной стороны, корректировки политических позиций социал-демократических партий коррелируют с запросами электората, а с другой – компрометируют

³²² Det största trygghets-programmet i modern tid – Valmanifest 2018 // Socialdemokraterna. 2018. – Режим доступа: <https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/arkiv/val/val-2018/valmanifest-2018> (дата обращения: 21.02.2024).

³²³ Retfærdig og realistisk. En udlændingepolitik der samler Danmark // Socialdemokratiet, 2018. – Режим доступа: <https://www.socialdemokratiet.dk/media/fkjkbmst/en-udlaendingepolitik-der-samler-danmark-5.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

их классические идеи о солидарности и интернационализме. Такие изменения связаны с более широкими социально-экономическими преобразованиями, которые по своей сути носят глобальный характер и вызваны длительным переходом от индустриального общества к постиндустриальному и усиливающейся неолиберализацией³²⁴.

Изложенное выше демонстрирует значимость миграционного кризиса как для дальнейшего углубления европейской интеграции, так и для эволюции партийно-политического ландшафта в Дании и Швеции. Миграционный кризис – ввиду высокой степени политизации и асимметричного кризисного давления – послужил катализатором коренных противоречий процесса европейской интеграции, связанных с политической и экономической дифференциацией внутри интеграционного объединения, дефицитом демократической легитимности институтов ЕС и подрывом принципа солидарности между государствами-членами. Кроме того, миграционный кризис способствовал росту популярности антимейнстримных партий, секьюритизирующих миграцию и подчеркивающих необходимость ренационализации миграционной политики и политики интеграции иммигрантов. В ответ на утрату электоральной поддержки и вызов со стороны крайне правых партий Датская и Шведская социал-демократические партии стали инициаторами внедрения ограничительных мер по приему и интеграции вновь прибывших. Невзирая на то, что Швеция приняла значительно большее число иммигрантов, чем Дания, обе партии настаивают на ужесточении миграционной политики и политики интеграции иммигрантов. При этом более ограничительный подход датских социал-демократов объясняется более сильной позицией Датской народной партии как признанного игрока на политической арене страны, в отличие от Шведских демократов, с которыми до выборов 2022 года был установлен *cordon sanitaire* и которых социал-демократы обозначают в

³²⁴ Kuisma M. Nordic Social Democrats: Still Europe's Progressive Vanguard? // Constellations. – 2020. – Vol. 27. – Issue 4. – P. 605.

качестве главной силы, «разжигающей ненависть» и угрожающей социальной сплоченности³²⁵.

³²⁵ Political guidelines – Security in a new era // Socialdemokraterna. 12.04.2017. – Режим доступа: https://www.socialdemokraterna.se/download/18.12ce554f16be946d04640bb2/1568881590583/security-in-a-new-era---political-guidelines_2017.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

ГЛАВА 3. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛИТИК ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ В ДАНИИ И ШВЕЦИИ ПОСЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО МИГРАЦИОННОГО КРИЗИСА 2015–2016 ГОДОВ

3.1 Историческая ретроспектива политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции и программы интеграции иммигрантов

С конца XIX века Дания и Швеция представляли собой классический пример стран эмиграции. В основном жители этих стран эмигрировали в Северную Америку, главным образом – в Соединенные Штаты. В частности, из Швеции в последние десятилетия XIX века в США выехала пятая часть населения страны³²⁶. После Второй мировой войны – в условиях бурного экономического роста и острой нехватки рабочей силы – трудовые иммигранты из стран Северной и Западной Европы составляли львиную долю прибывших в обеих странах³²⁷. Однако в связи со снижением экономического и промышленного роста и началом нефтяного кризиса Швеция и Дания в 1972 и 1973 годах ввели рестриктивные меры для трудовых иммигрантов. В 1980–1990-е годы ситуация изменилась: обе страны столкнулись с постепенным увеличением числа беженцев, в первую очередь из стран Юго-Восточной Европы, Ближнего Востока и Африки. Таким образом, Дания и Швеция превратились из стран эмиграции в страны иммиграции, в связи с чем в настоящее время этнические меньшинства из неевропейского ареала составляют 6,8% населения Дании и 11,7% населения Швеции (см. Приложение. Таблица 3)³²⁸.

Начиная с 1970-х годов политики интеграции иммигрантов в Дании и Швеции существенно различались: если Дания проводила более

³²⁶ *Hellström A.* Trust Us: Reproducing the Nation and the Scandinavian Nationalist Populist Parties. – New York: Berghahn Books, 2016. – P. 34.

³²⁷ *Meer N., Mouritsen P., Faas D., de Witte N.* Examining ‘Post-multicultural’ and Civic Turns in the Netherlands, Britain, Germany, and Denmark // *American Behavioral Scientist*. – 2015. – Vol. 59. – Issue 6. – P. 716.

³²⁸ The groups of ancestry share of the total population 1. January by ancestry and time // *Danmarks statistik*. 01.01.2023. – Режим доступа: <https://www.statbank.dk/statbank5a/selectvarval/saveselections.asp> (дата обращения: 05.02.2024); Population in Sweden by Country/Region of Birth, Citizenship and Swedish/Foreign background // *Statistiska centralbyrån*. 31.12.2022. – Режим доступа: <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/population-composition/population-statistics/pong/tables-and-graphs/foreign-born-citizenship-and-foreignswedish-background/population-in-sweden-by-countryregion-of-birth-citizenship-and-swedishforeign-background-31-december-2022> (дата обращения: 05.02.2024).

ограничительную политику, то Швеция – более разрешительную³²⁹. Основная причина заключалась в расхождении во взглядах на обязанности иммигрантов и граждан в поддержании сильного государства всеобщего благоденствия, а также на процесс социализации, через который должны пройти иммигранты, чтобы интегрироваться в принимающее их общество.

Как отмечают Н. Меер, П. Муритсен, Д. Фаас и Н. де Витте, датская политика интеграции иммигрантов прошла три этапа: первый этап (1970-е годы) характеризуется относительно разрешительной политикой, направленной на содействие со стороны государства по включению вновь прибывших в общество; на втором этапе (1980-е годы) ответственность за интеграцию в датское общество была возложена на иммигрантов; на третьем этапе (с конца 1990-х годов) были введены более строгие ограничения, касающиеся иммиграции в страну, а дискурс характеризовался необходимостью овладения вновь прибывшими «фундаментальными ценностями» датского общества³³⁰. Каждый из обозначенных этапов сложно назвать мультикультурным³³¹. Несмотря на то, что политика интеграции иммигрантов в Дании претерпела существенные изменения, она все же сохранила связь с политикой интеграции в других скандинавских странах³³². Данный тезис находит отражение в работах С. Гудман: «Дания стала государством явных контрастов в результате иммиграции» как «либеральная скандинавская страна, толерантная к альтернативному образу жизни», с одной стороны, и как страна, которая «остаётся этнокультурной с точки зрения инструментального стремления к сплоченности и однородности», с другой стороны³³³.

³²⁹ *Hernes V.* Cross-national Convergence in Times of Crisis? Integration Policies Before, During and After the Refugee Crisis // *West European Politics*. – 2018. – Vol. 41. – Issue 6. – P. 1311.

³³⁰ *Mouritsen P., Olsen T.V.* Denmark between Liberalism and Nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. – 2013. – Vol. 36. – Issue 4. – P. 694.

³³¹ *Meer N., Mouritsen P., Faas D., de Witte N.* Examining 'Post-multicultural' and Civic Turns in the Netherlands, Britain, Germany, and Denmark // *American Behavioral Scientist*. – 2015. – Vol. 59. – Issue 6. – P. 717.

³³² *Jakobsen V., Korpi T., Lorentzen T.* Immigration and Integration Policy and Labour Market Attainment Among Immigrants to Scandinavia // *European Journal of Population*. – 2018. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 307.

³³³ *Goodman S.W.* Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // *World Politics*. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 675.

В Швеции, как и в Дании, стратегии включения иммигрантов в общество также претерпели изменения. В 1970-х годах шведская политика интеграции иммигрантов опиралась на мультикультурализм и поддерживала получение образования иммигрантами на родном языке. Государством были разработаны меры по поддержке этнической идентичности иммигрантов и опциональному выбору иммигрантами шведской культуры в качестве собственной, в связи с чем Ч. Вестин и Е. Дингу-Кюрклунд охарактеризовали ее как «радикальную мультикультурную политику»³³⁴. Однако в середине 1980-х годов усилия по сохранению этнокультурной идентичности уменьшились, поскольку шведские власти опасались, что это может поставить под угрозу быструю и успешную интеграцию иммигрантов в общество и рынок труда³³⁵. Таким образом, с середины 1980-х годов Швеция стала придерживаться универсалистско-мультикультурных практик реализации миграционной политики и политики интеграции иммигрантов.

Поворотным моментом в изменении политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции следует считать европейский миграционный кризис 2015–2016 годов, который обнажил зреющие в обществе противоречия и способствовал пересмотру мер по включению иммигрантов в общество. Основным институционализированным механизмом выступают **программы интеграции иммигрантов**. Они представляют собой один из центральных столпов государственной политики, направленной на вновь прибывших с целью обеспечения их постепенной интеграции, в первую очередь – на рынке труда. Совет Европы и Европейская ассоциация экзаменационных советов по иностранным языкам (*The Association of Language Testers in Europe*) фиксируют тенденцию к увеличению количества стран в ЕС, внедряющих программы интеграции иммигрантов, что связано не только с необходимостью трудовой занятости прибывших, но и с достижением

³³⁴ Westin C., Dingu-Kyrklund E. Immigration and Integration of Immigrants and their Descendants: The Swedish Approach // *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence* / Ed. by F. Heckmann, D. Schnapper. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2016. – P. 106.

³³⁵ Adolfsson C. 'I'm Not Swedish Swedish': Self-Appraised National and Ethnic Identification Among Migrant-Descendants in Sweden // *Genealogy*. – 2021. – Vol. 5. – Issue 56. – P. 6.

социальной сплоченности³³⁶. Как следствие, расширяется содержательное наполнение таких программ интеграции.

Одним из пионеров в области разработки законов, призванных регламентировать порядок интеграции иммигрантов, можно считать Данию. В соответствии с особенностями законодательства муниципалитеты берут на себя основную часть ответственности за интеграцию³³⁷. Так, муниципалитеты реализуют вводные программы (*introduktionsprogrammer*), которые по сути своей направлены лишь на особо уязвимую группу иммигрантов – беженцев, и программы интеграции (*integrationsprogrammer*), которые рассчитаны на другие категории иммигрантов.

Справедливым будет отметить, что особенности программ интеграции в Дании основаны на потребностях рынка труда как на государственном, так и на муниципальном уровне. В основе данных программ лежит двухдневная рабочая неделя для иммигрантов, в рамках которой они могут трудиться в качестве практикантов или стажеров. Иные же дни отведены для посещения языковых курсов и занятий, направленных на более глубокое понимание иммигрантами культуры и ценностей датского общества. Муниципалитеты на свое усмотрение могут предлагать языковые курсы в дневное или вечернее время для работающих иммигрантов. Зачастую уделяется внимание тому, чтобы иммигранты на начальном этапе лишь посещали языковые курсы, а в конце программы трудоустроивались³³⁸.

Особенностью датских программ для беженцев является дифференцированный подход к сроку получаемого образования (или переквалификации) в зависимости от уровня уже полученного ранее

³³⁶ Rocca L., Carlsen C.H., Deygers B. Linguistic Integration of Adult Migrants: Requirements and Learning Opportunities. Report on the 2018 Council of Europe and ALTE Survey on Language and Knowledge of Society Policies for Migrants // Council of Europe. January 2020. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/linguistic-integration-of-adult-migrants-requirements-and-learning-opp/16809b93cb> (дата обращения: 15.02.2024).

³³⁷ Myrberg G. Local Challenges and National Concerns: Municipal Level Responses to National Refugee Settlement Policies in Denmark and Sweden // International Review of Administrative Sciences. – 2017. – Vol. 83. – Issue 2. – P. 329.

³³⁸ Nationale rammer for integrationsindsatsen for flygtninge 1997–2017 – Integrationsloven, danskuddannelse og udlændingelov // Det Nationale Forsknings- og Analysecenter for Velfærd. 2018. – Режим доступа: https://pure.vive.dk/ws/files/2302568/11274_earn_nationale_rammer_for_integrationsindsatsen.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

образования. Так, беженец, являющийся представителем высококвалифицированной профессии, может получить необходимый уровень образования за год, после чего ему будет предоставлено право беспрепятственной работы на территории государства, а также дана возможность продолжать усовершенствование своих языковых навыков в нерабочее время; в то время как для низкоквалифицированных сотрудников (40% иммигрантов из стран неевропейского ареала имеют только школьное образование), не имеющих, например, высшего образования, данная программа интеграции может быть продлена на пять лет³³⁹.

Кроме того, также исходя из потребностей рынка труда на уровне муниципалитетов, в 2016 году была разработана и принята программа «Базовое интеграционное образование» (*Integrationsgrunduddannelsen*, далее – *Igu*), ориентированная на лиц, воссоединившихся со своими семьями, и беженцев в возрасте от 18 до 40 лет. *Igu* призвана распределять участников по муниципалитетам, исходя из потребностей муниципалитетов в конкретной профессии³⁴⁰. Данная программа основана на идее получения образования параллельно трудовой деятельности, то есть участники могут получать образование одновременно с работой в своей профессии в течение 23 недель, что включает в себя изучение языка, особенностей рынка труда и т.д. Учитывая то, что срок действия данной экспериментальной программы закончился в декабре 2023 года³⁴¹, а достичь желаемых результатов так и не удалось, в октябре 2023 года был принят закон, обязывающий иммигрантов (в том числе беженцев), претендующих на воссоединение семей, работать не менее 37 часов в неделю³⁴².

³³⁹ Бутенко В.А. Трансформация интеграционной политики Дании // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 26.

³⁴⁰ Капицын В.М., Магомедов А.К., Шанаров А.Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 104.

³⁴¹ Integrationsgrunduddannelsen (igu) // Børne- og Undervisningsministeriet. – Режим доступа: <https://www.ug.dk/uddannelser/andreerhvervsrettedeuddannelser/andreuddannelserforvoksne/andresaerligeuddannelser/integrationsgrunduddannelsen-igu> (дата обращения: 27.01.2024).

³⁴² Denmark: New social support rules for some migrants // European Commission. 13.10.2023. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/denmark-new-social-support-rules-some-migrants_en (дата обращения: 01.02.2024).

Вместе с тем исследования показывают, что раннее трудоустройство снижает уровень владения языком в конце интеграционного курса. Хотя раннее обучение на рабочем месте оказывает положительное влияние на трудоустройство в течение второго года после прибытия, этот эффект исчезает через три-четыре года³⁴³. Следовательно, время, проведенное на рынке труда, не может заменить время, потраченное на языковые инвестиции, когда речь идет о повышении уровня владения языком.

Особенностью принятия иммигрантов на программы интеграции в Дании является обязательное подписание договора об интеграции между иммигрантом и датским государством. Так, иммигранты подтверждают готовность соблюдать законы страны, придерживаться принципов демократии, гендерного равенства, свободы слова и совести, использовать датский язык при общении³⁴⁴. Договор детально регламентирует цели программы, такие как, например, успешное трудоустройство или получение дополнительного или высшего образования, а также шаги, которые иммигранту следует предпринять, чтобы добиться желаемых результатов. В случае несоблюдения подписанного договора к иммигранту могут быть применены штрафные санкции со стороны властей.

Швецию отличает отсутствие обязательных требований по интеграции иммигрантов. При этом для каждого конкретного гражданина третьего государства или лица без гражданства Государственная служба занятости (*Arbetsförmedlingen*) разрабатывает двухлетний индивидуальный план (*introduction plan*), учитывающий уже имеющееся образование и опыт работы. Невзирая на то что для многих категорий лиц выполнение данной программы не является обязательным, лица, пользующиеся международной защитой, и члены их семей, желающие получить экономическую поддержку

³⁴³ Arendt J.N., Bolvig I. Trade-offs between Work-first and Language-first Strategies for Refugees // *Economics of Education Review*. – 2023. – Vol. 92. – P. 1–19.

³⁴⁴ Adamo S. “Please Sign Here”: Integration Contracts Between Municipalities and Foreigners in Denmark // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 321–342.

со стороны государства, обязаны выполнять требования, предусмотренные планом.

Тем не менее с 1 января 2018 года в силу вступили новые законодательные нормы. Правительством Швеции было введено т.н. «образовательное обязательство» (*Utbildningsplikt*). Оно предполагает, что низкоквалифицированные иммигранты в рамках индивидуального плана берут на себя обязательство по повышению уровня образования³⁴⁵. В случае невыполнения данного требования к ним могут применяться санкции, вплоть до невозможности выхода на шведский рынок труда. Таким образом, иммигранты в ряде случаев зависят от поддержки со стороны государства (пособия на проживание, обеспечение жильем), а индивидуальные планы по интеграции превращаются в «предложение, от которого нельзя отказаться»³⁴⁶.

В то же время для иммигрантов с высоким уровнем образования в рамках индивидуального плана предлагаются короткие дополнительные курсы, после прохождения которых лицо может претендовать на рабочее место на рынке труда. К тому же работодатели, нанимающие таких лиц, могут рассчитывать на финансовую поддержку со стороны государства³⁴⁷.

Кроме того, в 2016 году правительство запустило программу «Быстрые треки» (*Snabbspår*), рассчитанную на вновь прибывающих иммигрантов, имеющих опыт работы и образование. Государственная служба занятости совместно с профсоюзами и организациями работодателей определила около сорока дефицитных профессий, востребованных на шведском рынке труда (врачи, юристы, учителя, электрики и др.). Программа «Быстрые треки» сочетает языковую подготовку, подтверждение полученного ранее

³⁴⁵ Prop. 2016/17:175. Ett nytt regelverk för nyanlända invandrades etablering i arbets- och samhällslivet // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/4965e5/contentassets/4ecccf8c5d74e0c8b5110289265d866/ett-nytt-regelverk-for-nyanlanda-invandrades-etablering-i-arbets--och-samhallslivet-prop.-201617175> (дата обращения: 10.02.2024).

³⁴⁶ Gebhardt D. When the State Takes Over: Civic Integration Programmes and the Role of Cities in Immigrant Integration // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2015. – Vol. 42. – Issue 5. – P. 746.

³⁴⁷ ECRI Report on Sweden (Fifth Monitoring Cycle) // European Commission against Racism and Intolerance. 27.02.2018. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/fifth-report-on-sweden/16808b5c58> (дата обращения: 28.01.2024).

образования и стажировку³⁴⁸. Реализация программы прошла успешно: в среднем 45% иммигрантов в течение 13–15 месяцев после окончания программы получили работу, не требующую наличия дополнительных сертификатов или сдачи экзаменов (как, например, для врачей или учителей)³⁴⁹.

В настоящее время программа «Быстрые треки» приобрела новый формат: она именуется «Контрактной подготовкой кадров для выпускников вузов» (*Uppdragsutbildningar för akademiker*), а обучение проходит дистанционно. Претендовать на участие в программе могут исключительно иммигранты, имеющие высшее образование и владеющие шведским языком. Кроме того, перечень востребованных профессий был сокращен с сорока до пятнадцати. Таким образом, требования к получению диплома о повышении квалификации были ужесточены.

Анализ программ интеграции иммигрантов в Дании и Швеции свидетельствует об общих тенденциях. Так, в обеих странах акцент делается на дифференцированном подходе к программам интеграции и возложении ответственности за исполнение требований договора (в Дании) и индивидуального плана (в Швеции) на иммигранта. При этом ключевой задачей программ интеграции после 2015 года как в Дании, так и в Швеции стало обеспечение последующего трудоустройства иммигрантов.

3.2 Языковая политика: знание языка как фактор трудоустройства

Языковой аспект в процессе интеграции иммигрантов играет важную роль, поскольку знание языка не только способствует их скорейшей социокультурной адаптации³⁵⁰, но и необходимо для трудоустройства. Отсутствие языковых навыков явно снижает шансы найти работу и

³⁴⁸ Snabbspår // Arbetsförmedlingen. – Режим доступа: <https://arbetsformedlingen.se/other-languages/english-engelska/stod-och-ersattning/stod-a-o/snabbspår> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁴⁹ Arbetsmarknadsrapport 2017 // Arbetsförmedlingen. October 2017. – Режим доступа: <https://mb.cision.com/Public/1326/2363232/a48fdfeab21e23bb.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

³⁵⁰ Должикова А.В., Мосейкина М.Н. Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 392.

использовать опыт и знания, полученные иммигрантом в стране исхода. В этой связи ключевую роль играет языковая политика как комплекс мер, призванных поддерживать *status quo* тех или иных языков, распространять или ограничивать их влияние. При этом выступая в качестве регуляторного инструмента, языковая политика внутренне связана с проблемами возникновения и развития национальных государств, а также формирования идентичностей³⁵¹.

В контексте увеличения этнического разнообразия в Европе Дания и Швеция сталкиваются с необходимостью языковой интеграции иммигрантов, которая направлена, во-первых, на включение вновь прибывших в нацию³⁵², а во-вторых, на снижение градуса межнациональных противоречий.

Все совершеннолетние иностранные граждане, проживающие на территории Дании, должны быть направлены на языковые курсы в течение месяца после прибытия³⁵³. Продолжительность их прохождения – три года (см. Приложение. Таблица 4). Организация курсов возлагается на государственные и частные языковые школы, а финансирование осуществляется муниципалитетами³⁵⁴. Стоит отметить, что иммигранты, получающие социальные пособия, обязаны участвовать в языковых курсах, а неучастие влечет за собой финансовые санкции. Кроме того, сдача экзамена на владение языком является одним из условий для получения постоянного вида на жительство.

Курсы разделены на три уровня. Каждый уровень в свою очередь включает шесть модулей и завершается тестом. Уровень 1 направлен на обучающихся с низким уровнем образования, изучающих второй язык, а

³⁵¹ Марусенко М.А. Новый мировой языковой порядок. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 4 с.

³⁵² В данном случае нация трактуется в категориях гражданского национализма, ориентированного – в противовес этническому национализму – на включение в нацию различных этнических групп. См.: Хрох М. От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – Москва: Праксис, 2002. – С. 122.

³⁵³ Bekendtgørelse af lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationsloven) nr. 1062 af 20.08.2010 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2010/1062> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁵⁴ В настоящее время в Дании 98 муниципалитетов, в каждом из которых около 60 языковых школ предлагают языковые курсы для иммигрантов.

также «учащихся, не умеющих читать и писать на своем родном языке и не знающих латинский алфавит»³⁵⁵. Модули 1 и 2 предполагают освоение базовых разговорных навыков и понимание датского языка для того, чтобы иммигрант имел возможность общаться на рабочем месте и в быту. Кроме того, студенты должны научиться читать и писать простые тексты на датском языке. Одновременно обучающимся рассказывают о датском обществе, культуре и датских ценностях. Уровень 2 предназначен для иммигрантов, которые закончили начальную школу, в связи с чем медленно осваивают датский язык. К уровню 3 допускаются иммигранты со средним или высшим образованием, от которых ожидается более быстрое изучение языка.

Языковые курсы были бесплатными вплоть до 2018 года, когда правительство ввело плату за обучение (исключение касалось беженцев). Такой шаг привел к уменьшению числа иммигрантов, посещающих курсы, поскольку большинство не могло себе позволить платить 270 евро за каждый модуль. Ввиду того, что социальные пособия для иммигрантов в Дании является не настолько щедрыми, как в Швеции, оплата языковых курсов для них является серьезным финансовым бременем. Согласно статистике, в 2021 году 36% иммигрантов из стран Ближнего Востока и Африки жили в Дании в относительной бедности³⁵⁶. Подобное положение дел стимулировало правительство социал-демократов отметить плату за языковые курсы в 2020 году. Как следствие, число зачисленных на курсы иммигрантов с первого квартала 2020 года по второй квартал 2021 года возросло с 10 499 до 18 707 человек, т.е. на 78%³⁵⁷.

Основная проблема, связанная с языковой интеграцией иммигрантов, заключается в наличии этнических анклавов, сформировавшихся в первую

³⁵⁵ Bekendtgørelse af lov om danskuddannelse til voksne udlændinge m.fl. nr. 1010 af 16.08.2010 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2010/1010> (дата обращения: 30.01.2024).

³⁵⁶ Indvandre i Danmark 2022 // Danmarks statistik. 01.12.2022. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/da/Statistik/nyheder-analyser-publ/Publikationer/VisPub?cid=44690> (дата обращения: 29.01.2024).

³⁵⁷ Flere udlændinge får danskundervisning efter afskaffet brugerbetaling // Udlændinge- og Integrationsministeriet. 15.12.2021. – Режим доступа: <https://www.uim.dk/nyhedsarkiv/2021/december/flere-udlaendinge-faar-danskundervisning-efter-afskaffet-brugerbetaling> (дата обращения: 01.02.2024).

очередь под влиянием социально-экономических различий. Для уменьшения социальной изоляции этнических групп в 2018 году правоцентристское правительство во главе с Л. Расмуссенем приняло т.к. «пакет гетто» (*Ghetto Package*), свидетельствующий о «гражданском повороте» в политике интеграции иммигрантов. Районы Дании, в которых высокая доля жителей неевропейского происхождения, высокие показатели преступности, низкий уровень образования, слабая интеграция жителей на рынке труда и низкий уровень дохода, могут быть объявлены районами «гетто»³⁵⁸. «Пакет гетто» ставит своей задачей создание «единой Дании без параллельных обществ»³⁵⁹. В том числе данный пакет предусматривает проведение специальных языковых тестов в школах, где более 30% обучающихся проживают в районах «гетто». В случае необходимости предоставления языковой помощи дети иммигрантов обязаны 25 часов в неделю изучать датский язык и датские ценности. Эту меру следует рассматривать как продолжение проводящейся с 2010 года муниципалитетами оценки владения языком всеми детьми в возрасте от 3 лет для определения уровня языковой подготовки. Данная политика была охарактеризована экспертами ООН по правам человека как «несовместимая с расовым равенством при осуществлении культурных прав»³⁶⁰. В 2021 году Дания согласилась заменить термин «гетто» в правительственных документах термином «параллельное общество», но при этом содержание этой политики не претерпело изменений.

Основной программой по языковой интеграции иммигрантов в Швеции является «Шведский для иммигрантов» (*Svenska för invandrare*, далее – *SFI*). Реализация данной программы возлагается на муниципалитеты, которые в свою очередь зависят от государственного финансирования. Право на

³⁵⁸ Ét Danmark uden parallelsamfund – Ingen ghettoer I 2030 // Regeringen. 2018. – Режим доступа: https://www.regeringen.dk/media/4937/publikation_%C3%A9t-danmark-uden-parallelsamfund.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

³⁵⁹ Ibid.

³⁶⁰ Press release. UN human rights experts urge Denmark to halt contentious sale of “ghetto” buildings // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 23.10.2020. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/10/un-human-rights-experts-urge-denmark-halt-contentious-sale-ghetto-buildings> (дата обращения: 29.01.2024).

участие в программе имеют иммигранты старше 16 лет. Языковые курсы для иммигрантов бесплатны и проводятся по месту их регистрации. При этом лицу предоставляется возможность выбрать между дневными и вечерними курсами: дневные курсы длятся от 15 до 20 часов в неделю, а вечерние – около 6 часов в неделю. В рамках программы *SFI* создаются специализированные классы *SFX*, где языковая подготовка иммигрантов связана с их работой. Статистические данные показывают, что в период с 2010 по 2017 годы более 50% участников программы получили работу сразу после окончания курсов³⁶¹.

Курсы *SFI* предполагают четыре уровня обучения: А, В, С, D. Иммигранты распределяются по уровням в зависимости от имеющихся у них знаний и уровня владения языком. Например, высокообразованные иммигранты могут начинать с освоения уровня С, в то время как обучающиеся, окончившие в стране исхода только младшую или среднюю школу, попадают на уровень А³⁶² (см. Приложение. Таблица 4).

Несмотря на то, что в Швеции, в отличие от Дании, отсутствуют курсы по изучению истории и культуры страны как самостоятельные единицы, в рамках *SFI* иммигранты знакомятся со шведской культурой и обществом. Используя терминологию Ф. Хекманна, упор делается на структурную и интерактивную интеграцию³⁶³. Причем если ранее на изучение истории и культуры выделялось 60 часов, то с 2020 года количество часов возросло до 100³⁶⁴. Вместе с тем аспекты самоидентификации по-прежнему остаются чувствительной темой в Швеции, в связи с чем они не были включены в *SFI*, невзирая на «гражданский поворот» в языковой политике.

³⁶¹ Policies and Measures for Speeding up Labour Market Integration of Refugees in the Nordic Region: A Knowledge Overview. Nordregio Working Paper 2017:8 // Nordens välfärdscenter. 2017. – Режим доступа: <https://nordicwelfare.org/wp-content/uploads/2018/03/FULLTEXT022.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

³⁶² Butenko V., Chekmazov A. Sweden's Immigrant Integration Policy: The Role of Language // *Przegląd Europejski*. – 2020. – Issue 4. – P. 135.

³⁶³ Heckmann F. National Modes of Immigrant Integration // *Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities* / Ed. by W. Bosswick, C. Husband. – Bilbao: University of Deusto, 2005. – P. 100.

³⁶⁴ Milani T., Bauer S., Carlson M., Spehar A., von Brömssen K. Citizenship as Status, Habitus and Acts: Language Requirements and Civic Orientation in Sweden // *Citizenship Studies*. – 2021. – Vol. 25. – Issue 6. – P. 760.

Как было отмечено в параграфе 1.3, «гражданский поворот» предполагает возложение бремени ответственности на индивидуума. Действительно, после миграционного кризиса курсы *SFI* стали более индивидуализированными. Идея заключается в том, чтобы адаптировать языковое образование под потребности каждого участника. Это в свою очередь может иметь как позитивные, так и негативные последствия для интеграции. Преимущество заключается в том, что участники обычно учатся утром либо днем и столько, сколько они хотят, при условии, что они добиваются достаточного прогресса в обучении. Кроме того, обучающимся также предоставляется возможность использовать онлайн-материалы³⁶⁵, что положительно влияет на их навыки работы с компьютером.

Если ранее курсы *SFI* не были ограничены по времени прохождения, то в марте 2024 года правительство Швеции приняло решение установить максимальный срок прохождения курсов в три года. В случае если иммигрант по истечении трехлетнего периода не сдаст экзамен на знание шведского языка, то он будет вынужден оплатить повторное прохождение курсов за счет собственных средств³⁶⁶.

Рассматривая тему обучения языку, возникает вопрос о языковой практике иммигрантов. Шведским агентством экономического и регионального развития (*Tillväxtverket*) были запущены пилотные проекты «Svets och Svenska», «Grön i Sala», «Ny resurs i Emmaboda»³⁶⁷, направленные на получение языковых навыков во время работы.

Шведское законодательство предусматривает право детей в возрасте от 6 до 16 лет на школьное образование, в том числе детей иммигрантов. В связи с увеличившимися миграционными потоками в 2015 году

³⁶⁵ Öbrink Hobzová M. Development and Current Challenges of Language Courses for Immigrants in Sweden // Journal of Adult and Continuing Education. – 2021. – Vol. 27. – Issue 1. – P. 91–92.

³⁶⁶ Nya kravet: Max tre år för att lära sig svenska // Aftonbladet. 02.03.2024. – Режим доступа: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8JrGoE/nya-kravet-max-tre-ar-for-att-lara-sig-svenska> (дата обращения: 10.03.2024).

³⁶⁷ Snabbare integration genom företagande och sysselsättning – en studie av Tillväxtverkets satsning på förstudier och pilotprojekt för snabbare integration // Tillväxtverket. 2017. – Режим доступа: <https://tillvaxtverket.se/download/18.786a6e315c5f11f69357cd5/1496854253715/Snabbare%20integration%20genom%20f%C3%B6retagande%20och%20syssels%C3%A4ttning%20.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

правительство Швеции было вынуждено направить свои усилия на скорейшую интеграцию детей беженцев. Если до 2015 года дети беженцев знакомились со шведской культурой, языком на подготовительных занятиях, то в настоящее время они практически сразу по прибытии начинают посещать совместные с местными жителями занятия³⁶⁸. Несмотря на имеющееся право детей беженцев посещать занятия, проводящиеся на родном языке, классы для проведения таких уроков создаются при наличии пяти и более носителей одного и того же языка³⁶⁹.

В Швеции недавно прибывшим детям иммигрантов, продолжающим или начинающим обучение в учебных заведениях, шведский может преподаваться как второй язык. Обучающихся, которым необходимо пройти такой курс, определяет директор школы. Одним из принципов при изучении шведского как второго языка является мультилингвальная помощь в классе (*Studiehandledning*), заключающаяся не только в освоении нового языка, но и развитии родного. Более того, учебные часы могут быть изменены: перенесены с одной учебной дисциплины на изучение шведского как второго языка в течение первого года обучения в Швеции³⁷⁰.

Помимо национального уровня, Данией и Швецией в рамках Совета министров северных стран ставится цель укрепления региональной идентичности и языковой гомогенности, а одной из приоритетных групп обозначены иммигранты. Реализация указанной цели должна способствовать «поддержанию социального доверия, сплоченности скандинавского региона ... и [укреплению] его общих ценностей»³⁷¹.

³⁶⁸ Avery H. At the Bridging Point: Tutoring Newly Arrived Students in Sweden // International Journal of Inclusive Education. – 2017. – Vol. 21. – Issue 4. – P. 406.

³⁶⁹ Country Report: Sweden // Asylum Information Database. 2018. – Режим доступа: https://www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_se_2018update.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

³⁷⁰ Dávila L.T., Bunar N. Translanguaging through an Advocacy Lens: The Roles of Multilingual Classroom Assistants in Sweden // European Journal of Applied Linguistics. – 2020. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 107–126.

³⁷¹ The Nordic Region – Towards Being the Most Sustainable and Integrated Region in the World: Action Plan for 2021 to 2024 // Norden. 2020. – Режим доступа: <https://pub.norden.org/politiknord2020-728> (дата обращения: 10.03.2024).

На основании вышеизложенного можно заключить, что языковая интеграция иммигрантов выступает одним из ключевых вопросов в Дании и Швеции, что сопряжено в первую очередь с необходимостью дальнейшего трудоустройства. Языковые политики в обеих странах направлены на изучение датского и шведского языков как взрослыми иммигрантами, так и детьми. Связывая овладение языком с доступом к статусу постоянно проживающего или гражданина, а также доступом к рынку труда и социальному обеспечению, государства получают возможность исключать тех, кто не отвечает заданным критериям, снижая таким образом социальные издержки от увеличившегося притока иммигрантов и возможности политической конфликтности.

3.3 Политика воссоединения семей: усиление ограничительных мер

Семейная миграция в скандинавских странах стала одним из центральных элементов в дебатах о том, как интегрировать прибывающих иммигрантов в общество. Однако не только академический интерес к семейной миграции способствовал росту числа исследований. Важным триггером послужила политика Европейского Союза. Саммит в Тампере заложил основы для европеизации миграционной политики и политики интеграции иммигрантов, в связи с чем в 2003 году была принята Директива ЕС о воссоединении семьи³⁷². В Директиве изложены минимальные права, которыми наделяются граждане третьих стран при воссоединении с членом семьи, проживающим в государстве-члене ЕС. Вместе с тем следует отметить, что Дания, в отличие от Швеции, не присоединилась к данной директиве.

Категория «семейная миграция» состоит из двух подкатегорий – «воссоединение семьи» и «создание семьи». Под воссоединением семьи

³⁷² Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the Right to Family Reunification // Official Journal of the European Union. 03.10.2003. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:en:PDF> (дата обращения: 10.02.2024).

понимается процесс, посредством которого иммигрант, находящийся в принимающей стране, воссоединяется с членами семьи, проживающими за рубежом. Создание семьи имеет место, когда гражданин выбирает в качестве партнера иммигранта³⁷³. В контексте данной диссертации интерес представляет лишь воссоединение семей.

Политика воссоединения семей в Дании начала активно развиваться в середине 1980-х годов – с принятием Закона об иностранцах, предоставившего право на воссоединение семьи с супругами, детьми и родителями старше 60 лет³⁷⁴. В тот момент такие меры были одними из самых разрешительных в Европе. Как правило, правоцентристские правительства вводили ограничительные меры, а левоцентристские отказывались лишь от самых строгих правил. Вплоть до 2000 года иммиграция в Данию на основании воссоединения семьи была доступна всем желающим, пока социал-демократическое правительство не ввело ряд требований, согласно которым соискатели должны были доказать наличие «прочных связей» с Данией и наличие «подходящего» жилья (20 м² на человека).

Увеличение числа браков по расчету привело к введению дополнительных мер. В частности, с 2004 года заявители в возрасте от 8 до 18 лет обязаны выполнить требования по интеграции (*integrationsskrav*), которые включают, среди прочего, уровень привязанности (*attachment*) к Дании³⁷⁵ (см. Приложение. Таблица 5). В то же время было введено т.н. «правило 24 лет» (*24-års-reglen*), требующее, чтобы оба партнера были не моложе 24 лет для получения разрешения на въезд супруга/супруги. Кроме

³⁷³ Kofman E. Family-Related Migration: A Critical Review of European Studies // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2004. – Vol. 30. – Issue 2. – P. 243–262.

³⁷⁴ Lov (udlændingeloven) nr. 226 af 08.06.1983 // Danmarkshistorien. – Режим доступа: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/udlaendingeloven-af-8-juni-1983#:~:text=Udl%C3%A6ndinge%2C%20der%20efter%20regler%20fastsat,eller%20et%20andet%20nordisk%20land> (дата обращения: 04.02.2024).

³⁷⁵ Ændret krav om mulighed for vellykket integration i sager om familiesammenføring til børn // Ny i Danmark. 03.06.2016. – Режим доступа: https://www.nyidanmark.dk/da/News%20Front%20Page/2017/12/Aendret_kvav_mulighed_velykket_integrations_sager_famsam_boern (дата обращения: 04.02.2024).

того, от супруга(супруги)-резидента требовалось доказать, что он/она может обеспечить прибывающую супругу/супруга средствами к существованию, имея при этом на счете в банке минимум 50 000 датских крон. Следует отметить, что данные требования касались всех категорий иммигрантов, кроме беженцев, которые были защищены международным правом.

Находящееся у власти либерально-консервативное правительство ввело «балльную систему», согласно которой оценивались возможности для воссоединения семьи. Среди критериев выделялись уровень образования, опыт работы и владение языками (в расчет принимались скандинавские языки, английский, французский, немецкий и испанский). Супруги моложе 24 лет могли принять участие, если они набирали очень высокие баллы по данной шкале³⁷⁶. Более того, требования предъявлялись к супругу-резиденту: он должен был сдать промежуточный экзамен по датскому языку (уровень B1/B2), работать и при этом не получать государственную помощь в течение предыдущих трех лет. А запрашиваемая сумма на счете в банке возросла до 100 000 датских крон³⁷⁷.

В 2004 году законодатели ввели новые правила, ограничивающие въезд детей до 15 лет. Данный шаг оправдывался необходимостью обеспечения более длительной переподготовки и недопущением формирования этнических анклавов. Однако предполагались исключения: в частности, разрешался въезд детей-подростков в тех случаях, когда требовалась рабочая сила в определенных секторах, таких как инженерное дело, естественные науки и медицина³⁷⁸. Еще одно изменение, принятое в 2004 году, поставило возможность воссоединения с детьми в зависимость от наличия у них

³⁷⁶ Nye tider, nye krav // Ny i Danmark. 07.11.2010. – Режим доступа: https://www.nyidanmark.dk/NR/rdonlyres/DD9BA445-E4AA-431E-ADF6-10147E46CF0B/0/nye_tider_nye_krav.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

³⁷⁷ *Bech E.C., Mouritsen P.* Restricting the Right to Family Migration in Denmark: When Human Rights Collide with a Welfare State under Pressure // *Europe's Immigration Challenge: Re-thinking Immigration After the Downturn* / Ed. by E. Jurado, G. Brochmann. – London: Policy Network, 2013. – P. 159–184.

³⁷⁸ Notits om de foreslåede tilknytnings- og tarvbestemmelser ved familiesammenføring med børn // Ministeriet for flygtninge, indvandrere og integration. 12.05.2004. – Режим доступа: http://webarkiv.ft.dk/Samling/20031/udvtilag/UUI/L171_bilag50.htm (дата обращения: 05.02.2024).

«потенциала для успешной интеграции»³⁷⁹. Такой потенциал измерялся периодом проживания ребенка в Дании и стране исхода, знанием датского языка, а также привязанностью родителя-резидента к Дании.

Левоцентристское правительство, придя к власти в 2011 году, смягчило наиболее строгие правила. Во-первых, был снижен требуемый уровень владения языком для супругов-резидентов до уровня ниже среднего (A2/B1), была отменена плата за подачу заявления, запрашиваемая сумма на счете в банке вновь снизилась до 50 000 датских крон. При этом «правило 24 лет» осталось неизменным, как и требования к финансовой самостоятельности³⁸⁰, трудовому стажу и жилью. В целом левоцентристское правительство сохранило большинство ограничений предыдущего правительства на уровне 2009 года.

Шведская политика воссоединения семей до 2015 года оставалась одной из самых разрешительных в Европе. До начала миграционного кризиса ограничительные меры вводились дважды – в 1997 году и 2010 году, и они были довольно незначительными как по объему, так и по содержанию. В 1997 году социал-демократическое правительство ввело ограничения для родственников, не входящих в нуклеарную семью³⁸¹. Благодаря данной мере удалось сократить объем государственных расходов, которые ранее затрачивались на воссоединение с бабушками и дедушками старше 60 лет, а также совершеннолетними детьми³⁸². В 2010 году правоцентристское правительство ввело требование, предусматривающее воссоединение членов нуклеарной семьи в том случае, если приглашающее лицо способно самостоятельно себя обеспечивать и имеет подходящее для проживания всей семьи жилье. Данная реформа не была призвана гарантировать, что

³⁷⁹ Lov som vedtaget om ændring af udlændingeloven og integrationsloven nr. 171 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/ft/200313L00171> (дата обращения: 05.02.2024).

³⁸⁰ Под финансовой самостоятельностью в данной работе понимается способность лица финансово обеспечить не только себя, но и членов своей семьи.

³⁸¹ Нуклеарная семья – семья, состоящая из родителей (родителя) и детей либо только из супругов; на первый план выдвигаются при этом отношения между супругами (представителями одного поколения), а не отношения между представителями разных поколений (родителями и детьми).

³⁸² *Bech E.C., Borevi K., Mouritsen P.* A 'Civic Turn' in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 7. – P. 14.

приглашающее лицо возьмет на себя финансовую ответственность за членов своей семьи. В целом такое требование было более «мягкой» версией Директивы ЕС о воссоединении семьи 2003 года³⁸³. Более того, из всех дел, рассматриваемых Миграционным агентством, под данную категорию попадало менее 1%.

В качестве реакции на миграционный кризис 2015–2016 годов в обеих странах наметился «поворот» в сторону ограничительной политики. В Дании ключевыми инициаторами введения ограничения для воссоединения семей выступали Либеральная партия и Датская народная партия. Так, в 2015 году были введены требования о сдаче экзамена на владение датским языком на уровне В1/В2, об увеличении срока проживания для супруга-резидента на территории страны (11 лет для возможности воссоединения семьи, хотя выполнение дополнительных требований позволяло воссоединиться через 6 лет), о возобновлении уплаты регистрационного сбора за подачу заявления в размере 6000 датских крон, об увеличении суммы на счете в банке³⁸⁴. В январе 2016 года законом были ужесточены правила воссоединения семей для беженцев и лиц, ищущих убежища. Основная критика, исходящая от правозащитных организаций, касается т.н. «закона о драгоценностях», предусматривающего возможность конфискации ценностей лиц, ищущих убежища, сверх определенной стоимости. Тем не менее наиболее ограничительные положения указанного закона требуют оплаты супругом-резидентом стоимости проезда для членов семьи, который ранее оплачивался государством, а также невозможности лиц со статусом временной защиты подать заявление на воссоединение раньше, чем через три года с момента приезда в страну³⁸⁵. Такие меры были продиктованы, по мнению тогдашнего

³⁸³ Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the Right to Family Reunification // Official Journal of the European Union. 03.10.2003. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:en:PDF> (дата обращения: 10.02.2024).

³⁸⁴ Et stærkere Danmark: styr på flygtningestrømmen // Regeringen. August 2016. – Режим доступа: https://www.regeringen.dk/media/2204/et-staerkere-danmark-styr-paa-flygtningestroemmen_weba.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

³⁸⁵ Høring over Lovforslag nr. L87 af 10.12.2015 om ændring af udlændingeloven (udskydelse af retten til familiesammenføring for personer med midlertidig beskyttelsesstatus, skærpelse af reglerne om tidsbegrænset

премьер-министра Дании Л. Расмуссена, «необходимостью защиты Дании» и ее режима благосостояния³⁸⁶. Кроме того, увеличение количества документов (например, устанавливающих родство), наряду с ограничительными требованиями, привело к увеличению среднего времени рассмотрения заявлений о воссоединении семей со 147 до 437 дней³⁸⁷.

В Швеции с 2016 года лицам, ищущим убежища, стали выдавать временные виды на жительство вместо постоянных. Таким образом, новые правила соответствуют минимальным требованиям, установленным ЕС. Следовательно, право на воссоединение имеют лишь «конвенционные» беженцы (при условии, что заявление было подано в течение трех месяцев после принятия решения о предоставлении убежища), в то время как лица с альтернативным статусом такого права были лишены³⁸⁸. Более того, для воссоединения семьи необходимо, чтобы приглашающее лицо могло не только самостоятельно обеспечивать себя, но и материально поддерживать прибывшего члена семьи³⁸⁹. В Швеции, как и в Дании, взимается регистрационный сбор в размере 2000 шведских крон за заявление супруга, 1000 шведских крон за заявление ребенка (см. Приложение. Таблица 6).

Изначально предполагалось, что ограничительные меры, введенные шведским правительством, будут действовать в течение трех лет. Кроме того, Европейская комиссия по борьбе с расизмом и нетолерантностью рекомендовала Швеции отказаться от временных мер, ограничивающих воссоединение семей, указывая на то, что воссоединение семей играет

opholdstilladelse, skærpelse af reglerne om inddragelse af flygtninges opholdstilladelse m.v. // Folketinget. 2016. – Режим доступа: <https://www.ft.dk/samling/20151/lovforslag/187/index.htm> (дата обращения: 06.02.2024).

³⁸⁶ Erna Solberg: – Jeg mener vi kan mestre å ta imot og bosette 30.000 flyktninger i året // Verdens Gang. 06.04.2016. – Режим доступа: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/orgpB/erna-solberg-jeg-mener-vi-kan-mestreaa-ta-imot-og-bosette-30-000-flyktninger-i-aaret> (дата обращения: 06.02.2024).

³⁸⁷ Markant ophobning af sager: »Støjberg burde have reageret for længe siden« // Berlingske. 23.03.2017. – Режим доступа: <https://www.b.dk/nationalt/markant-ophobning-af-sager-stojberg-burde-have-reageret-forlaenge-siden> (дата обращения: 07.02.2024).

³⁸⁸ Prop. 2015/16:174. Tillfälliga begränsningar av möjligheten att få uppehållstillstånd i Sverige // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/contentassets/075968fdd8c94788977dba14bae16444/forslag-om-att-tillfalligt-begransa-mojligheten-att-fa-uppehållstillstand-i-sverige-prop.-201516174> (дата обращения: 02.02.2024).

³⁸⁹ Ibid.

ключевую роль для успешной интеграции³⁹⁰. Но в июне 2019 года шведский парламент проголосовал за их продление до июля 2021 года³⁹¹. Однако в настоящее время и «конвенционные» беженцы, и лица, пользующие дополнительной защитой, могут рассчитывать на воссоединение семьи. При этом следует учитывать, что лица с временным видом на жительство имеют право на воссоединение только в случае, если приведут веские для этого доводы³⁹².

Согласно статистике, из поданных в Швеции в 2022 году 39 286 заявлений о воссоединении семей, 34 589 были одобрены Миграционным агентством³⁹³. Данный показатель намного выше, чем Дании. Кроме того, срок ожидания принятия решения меньше, чем в соседнем государстве, и составляет 382 дня для заявки, поданной впервые, и 208 дней – для повторной³⁹⁴.

Заключая, следует отметить, что политики воссоединения семей в Дании и Швеции претерпевают существенные изменения, представляя собой механизм ограничения притока иммигрантов. Если в Дании тенденция к введению дополнительных рестрикций сохраняется, то в Швеции разрешительные меры после 2016 года были заменены более ограничительными. Внедрение ограничений на воссоединение семей коррелирует с общеевропейской логикой, детерминированной европеизацией политик интеграции иммигрантов: при выполнении иммигрантами определенных условий возможно получение доступа к правам (например, на воссоединение семьи). При этом важно подчеркнуть, что смена правоцентристских и левоцентристских правительств в Дании и Швеции не

³⁹⁰ ECRI Report on Sweden (Fifth Monitoring Cycle) // European Commission against Racism and Intolerance. 27.02.2018. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/fifth-report-on-sweden/16808b5c58> (дата обращения: 28.01.2024).

³⁹¹ Sweden's Migration and Asylum Policy. Fact Sheet // The Government of Sweden. June 2019. – Режим доступа: <https://www.government.se/4adac4/contentassets/183ca2f36f1c49f3b7d1b5724a5753ce/swedens-migration-and-asylum-policy--fact-sheet-2019.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

³⁹² SFS 2005:716. Utlänningslag/ / Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://rkrattsbaser.gov.se/sfst?bet=2005:716> (дата обращения: 22.01.2024).

³⁹³ Granted residence permits overviews // Migrationsverket. 2023. – Режим доступа: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Granted-permits-overviews.html> (дата обращения: 27.01.2024).

³⁹⁴ Ibid.

влияет на отмеченную тенденцию; наоборот, наблюдается партийный консенсус относительно «гражданского поворота» в политиках воссоединения семей и их конвергенция.

3.4 Школьная политика: укрепление ценностно-идеологических оснований

На протяжении всего XX века в Дании и Швеции развивалась так называемая «школа для всех» (*En skola för alla*). Цель состояла в том, чтобы обеспечить 9–10-летнее обязательное образование на одном и том же академическом уровне для всех и предоставить обучающимся возможность обучаться в старших классах средней школы в зависимости от их способностей.

В скандинавских странах с момента их модернизации в конце XIX века образование как политический инструмент использовалось для достижения справедливости и социальной сплоченности. Вместе с тем, как отмечает П. Кеттунен, система образования, ориентированная на равенство, в государствах всеобщего благоденствия обусловлена внутренним конфликтом между идеологией всеобщих прав и национальными границами благосостояния³⁹⁵. Если перевести данную тему в политологическую плоскость, то возникает вопрос, в какой степени система образования, нацеленная на равенство, может обеспечить предоставление специальных мер для иммигрантов. Соответственно, политическая дискуссия об образовании в некотором смысле отражает или, скорее, является трансформированной версией «прогрессивной дилеммы», предусматривающей, что, с одной стороны, можно иметь относительно открытые границы и скромное государство всеобщего благоденствия, как это было во время притока мигрантов в США в XIX веке, или можно иметь относительно закрытые границы и щедрое государство всеобщего

³⁹⁵ Kettunen P. Welfare Nationalism and Competitive Community // Welfare Citizenship and Welfare Nationalism / Ed. by A.M. Suszycki. – Helsinki: University of Helsinki, 2011. – P. 79–117.

благоденствия, что имело место в странах Северной Европы в XIX и XX веках³⁹⁶. Однако в данном случае дилемма принимает специфичный вид: она состоит в том, насколько большое значение может играть система образования, не теряя при этом своей ключевой идеологической функции, заключающейся в стремлении к достижению справедливости.

В 1960-х и 1970-х годах Дания и Швеция расширили свои социальные программы, почва для которых была заложена в конце XIX века. Считалось, что многие из проблем государства всеобщего благоденствия можно решить с помощью образования, в том числе в отношении увеличивающейся доли иммигрантов³⁹⁷. Когда Дания и Швеция привлекали трудовых иммигрантов с помощью так называемых «программ гастарбайтеров», у политических акторов в целом складывалось впечатление, что трудовые иммигранты будут временными гостями³⁹⁸. Однако многие из них остались в Дании и Швеции, что требовало не только ответных мер, направленных на их интеграцию в общество, но и на интеграцию их детей, что нашло отражение в выработке школьной политики.

В начале 1960-х годов Дания начала приглашать выходцев из Южной Европы, Марокко, Пакистана и Турции для временной работы в стране. Однако, помимо совершеннолетних, дети также стали частью миграционной волны, в связи с чем органы местной власти вынуждены были обратиться в Министерство образования с запросом о необходимости определения статуса детей трудовых иммигрантов³⁹⁹. В 1970 году Министерство образования рекомендовало датским государственным школам принимать «детей-иностранцев» и давать им базовые уроки датского языка в небольших

³⁹⁶ Kalm S., Lindvall J. Immigration Policy and the Modern Welfare State, 1880–1920 // *Journal of European Social Policy*. – 2019. – Vol. 29. – Issue 4. – P. 463–477.

³⁹⁷ Bonjour S., Duyvendak J.W. The “Migrant with Poor Prospects”: Racialized Intersections of Class and Culture in Dutch Civic Integration Debates // *Ethnic and Racial Studies*. – 2018. – Vol. 41. – Issue 5. – P. 882–900.

³⁹⁸ Bonjour S., Schrover M. Public Debate and Policy-Making on Family Migration in the Netherlands, 1960–1995 // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 9. – P. 1475–1494.

³⁹⁹ Buchardt M. Kulturforklaring: Uddannelseshistorier om muslimskhed. – København: Tiderne Skifter, 2016. – 208 s.

группах, помимо основной образовательной программы⁴⁰⁰. В 1976 году, основываясь на практике муниципалитета Копенгагена, законодательно было закреплено требование о том, чтобы муниципалитеты по всей стране предлагали обучение на родном языке, если языковая группа включала более 12 детей⁴⁰¹. Во многом такая политика была обусловлена предположением, что дети трудовых иммигрантов вернуться в страны исхода.

В указе от 1984 года целью обучения на родном языке детей иммигрантов значилось получение обучающимися знаний о родном языке, культуре, истории и географии, а также указывалась важность изучения датского языка⁴⁰². Закон о школе от 1983 года закрепил за министром образования возможность решать, должны ли дети иммигрантов проходить уроки на своем родном языке⁴⁰³.

В 1990-е годы Министерство образования выступило против мультикультурных практик в школьном образовании, что не противоречило общественному мнению⁴⁰⁴. В связи с этим в 2002 году, когда государственное субсидирование обучения на родном языке детей иммигрантов из государств, не входящих в ЕС, стало отдаваться на усмотрение муниципалитетов, число обучающихся на родном языке значительно сократилось. Более того, с середины 2000-х годов обучение на родном языке стало рассматриваться как противоречащее логике интеграции иммигрантов⁴⁰⁵. К тому же в 2005 году в Закон о школах был внесен параграф, позволяющий муниципалитетам направлять обучающихся с «языковыми потребностями» в школы со специализированными классами.

⁴⁰⁰ Buchardt M. The “Culture” of Migrant Pupils: A Nation- and Welfare-state Historical Perspective on the European Refugee Crisis // *European Education*. – 2018. – Vol. 50. – Issue 1. – P. 58–73.

⁴⁰¹ Undervisning af fremmedsprogede elever i folkeskolen: En redegørelse. Direktoratet for folkeskolen, folkeoplysning, seminarier m.v. – København: Undervisningsministeriet, 1981.

⁴⁰² Bekendtgørelse om folkeskolens undervisning af fremmedsprogede elever nr. 583 af 20.11.1984 // Regeringen. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lt/1984/583> (дата обращения: 20.01.2024).

⁴⁰³ Lov om folkeskolen nr. 509 af 30.06.1993 // *Danmarks historien*. – Режим доступа: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/lov-om-folkeskolen-30-juni-1993> (дата обращения: 07.02.2024).

⁴⁰⁴ Hedetoft U. Denmark Versus Multiculturalism // *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices* / Ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. – London & New York: Routledge, 2010. – P. 111–129.

⁴⁰⁵ Kristjánsdóttir B.S. Evas skjulte børn: Diskurser om tosprogede elever i det danske nationalcurriculum. Institut for Pædagogisk Antropologi. – København: Danmarks Pædagogiske Universitet, 2006. – 443 s.

При этом необходимо учитывать, что такие школы необязательно расположены в районе проживания детей.

Обозначенный подход является основой датской школьной политики. И Консервативная народная партия, и Либеральная партия апеллируют к тому, что, во-первых, отсутствуют какие-либо научные доказательства, подтверждающие инструментальную ценность обучения на родном языке для последующего изучения датского языка, и, во-вторых, вопросы культурного разнообразия и культурной идентичности обучающегося относятся к сфере частной жизни, а не школы. Следовательно, преподавание на другом языке, кроме датского, противоречит ценностной основе датской школы (см. Приложение. Таблица 7)⁴⁰⁶.

Швеция, следуя примеру Дании, также откорректировала в 1990-е годы свою школьную политику. Так, в 1975 году Швеция разработала всеобъемлющую «политику в отношении иммигрантов и меньшинств»⁴⁰⁷, направленную на поддержание этнической идентичности иммигрантов. Иммигрантам и их детям должна была быть предоставлена «реальная возможность сохранить свой собственный язык, заниматься культурной деятельностью и поддерживать связь со страной исхода»⁴⁰⁸. Однако модель мультикультурного разнообразия в конце 1990-х годов была заменена новой – универсалистской – моделью интеграционной политики⁴⁰⁹, основной целью которой является достижение равенства прав, обязанностей и возможностей независимо от этнического происхождения. Государство гарантирует всеобщий доступ к бесплатному образованию, а также обязывают школы следить за тем, чтобы все обучающиеся получали достаточную поддержку

⁴⁰⁶ Jacobsen G.H., Piekut A. 'Integrating' Immigrant Children? School Professionals' Reflections on the Boundaries between Educational Ideals and Society's Problematization of Immigrants // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. – 2022. – Vol. 22. – Issue 2. – P. 132–147.

⁴⁰⁷ Prop. 1975/76:26. Regeringens proposition om riktlinjer för invandrar- och minoritetspolitiken m.m. // *Sveriges Riksdag*. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/proposition/regeringens-proposition-om-riktlinjer-for_FY0326/html (дата обращения: 09.02.2024).

⁴⁰⁸ Ibid.

⁴⁰⁹ Prop. 1997/98:16. Sverige, framtiden och mangfalden – från invandrapolitik till integrationspolitik // *Regeringskansliet*. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/contentassets/6cf1db3cc2254ab8a3e70038272f09e4/sverige-framtiden-och-mangfalden--fran-invandrapolitik-till-integrationspolitik> (дата обращения: 09.02.2024).

для достижения поставленных учебных целей. Более того, с 2013 года даже не зарегистрированные по какой-то причине дети получили возможность также официально обучаться в школе, а ответственность за это несут муниципалитеты. При этом принятие детей иммигрантов в тот или иной класс зависит от результатов оценивания уровня владения ими шведским языком⁴¹⁰. Такая оценка осуществляется в соответствии с критериями, определенными Шведским национальным агентством образования (см. Приложение. Таблица 7).

Усиление миграционных потоков в 2015–2016 годах стало вызовом для датской и шведской систем образования. В Дании в 2015 году несовершеннолетние иммигранты составили порядка 4 тысяч⁴¹¹. В то время как в Швецию только в 2015 году прибыло около 71 тыс. несовершеннолетних иммигрантов, из которых 40 тысяч – в возрасте от 16 до 18 лет, и почти 31 тысяча – дети в возрасте до 12 лет⁴¹². Кроме того, доля школьников, прибывших из стран с низким уровнем жизни (Афганистан, Ирак, Сомали и др.), выросла с 9% в 2008 г. до 22% в 2015 г.⁴¹³

Резкий рост числа несовершеннолетних иммигрантов поставил вопрос о необходимости как можно более быстрой интеграции в системы образования и способствовал пересмотру учебных программ для начальной и средней школы. В Дании, к примеру, по каждой учебной дисциплине обозначены компетенции по языковым навыкам. При этом в случае если компетенции ребенка недостаточны, его направляют на дополнительное обучение датскому как второму языку. Обучающиеся 1–9 классов обязаны сдать тест на владение датским языком, на прохождение которого дается

⁴¹⁰ Helakorpi J., Dovemark M., Rasmussen A., Holm G. Positions of Newly Arrived Students in Nordic Education Policies and Practices // *Nordic Studies in Education*. – 2023. – Vol. 43. – Issue 2. – P. 120.

⁴¹¹ Hvor mange kommer, og hvorfra? // *Refugees.dk*. 08.11.2023. – Режим доступа: <https://refugees.dk/fakta/tal-og-statistik/hvor-mange-kommer-og-hvorfra> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴¹² Invandringens betydelse för skolresultaten: En analys av utvecklingen av behörighet till gymnasiet och resultaten i internationella kunskapsmätningar // *Skolverket*. 2016. – Режим доступа: <https://www.skolverket.se/download/18.6bfaca41169863e6a65becf/1553966593126/pdf3604.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

⁴¹³ Lundahl L., Lindblad M. Immigrant Student Achievement and Education Policy in Sweden // *Immigrant Student Achievement and Education Policy: Cross-Cultural Approaches* / Ed. by L. Volante, D. Klinger, O. Bilgili. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 69–85.

четыре попытки. Если обучающийся не сдает тест после четырех попыток, в течение следующего года ему необходимо будет продолжить изучение датского. В Швеции также львиная доля внимания уделяется языковым навыкам. Если до 2015 года дети школьного возраста направлялись в большинстве своем на подготовительные курсы для ознакомления со шведским языком и культурой, то в настоящее время по прибытии они попадают в классы с носителями языка⁴¹⁴. Кроме того, специальные классы с преподаванием на родном языке теперь открываются только при наличии пяти и более носителей языка.

В рамках школьного образования в странах Скандинавии особая роль отводится преподаванию религиозных дисциплин. И невзирая на дискурс о так называемых «постсекулярной эпохе», «постсекулярном обществе», «десекуляризации», в странах Северной Европы наблюдается уменьшение количества верующих и рост религиозно индифферентных⁴¹⁵. Вместе с тем следует скорее говорить о реполитизации религии и дискуссиях о теоретической и практической связи религии и насилия/террора⁴¹⁶, что приводит к секьюритизации религии. В свою очередь секьюритизация направлена на сохранение устоявшихся норм, выступающих основой социального и политического порядка. При этом отказ от соблюдения таких норм воспринимается как угроза порядку и безопасности. В связи с этим государство уделяет особое внимание изучению вопросов, которые связаны с

⁴¹⁴ Avery H. At the Bridging Point: Tutoring Newly Arrived Students in Sweden // *International Journal of Inclusive Education*. – 2017. – Vol. 21. – Issue 4. – P. 406.

⁴¹⁵ Special Eurobarometer 315: Social climate // European Commission. January 2010. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/807> (дата обращения: 10.02.2024); Eurobarometer 341: Biotechnology // European Commission. October 2010. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/755> (дата обращения: 10.02.2024); Special Eurobarometer 493: Discrimination in the European Union // European Commission. October 2019. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2251> (дата обращения: 10.02.2024); Special Eurobarometer 508: Values and identities of EU citizens // European Commission. November 2021. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2230> (дата обращения: 10.02.2024).

⁴¹⁶ Йенсен Т. Религиозное образование в государственных школах: важнейшие тенденции (преимущественно на примере Скандинавии) // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2017. – № 4 (35). – С. 48.

религией, в школах, выступающих в качестве инструментов по воспитанию и социализации иммигрантов⁴¹⁷.

В Дании на протяжении последних 50 лет обязательным к преподаванию в школе предметом является дисциплина «Христианские исследования» (*Kristendomskundskab*)⁴¹⁸. Евангелическо-лютеранская народная церковь Дании, имеющая статус государственной церкви, находится в центре учебной программы по данной дисциплине, что определено Законом об общеобразовательных школах. Министерство образования определяет цель изучения дисциплины следующим образом: «Обучающиеся должны усвоить знания библейских сюжетов и понимание важности христианства для ценностей в нашей культурной сфере»⁴¹⁹. В отличие от Дании, в Швеции обучение основам мировых религий направлено на улучшение понимания учащимися других культур и иного образа жизни. Тем не менее в настоящее время в Швеции усиливается государственный контроль за школами, особенно чартерными⁴²⁰ с конфессиональной ориентацией. Это вызвано серьезной обеспокоенностью по поводу того, что нормы, пропагандируемые в ряде конфессиональных школ, противоречат нормам и ценностям, закладываемым в государственных школах, что впоследствии может подорвать принцип социальной сплоченности⁴²¹. Обозначенные тенденции указывают на стремление воспитать «активных граждан», разделяющих, поддерживающих и продвигающих существующие в скандинавских обществах ценности⁴²².

Подводя итог, следует подчеркнуть, что образование является важным долгосрочным стратегическим приоритетом для государства. При этом

⁴¹⁷ Там же. С. 49.

⁴¹⁸ Два урока в неделю с первого по шестой классы и один урок в неделю до окончания школы.

⁴¹⁹ *Kristendomskundskab: Fælles Mål* // Undervisningsministeriet. 2019. – Режим доступа: https://emu.dk/sites/default/files/2020-09/GSK_F%C3%A5llesM%C3%A5l_Kristendomskundskab.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

⁴²⁰ Чартерная школа – это школа, совмещающая в себе элементы частной и государственной школ. Такая школа получает государственное финансирование, но работает независимо от установленной системы государственной школы.

⁴²¹ *Fernández C., Jensen K.K.* The Civic Integrationist Turn in Danish and Swedish School Policy // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 5. – P. 10.

⁴²² *Пронякина Е.Д.* «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран // *Международная аналитика*. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 69.

школы выступают в качестве мощных институциональных площадок гражданской интеграции, призванных воспитывать и социализировать иммигрантов. Основной задачей школ как в Дании, так и в Швеции является устранение языковых барьеров и обучение основам национальной культуры. Следовательно, школьная политика направлена на обеспечение социальной сплоченности, связанной с ценностными и идеологическими основаниями. Более того, именно школьное образование закладывает значимые для будущей профессиональной деятельности знания.

3.5 Политика натурализации: гражданство как «инструмент интеграции» и «механизм исключения»

Европейские государства довольно часто подчеркивают значение гражданства как способа интеграции множества культурно различающихся этнических групп. С середины 1940-х годов гражданство ассоциируется – по крайней мере дискурсивно – с гарантией равенства гражданских, политических и социальных прав внутри государства. Вместе с тем наблюдаются межгосударственные различия в том, какие возможности дает правовой статус гражданина, как распределяются блага и т.д. Более того, исследователи глобального неравенства рассматривают гражданство в качестве источника неравенства⁴²³.

Юридическая наука выделяет два принципа приобретения гражданства при рождении – «право крови» (*jus sanguinis*) и «право почвы» (*jus soli*). Предполагается, что лица, получившие гражданство по праву рождения, независимо от принципа, являются интегрированными; однако на практике это не всегда так⁴²⁴. Противоположным процессом выступает натурализация, предполагающая приобретение гражданства на основе добровольного

⁴²³ Milanovic B. *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 320 p.; Shachar A. *The Birthright Lottery: Citizenship and Global Inequality*. – Cambridge: Harvard University Press, 2009. – 290 p.

⁴²⁴ Harpaz Y. *Citizenship and Residence Rights as Vehicles of Global Inequality // Citizenship and Residence Sales Rethinking the Boundaries of Belonging* / Ed. by D.V. Kochenov, K. Surak. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – P. 284–308.

желания соискателя. В рамках данной диссертационной работы именно натурализация представляет интерес для автора.

В литературе преобладает позиция, что гражданство выполняет отличные от интеграции задачи, а цели интеграции часто достигаются независимо от приобретения гражданства⁴²⁵. Вместе с тем имеют место исследования, демонстрирующие взаимосвязь между гражданством и интеграцией⁴²⁶. Именно последние служат основой для изучения датской и шведской политик натурализации. Это связано с тем, что выдвигаемые моделью гражданской интеграции требования предполагают активную роль иммигрантов: т.е. они должны вкладывать не только время, но и личные ресурсы в приобретение навыков и знаний. Следовательно, требования в отношении языковых навыков, финансовой самостоятельности⁴²⁷ и знания истории и культуры принимающей страны обычно определяются как требования гражданской интеграции, поскольку предусматривают активное участие иммигрантов в жизни общества.

В Дании, в отличие от Швеции, сдача тестов на знание языка для получения гражданства была введена в начале 2000-х годов. До этого иммигранты проходили неформальное языковое тестирование, предполагающее собеседование с заявителем для оценки необходимых языковых навыков на бытовом уровне. Однако с тех пор требования к знанию языка для натурализации постоянно ужесточались⁴²⁸. Следует отметить, что уровень владения языком определяется Общеευропейскими компетенциями владения иностранным языком (*Common European*

⁴²⁵ *Alba R., Foner N.* Strangers No More: Immigration and the Challenges of Integration in North America and Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 336 p.; *Džankic J.* The Global Market for Investor Citizenship. – Berlin: Springer, 2019. – 225 p.; *Surak K.* Who Wants to Buy a Visa? Comparing the Uptake of Residence by Investment Programs in the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2020. – Vol. 30. – P. 151–169.

⁴²⁶ *Fouka V.* How Do Immigrants Respond to Discrimination? The Case of Germans in the US During World War I // *American Political Science Review*. – 2019. – Vol. 113. – Issue 2. – P. 405–422; *Goodman S.W., Wright M.* Does Mandatory Integration Matter? Effects of Civic Requirements on Immigrant Socioeconomic and Political Outcomes // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 12. – P. 1885–1908.

⁴²⁷ Под финансовой самостоятельностью в данной работе понимается способность лица финансово обеспечить не только себя, но и членов своей семьи.

⁴²⁸ *Jensen K.K., Mouritsen P., Bech E.C., Olsen T.V.* Roadblocks to Citizenship: Selection Effects of Restrictive Naturalisation Rules // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 1047–1065.

Framework of Reference for Languages), в структуре которых выделяют шесть уровней (A1, A2, B1, B2, C1, C2), где A1 – самый низкий, а C2 – самый высокий. Тестирование на знание языка включает такие разделы, как «Чтение», «Письмо» и «Говорение».

До европейского миграционного кризиса проживающие в Дании иммигранты должны были владеть языком на уровне B1, однако правоцентристское правительство в 2016 году повысило требование до уровня B2. При этом такие изменения становятся преградой для натурализации даже больше, чем требование финансовой самостоятельности⁴²⁹ (см. Приложение. Таблица 8).

Наряду с тестированием на знание датского языка, иммигранты, стремящиеся натурализоваться, сдают также тест на гражданство. Данный тест состоит из вопросов с множественными вариантами ответов и предусматривает оценивание знаний по истории, общественным институтам и национальной культуре.

Обязательным условием натурализации в Дании выступает финансовая самостоятельность, которая подтверждается полной трудовой занятостью в три с половиной года (30 часов в неделю или более) в течение последних четырех лет. Кроме того, заявитель не должен получать социальные пособия в течение последних двух лет и не более четырех месяцев в течение последних пяти лет. Данные требования были введены нынешним социал-демократическим правительством. Таким образом, наблюдается преобладание в политике интеграции иммигрантов, что свидетельствует о смене политической парадигмы, заключающейся в «гражданском повороте». Более того, социал-демократы ввели запрет на принятие в гражданство иммигрантов с судимостью: любой тюремный срок (реальный или условный) исключает возможность натурализации. С января 2019 года церемония натурализации сопровождается рукопожатием независимо от пола, что

⁴²⁹ Vink M., Tegunimataka A., Peters F., Bevelander P. Long-Term Heterogeneity in Immigrant Naturalization: The Conditional Relevance of Civic Integration and Dual Citizenship // *European Sociological Review*. – 2021. – Vol. 37. – Issue 5. – P. 754.

может являться неприемлемым для ряда иммигрантов из стран Ближнего Востока и Северной Африки⁴³⁰.

В шведской концепции государства всеобщего благоденствия доминирует нисходящая логика, в соответствии с которой расширение прав, в первую очередь социальных, считается необходимым условием для получения индивидом дополнительных возможностей и укрепления чувства национальной принадлежности⁴³¹. В связи с этим гражданство воспринимается в основном как средство расширения прав и само по себе в значительной степени лишено национального или этнического измерения.

В настоящее время главным требованием, предъявляемым к иммигрантам для получения гражданства Швеции, является проживание на территории страны в течение последних пяти лет (см. Приложение. Таблица 9). При этом данная опция доступна в случае, если иммигрант имеет постоянный вид на жительство, требования к которому значительно повысились⁴³². Кроме того, выезд за границу на период более шести недель суммарно в течение года вычитается из срока проживания в стране.

Несмотря на то что шведское законодательство не предъявляет требований к сдаче тестирования на знание языка, целесообразность его внедрения является предметом политических дискуссий. До миграционного кризиса имели место несколько попыток сделать обязательным условием натурализации сдачу теста на владение языком. Наиболее масштабные дебаты были в 1997 году, когда правительство Швеции назначило парламентский комитет для изучения данного вопроса⁴³³. Однако комитет пришел к заключению, что, хотя знание шведского языка необходимо,

⁴³⁰ Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е. Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 104.

⁴³¹ Borevi K. Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // Identities. – 2014. – Vol. 21. – Issue 6. – P. 708–723.

⁴³² Так, с 2021 года основаниями для выдачи постоянного вида на жительство являются проживание на территории Швеции в течение трех лет после получения временного вида на жительство и «хорошее» поведение (*vandel*). См.: Socialförsäkringsutskottets betänkande 2020/21:SfU28. Ändrade regler i utlänningslagen // Riksdagen. – Режим доступа: <https://data.riksdagen.se/fil/15C03423-0BAD-4EA9-A3E5-89AEB5DB28BF> (дата обращения: 18.02.2024).

⁴³³ Dir. 1998:50. Tilläggsdirektiv till 1997 års medborgarskapskommitté // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/kommittedirektiv/tillaggsdirektiv-till-1997-ars_GMB150 (дата обращения: 18.01.2024).

гражданство не должно зависеть от владения языком, поскольку совершеннолетние иммигранты имеют разную квалификацию для изучения второго языка⁴³⁴. После 2016 года роль шведского языка стала актуальным вопросом в политических дебатах, и некоторые партийные лидеры подчеркивают, что знание шведского языка является ключом к интеграции⁴³⁵. Кроме того, опросы общественного мнения демонстрируют одобрение идеи о необходимости прохождения тестирования по языку для получения гражданства⁴³⁶. Практическое воплощение данные идеи нашли в предложениях, разработанных Министерством юстиции и миграции. В частности, в сентябре 2023 года Шведскими демократами, Умеренной, Христианско-демократической и Либеральной партиями было предложено к 2025 году ввести тестирование на владение языком на уровне A2 как один из критериев для получения не только гражданства⁴³⁷, но и постоянного вида на жительство. Кроме того, правительство Швеции видит необходимость в сдаче тестов на знание шведской культуры и общества⁴³⁸.

В отличие от Дании, в Швеции судимость не является основанием для лишения иммигранта права на получение гражданства, однако существенно увеличивает период ожидания. Например, в случае вынесения приговора о лишении свободы на один год срок натурализации может составить семь лет вместо установленных законодательно пяти лет⁴³⁹. Вместе с тем к негативно

⁴³⁴ SOU 1999:34. Krav på kunskaper i svenska språket och i samhällskunskap // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/statens-offentliga-utredningar/sou-1999-34-d1_GNB334d1 (дата обращения: 19.01.2024).

⁴³⁵ Kristersson U., Axén Olin K. M: Språkreform behövs mot integrationskrisen // Svenska Dagbladet. 30.06.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/m-sprakreform-behovs-motintegrationskrisen> (дата обращения: 16.01.2024); Sabuni N. Sabuni: Nu tar vi viktiga steg mot ett språktest // Svenska Dagbladet. 27.10.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/a/1n8gBJ/sabuni-nu-tar-vi-viktiga-steg-mot-ett-spraktest> (дата обращения: 16.01.2024).

⁴³⁶ Bevelander P., Bivand Erdal M., Brochmann G., Cochran Bech M., Hagensen Midtboen A., Mouritsen P. Infödda och invandrare ense om krav för medborgarskap // Dagens Nyheter. 03.12.2019. – Режим доступа: <https://www.dn.se/debatt/infodda-och-invandrare-ense-om-krav-for-medborgarskap> (дата обращения: 17.01.2024).

⁴³⁷ SOU 2020:54. En långsiktigt hållbar migrationspolitik // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2020/09/sou-202054> (дата обращения: 21.01.2024).

⁴³⁸ More stringent requirements for Swedish citizenship // The Government of Sweden. 19.09.2023. – Режим доступа: <https://www.government.se/press-releases/2023/09/more-stringent-requirements-for-swedish-citizenship> (дата обращения: 05.02.2024).

⁴³⁹ Milani T., Bauer S., Carlson M., Spehar A., von Brömssen K. Citizenship as Status, Habitus and Acts: Language Requirements and Civic Orientation in Sweden // Citizenship Studies. – 2021. – Vol. 25. – Issue 6. – P. 763.

влияющим на получение гражданства случаям относятся неуплата налогов, штрафы и алименты.

Из вышеизложенного следует, что после миграционного кризиса требования к иммигрантам для получения гражданства Дании стали носить еще более ограничительный характер, затрагивая таким образом наиболее уязвимые группы иммигрантов, которые, как правило, получают наибольшую выгоду от приобретения гражданства⁴⁴⁰. При этом шведская политика натурализации не претерпела существенных изменений после миграционного кризиса. Однако невзирая на то, что гражданство Швеции по-прежнему рассматривается скорее как «инструмент интеграции», а не как «награда» или «механизм исключения», включение в дискурс идей об ограничении доступа к гражданству свидетельствует о зачатках «гражданского поворота» в шведской политике натурализации. Обозначенную тенденцию следует рассматривать как неолиберальную: если согласно либеральному пониманию гражданство – это право, то в обновленной (неолиберальной) трактовке гражданство – это привилегия, которую «необходимо заслужить»⁴⁴¹. Следовательно, для получения гражданства иммигранту требуется продемонстрировать способность вносить свой вклад в общество.

Таким образом, анализ политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции позволяет сделать вывод об их трансформации под влиянием европейского миграционного кризиса. Основной тенденцией в датской и шведской политиках интеграции является обусловленность легального статуса иммигранта степенью выполнения им различного рода интеграционных требований, связанных с изучением государственного языка, национальной культуры, финансовой самостоятельностью и пр. При этом требования, предъявляемые к иммигрантам, становятся все более

⁴⁴⁰ *Peters F., Vink M.P., Schmeets H.* Anticipating the Citizenship Premium: Before and After Effects of Immigrant Naturalization on Employment // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2018. – Vol. 44. – Issue 7. – P. 1051–1080.

⁴⁴¹ *Joppke C.* Neoliberal Nationalism and Immigration Policy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2024. – Vol. 50. – Issue 7. – P. 1664.

рестриктивными, что обусловлено неолиберальной логикой, акцентирующей внимание на экономической полезности и обоснованности затрат на включение иммигрантов в общество. Таким образом, наблюдаемые изменения в политиках интеграции иммигрантов, обусловленные неолиберальной идеологией благосостояния, отражают парадигмальное изменение, именуемое «гражданским поворотом»; а общие тенденции в Дании и Швеции свидетельствуют о конвергенции обозначенных политик.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, невзирая на критику государствоцентричного подхода в первую очередь со стороны социологов и экономистов, свидетельствует о ренационализации политики интеграции иммигрантов. Государство как рациональный актор исходит из собственных интересов, направленных на максимизацию выгод, и институционализирует взаимодействия различных социальных групп внутри конкретной территориальной единицы. Такое положение дел позволяет рассматривать политику интеграции иммигрантов как деятельность государства, направленную на включение иммигрантов в политическую, экономическую, социальную и культурную сферы жизни принимающего общества.

Критика ассимиляции за полное «растворение» в принимающем социуме, а мультикультурализма за формирование «параллельных обществ» способствовала появлению новой модели интеграции иммигрантов – гражданской интеграции. Переход от продемонстрировавших неэффективность ассимиляции и мультикультурализма к гражданской интеграции детерминирует «гражданский поворот» в политиках интеграции иммигрантов, представляющий собой смену политической парадигмы, предполагающей иной способ концептуализации политической проблемы и легитимизации политических подходов. Таким образом, «гражданский поворот» – это парадигмальное изменение в политике интеграции иммигрантов, направленное на социализацию иммигрантов и предоставление впоследствии им правового статуса гражданина или резидента посредством прохождения языковых курсов, курсов по истории и культуре, необходимых для натурализации. Основными особенностями «гражданского поворота» являются (1) смещение акцента с прав на обязанности, что обусловлено неолиберализацией и в свою очередь предусматривает повышенную ответственность иммигрантов за их собственную интеграцию; (2) целенаправленное и всестороннее усиление роли государства, которое поощряет «включение» в общество иммигрантов посредством различных

стимулов (например, путем предоставления гражданства); (3) экономическая детерминированность стратегий и механизмов интеграции, преследующая своей целью трудоустройство иммигрантов, что вызвано необходимостью уменьшения финансовой нагрузки на экономику государства.

Триггером для «гражданского поворота» послужил европейский миграционный кризис 2015–2016 годов, спровоцированный усилением миграционных потоков в Европу из стран Ближнего Востока и Африки ввиду политической и экономической нестабильности. Европейские государства столкнулись с проблемами размещения, материального обеспечения и интеграции вновь прибывших. Отсутствие единого общеевропейского ответа и слабая интегрированность в области миграционной политики привели к кризису солидарности и справедливого распределения ответственности внутри Европейского Союза. Закономерными реакциями на миграционный кризис стали политизация миграции, деформация партийно-политического ландшафта Европы и, как следствие, трансформация политик интеграции иммигрантов.

Проведенный анализ двух кейсов – Дании и Швеции – в рамках данного диссертационного исследования позволяет сделать вывод, что невзирая на существенные различия в подходах и мерах, направленных на «включение» иммигрантов в принимающее общество, до 2015 года и их противоположные позиции в разрешительно-ограничительном континууме, миграционный кризис способствовал конвергенции датской и шведской политик интеграции иммигрантов. Не последнюю роль в этом сыграли социал-демократические партии.

В ответ на утрату электоральной поддержки и вызов со стороны антимейнстримных партий в лице Датской народной партии и Шведских демократов, секьюритизирующих миграцию и подчеркивающих необходимость ренационализации миграционной политики и политики интеграции иммигрантов, Датская и Шведская социал-демократические партии стали инициаторами внедрения ограничительных мер по приему и

интеграции вновь прибывших. Невзирая на то, что Швеция приняла значительно большее число иммигрантов, чем Дания, обе партии настаивают на ужесточении миграционной политики и политики интеграции иммигрантов. При этом более ограничительный подход датских социал-демократов объясняется более сильной позицией Датской народной партии как признанного игрока на политической арене страны, в отличие от Шведских демократов, с которыми до парламентских выборов 2022 года был установлен *cordon sanitaire* и которых шведские социал-демократы обозначают в качестве главной силы, «разжигающей ненависть» и угрожающей социальной сплоченности. С одной стороны, корректировки политических позиций социал-демократических партий коррелируют с запросами электората, а с другой – компрометируют их традиционное восприятие среди избирателей в качестве интернационалистов и нормативных антрепренеров в области благосостояния и прав человека.

Деформация партийно-политического ландшафта в Дании и Швеции обуславливает трансформацию политик интеграции иммигрантов. Так, претерпевают изменения программы интеграции: в обеих странах акцент делается на дифференцированном подходе и возложении ответственности за исполнение требований договора (в Дании) и индивидуального плана (в Швеции) на иммигранта. При этом основная задача программ интеграции после 2015 года – обеспечение последующего трудоустройства иммигрантов.

Ключевая роль в интеграции иммигрантов отводится языковой политике, поскольку знание языка не только способствует скорейшей культурной адаптации в социуме, но и необходимо для трудоустройства. И в Дании, и в Швеции языковые курсы разделены на несколько уровней, что предполагает распределение иммигрантов в зависимости от уровня владения языком и наличия образования. Кроме того, обе страны включают в программы языковых курсов аспекты изучения культуры и общества. Связывая овладение языком с доступом к статусу постоянно проживающего или гражданина, а также доступом к рынку труда и социальному

обеспечению, государства получают возможность исключать тех, кто не отвечает заданным критериям, снижая таким образом социальные издержки от увеличившегося притока иммигрантов.

Миграционный кризис оказал существенное влияние на политику воссоединения семей. Если в Дании тенденция к введению дополнительных рестрикций сохраняется, то в Швеции разрешительные меры после 2016 года были заменены более ограничительными. Так, для воссоединения семей и в Дании, и в Швеции необходимо, чтобы приглашающее лицо могло не только самостоятельно обеспечивать себя, но и материально поддерживать прибывшего члена семьи. Более того, в обеих странах после миграционного кризиса ужесточились требования к супругу-резиденту относительно продолжительности проживания или наличия статуса резидента: в Дании супруг-резидент может рассчитывать на воссоединение семьи после 11 лет проживания на территории страны, а в Швеции обязательным условием является наличие статуса постоянно проживающего иностранного гражданина. Введение ограничений на воссоединение семей в Дании и Швеции коррелирует с общеевропейской логикой, детерминированной европеизацией политик интеграции иммигрантов: при выполнении иммигрантами определенных условий возможно получение доступа к правам (например, на воссоединение семьи).

Резкий рост числа несовершеннолетних иммигрантов стал вызовом для датской и шведской систем образования. Основной задачей школ как в Дании, так и в Швеции является устранение языковых барьеров и обучение основам национальной культуры. В Дании с середины 2000-х годов обучение на родном языке стало рассматриваться как противоречащее интеграции иммигрантов. В Швеции поворотным моментом стал миграционный кризис, вследствие которого дети иммигрантов попадают в общие классы со сверстниками, для которых шведский является родным языком, в отличие от докризисной ситуации, когда они посещали подготовительные курсы. Следовательно, школьная политика направлена на обеспечение социальной

сплоченности, связанной с ценностными и идеологическими основаниями. Более того, именно школьное образование закладывает значимые для будущей профессиональной деятельности знания.

Политика натурализации тесно взаимосвязана с возможностью интеграции в принимающее общество, а гражданство при этом рассматривается как «награда» или «механизм исключения». Подобное положение дел характерно для Дании, где иммигранты для натурализации проходят тестирования на знание датского языка и на гражданство, а также подтверждают уровень доходов. Невзирая на то, что в Швеции основным условием натурализации остается пятилетний период проживания на территории страны, изначальное понимание гражданства как «инструмента интеграции» реконцептуализируется: включение в шведский политический дискурс идей об ограничении доступа к гражданству путем сдачи тестов на знание шведской культуры и общества свидетельствует о переосмыслении гражданства не как «инструмента», а как «награды» за интеграцию.

Вышеизложенное свидетельствует о подтверждении обозначенной диссертантом гипотезы: европейский миграционный кризис, сопряженный с увеличением финансовой нагрузки на экономику государств, способствовал «гражданскому повороту» в датской и шведской политиках интеграции иммигрантов и их конвергенции. Такие изменения связаны с более широкими социально-экономическими преобразованиями, которые по своей сути носят глобальный характер и вызваны длительным переходом от индустриального общества к постиндустриальному и усиливающейся неолиберализацией.

Результаты проведенного кросс-национального исследования актуальны как с теоретической, так и с практической точки зрения. В частности, опыт трансформации политик интеграции иммигрантов в Дании и Швеции, на протяжении 50 лет обращавшихся к противоположным институционализированным практикам, полезен для изучения других европейских стран. Более того, представленные результаты работы значимы

и для России. Во-первых, общие тренды развития России и скандинавских стран в области нациестроительства, отличные от США или Канады, где нации формировались в результате иммиграции, дают основания предположить, что опыт, накопленный в Дании и Швеции, может быть частично применен в РФ. Во-вторых, использование мер по гражданской интеграции в России позволит разработать собственные программы интеграции, как учитывающие запросы рынка труда, так и обеспечивающие социальную сплоченность.

Поднимаемые в данной диссертации проблемы могут быть детальнее изучены в будущих исследованиях. В частности, интересным представляется изучение долгосрочных последствий требований гражданской интеграции. Кроме того, полезным будет проведение кросс-национальных исследований с включением в пул большего числа стран.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Акты первичного и вторичного права ЕС:

1. Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union 2012/C 326/01 // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT> (дата обращения: 09.02.2024).
2. Council Decision (EU) 2015/1523 of 14 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and of Greece // Official Journal of the European Union. 15.09.2015. – Режим доступа: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ%3AJOL_2015_239_R_0011 (дата обращения: 09.02.2024).
3. Council Decision (EU) 2015/1601 of 22 September 2015 Establishing Provisional Measures in the Area of International Protection for the Benefit of Italy and Greece // Official Journal of the European Union. 24.09.2015. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32015D1601> (дата обращения: 09.02.2024).
4. Council Directive 2003/86/EC of 22 September 2003 on the Right to Family Reunification // Official Journal of the European Union. 03.10.2003. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2003:251:0012:0018:en:PDF> (дата обращения: 10.02.2024).
5. Council Directive 2003/109/EC of 25 November 2003 concerning the status of third-country nationals who are long-term residents // Official Journal of the European Union. 23.01.2004. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=celex%3A32003L0109> (дата обращения: 10.02.2024).

6. Directive (EU) 2016/801 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the conditions of entry and residence of third-country nationals for the purposes of research, studies, training, voluntary service, pupil exchange schemes or educational projects and au pairing // Official Journal of the European Union. 21.05.2016. – Режим доступа: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2016/801/oj> (дата обращения: 26.02.2024).

Национальные нормативно-правовые акты и законопроекты:

7. Bekendtgørelse af lov om danskuddannelse til voksne udlændinge m.fl. nr. 1010 af 16.08.2010 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2010/1010> (дата обращения: 30.01.2024).

8. Bekendtgørelse af lov om integration af udlændinge i Danmark (integrationsloven) nr. 1062 af 20.08.2010 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/2010/1062> (дата обращения: 30.01.2024).

9. Bekendtgørelse om folkeskolens undervisning af fremmedsprogede elever nr. 583 af 20.11.1984 // Regeringen. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/lta/1984/583> (дата обращения: 20.01.2024).

10. Dir. 1998:50. Tilläggsdirektiv till 1997 års medborgarskapskommitté // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/kommittedirektiv/tillaggsdirektiv-till-1997-ars_GMB150 (дата обращения: 18.01.2024).

11. Lov om folkeskolen nr. 509 af 30.06.1993 // Danmarkshistorien. – Режим доступа: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/lov-om-folkeskolen-30-juni-1993> (дата обращения: 07.01.2024).

12. Lov som vedtaget om ændring af udlændingeloven og integrationsloven nr. 171 // Retsinformation. – Режим доступа: <https://www.retsinformation.dk/eli/ft/200313L00171> (дата обращения: 05.02.2024).

13. Lov (udlændingeloven) nr. 226 af 08.06.1983 // Danmarkshistorien. – Режим доступа: <https://danmarkshistorien.dk/vis/materiale/udlaendingeloven-af->

20. Socialförsäkringsutskottets betänkande 2020/21:SfU28. Ändrade regler i utlänningslagen // Riksdagen. – Режим доступа: <https://data.riksdagen.se/fil/15C03423-0BAD-4EA9-A3E5-89AEB5DB28BF> (дата обращения: 18.02.2024).

21. SOU 1999:34. Krav på kunskaper i svenska språket och i samhällskunskap // Riksdagen. – Режим доступа: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/statens-offentliga-utredningar/sou-1999-34-d1_GNB334d1 (дата обращения: 19.01.2024).

22. SOU 2020:54. En långsiktigt hållbar migrationspolitik // Regeringskansliet. – Режим доступа: <https://www.regeringen.se/rattsliga-dokument/statens-offentliga-utredningar/2020/09/sou-202054> (дата обращения: 21.01.2024).

Заявления официальных лиц:

23. Erna Solberg: – Jeg mener vi kan mestre å ta imot og bosette 30.000 flyktninger i året // Verdens Gang. 06.04.2016. – Режим доступа: <https://www.vg.no/nyheter/innenriks/i/orgpB/erna-solberg-jeg-mener-vi-kan-mestre-aa-ta-imot-og-bosette-30-000-flyktninger-i-aaret> (дата обращения: 06.02.2024).

24. Kristersson U., Axén Olin K. M: Språkreform behövs mot integrationskrisen // Svenska Dagbladet. 30.06.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/m-sprakreform-behovs-motintegrationskrisen> (дата обращения: 16.01.2024).

25. Orbán says migrants threaten ‘Christian’ Europe // Politico. 03.09.2015. – Режим доступа: www.politico.eu/article/orban-migrants-threaten-christian-europe-identity-refugees-asylum-crisis (дата обращения: 10.02.2024).

26. Sabuni N. Sabuni: Nu tar vi viktiga steg mot ett språktest // Svenska Dagbladet. 27.10.2019. – Режим доступа: <https://www.svd.se/a/1n8gBJ/sabuni-nu-tar-vi-viktiga-steg-mot-ett-spraktest> (дата обращения: 16.01.2024).

Делопроизводственные материалы:

27. «Белая книга» по межкультурному диалогу «Жить вместе в равном достоинстве» // Совет Европы. – Режим доступа: https://www.coe.int/t/dg4/intercultural/Source/Pub_White_Paper/WhitePaper_ID_RussianVersion.pdf (дата обращения: 12.02.2024).

28. Arbetsmarknadsrapport 2017 // Arbetsförmedlingen. October 2017. – Режим доступа: <https://mb.cision.com/Public/1326/2363232/a48fdfeab21e23bb.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

29. Asyl // Migrationsverket. – Режим доступа: <https://www.migrationsverket.se/OmMigrationsverket/Statistik/Asyl.html> (дата обращения: 10.02.2024).

30. Asylum and First Time Asylum Applicants – Annual Aggregated Data (Rounded) // Eurostat. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00191/default/table?lang=en> (дата обращения: 25.02.2024).

31. Bevelander P., Bivand Erdal M., Brochmann G., Cochran Bech M., Hagensen Midtboen A., Mouritsen P. Infödda och invandrare ense om krav för medborgarskap // Dagens Nyheter. 03.12.2019. – Режим доступа: <https://www.dn.se/debatt/infodda-och-invandrade-ense-om-krav-for-medborgarskap> (дата обращения: 17.01.2024).

32. Country Report: Sweden // Asylum Information Database. 2018. – Режим доступа: https://www.asylumineurope.org/sites/default/files/report-download/aida_se_2018update.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

33. Denmark: New social support rules for some migrants // European Commission. 13.10.2023. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/denmark-new-social-support-rules-some-migrants_en (дата обращения: 01.02.2024).

34. Det största trygghets-programmet i modern tid – Valmanifest 2018 // Socialdemokraterna. 2018. – Режим доступа:

<https://www.socialdemokraterna.se/var-politik/arkiv/val/val-2018/valmanifest-2018> (дата обращения: 21.02.2024).

35. ECRI Report on Sweden (Fifth Monitoring Cycle) // European Commission against Racism and Intolerance. 27.02.2018. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/fifth-report-on-sweden/16808b5c58> (дата обращения: 28.01.2024).

36. Et stærkere Danmark: styr på flygtningestrømmen // Regeringen. August 2016. – Режим доступа: https://www.regeringen.dk/media/2204/et-staerkere-danmark-styr-paa-flygtningestroemmen_weba.pdf (дата обращения: 05.02.2024).

37. Ét Danmark uden parallelsamfund – Ingen ghettoer I 2030 // Regeringen. 2018. – Режим доступа: https://www.regeringen.dk/media/4937/publikation_%C3%A9t-danmark-uden-parallel-samfund.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

38. Eurobarometer 341: Biotechnology // European Commission. October 2010. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/755> (дата обращения: 10.02.2024).

39. Flere udlændinge får danskundervisning efter afskaffet brugerbetaling // Udlændinge- og Integrationsministeriet. 15.12.2021. – Режим доступа: <https://www.uim.dk/nyhedsarkiv/2021/december/flere-udlaendinge-faar-danskundervisning-efter-afskaffet-brugerbetaling> (дата обращения: 01.02.2024).

40. Granted residence permits overviews // Migrationsverket. 2023. – Режим доступа: <https://www.migrationsverket.se/English/About-the-Migration-Agency/Statistics/Granted-permits-overviews.html> (дата обращения: 27.01.2024).

41. Glossary on Migration // International Organization for Migration. 2019. – Режим доступа: https://publications.iom.int/system/files/pdf/iml_34_glossary.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

42. Historisk statistik över valåren 1910–2022. Procentuell fördelning av giltiga valsedlar efter parti och typ av val // Statistiska centralbyrån. 21.11.2022. –

Режим доступа: <https://www.scb.se/hitta-statistik/statistik-efter-amne/demokrati/allmanna-val/allmanna-val-valresultat/pong/tabell-och-diagram/historisk-valstatistik/historisk-statistik-over-valaren-19102022.-procentuell-fordelning-av-giltiga-valsedlar-efter-parti-och-typ-av-val> (дата обращения: 03.02.2024).

43. Høring over Lovforslag nr. L87 af 10.12.2015 om ændring af udlændingeloven (udskydelse af retten til familiesammenføring for personer med midlertidig beskyttelsesstatus, skærpelse af reglerne om tidsubegrænset opholdstilladelse, skærpelse af reglerne om inddragelse af flygtnings opholdstilladelse m.v. // Folketinget. 2016. – Режим доступа: <https://www.ft.dk/samling/20151/lovforslag/187/index.htm> (дата обращения: 06.02.2024).

44. Hvor mange kommer, og hvorfra? // Refugees.dk. 08.11.2023. – Режим доступа: <https://refugees.dk/fakta/tal-og-statistik/hvor-mange-kommer-og-hvorfra> (дата обращения: 26.02.2024).

45. Immigrants and their descendants // Danmarks statistik. 06.03.2023. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/en/Statistik/emner/borgere/befolkning/indvandrere-og-efterkommere> (дата обращения: 25.01.2024).

46. Indvandrere i Danmark 2022 // Danmarks statistik. 01.12.2022. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/da/Statistik/nyheder-analyser-publ/Publikationer/VisPub?cid=44690> (дата обращения: 29.01.2024).

47. Indvandrere og efterkommere // Danmarks statistik. – Режим доступа: <https://www.dst.dk/da/Statistik/emner/borgere/befolkning/indvandrere-og-efterkommere> (дата обращения: 10.02.2024).

48. Integration Policies: Sweden Country Report. INTERACT Research Report 2014/14 // Cadmus. 2014. – Режим доступа: <https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/32656/INTERACT-RR-2014%20-%2014.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 03.02.2024).

49. Integrationsgrunduddannelsen (igu) // Børne- og Undervisningsministeriet. – Режим доступа: <https://www.ug.dk/uddannelser/andreerhvervsrettedeuddannelser/andreuddannelser/forvoksne/andresaerligeuddannelser/integrationsgrunduddannelsen-igu> (дата обращения: 27.01.2024).

50. International Migration 2019: Report // United Nations Department of Economic and Social Affairs. 2019. – Режим доступа: <https://www.un-ilibrary.org/content/books/9789210048194> (дата обращения: 23.02.2024).

51. International Migration Outlook 2015 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 22.09.2015. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2015_migr_outlook-2015-en (дата обращения: 05.01.2024).

52. International Migration Outlook 2016 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 19.09.2016. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2016_migr_outlook-2016-en (дата обращения: 05.01.2024).

53. International Migration Outlook 2017 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 29.06.2017. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (дата обращения: 05.01.2024).

54. International Migration Outlook 2018 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 20.06.2018. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2018_migr_outlook-2018-en (дата обращения: 05.01.2024).

55. International Migration Outlook 2019 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 15.10.2019. – Режим доступа: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2019_c3e35eec-en (дата обращения: 05.01.2024).

56. International Migration Outlook 2020 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 19.10.2020. – Режим доступа: <https://www.oecd->

ibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2020_ес98f531-en (дата обращения: 05.01.2024).

57. International Migration Outlook 2021 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 28.10.2021. – Режим доступа: https://www.oecd-ibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2021_29f23e9d-en (дата обращения: 05.01.2024).

58. International Migration Outlook 2022 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 10.10.2022. – Режим доступа: https://www.oecd-ibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2022_30fe16d2-en (дата обращения: 05.01.2024).

59. International Migration Outlook 2023 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 23.10.2023. – Режим доступа: https://www.oecd-ibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2023_b0f40584-en (дата обращения: 05.01.2024).

60. Invandringens betydelse för skolresultaten: En analys av utvecklingen av behörighet till gymnasiet och resultaten i internationella kunskapsmätningar // Skolverket. 2016. – Режим доступа: <https://www.skolverket.se/download/18.6bfaca41169863e6a65becf/1553966593126/pdf3604.pdf> (дата обращения: 26.02.2024).

61. Kristendomskundskab: Fælles Mål // Undervisningsministeriet. 2019. – Режим доступа: https://emu.dk/sites/default/files/2020-09/GSK_F%C3%A6llesM%C3%A5l_Kristendomskundskab.pdf (дата обращения: 29.01.2024).

62. Latest asylum trends – 2015 overview // European Asylum Support Office. 2016. – Режим доступа: <https://euaa.europa.eu/sites/default/files/public/LatestAsylumTrends20151.pdf> (дата обращения: 15.02.2024).

63. Markant ophobning af sager: »Støjberg burde have reageret for længe siden« // Berlingske. 23.03.2017. – Режим доступа:

<https://www.b.dk/nationalt/markant-ophobning-af-sager-stojberg-burde-have-reageret-forlaenge-siden> (дата обращения: 07.02.2024).

64. Migration data in Europe // Migration Data Portal. 31.05.2023. – Режим доступа: <https://www.migrationdataportal.org/regional-data-overview/europe> (дата обращения: 15.02.2024).

65. More stringent requirements for Swedish citizenship // The Government of Sweden. 19.09.2023. – Режим доступа: <https://www.government.se/press-releases/2023/09/more-stringent-requirements-for-swedish-citizenship> (дата обращения: 05.02.2024).

66. Nationale rammer for integrationsindsatsen for flygtninge 1997–2017 – Integrationsloven, danskuddannelse og udlændingelov // Det Nationale Forsknings- og Analysecenter for Velfærd. 2018. – Режим доступа: https://pure.vive.dk/ws/files/2302568/11274_earn_nationale_rammer_for_integrationsindsatsen.pdf (дата обращения: 26.01.2024).

67. Nya kravet: Max tre år för att lära sig svenska // Aftonbladet. 02.03.2024. – Режим доступа: <https://www.aftonbladet.se/nyheter/a/8JrGoE/nya-kravet-max-tre-ar-for-att-lara-sig-svenska> (дата обращения: 10.03.2024).

68. Nye tider, nye krav // Ny i Danmark. 07.11.2010. – Режим доступа: https://www.nyidanmark.dk/NR/rdonlyres/DD9BA445-E4AA-431E-ADF6-10147E46CF0B/0/nye_tider_nye_krav.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

69. Our Vision 2030 // Norden. 20.08.2019. – Режим доступа: <https://www.norden.org/en/declaration/our-vision-2030> (дата обращения: 09.03.2024).

70. Policies and Measures for Speeding up Labour Market Integration of Refugees in the Nordic Region: A Knowledge Overview. Nordregio Working Paper 2017:8 // Nordens välfärdscenter. 2017. – Режим доступа: <https://nordicwelfare.org/wp-content/uploads/2018/03/FULLTEXT022.pdf> (дата обращения: 03.02.2024).

71. Political guidelines – Security in a new era // Socialdemokraterna. 12.04.2017. – Режим доступа:

https://www.socialdemokraterna.se/download/18.12ce554f16be946d04640bb2/1568881590583/security-in-a-new-era---political-guidelines_2017.pdf (дата обращения: 04.02.2024).

72. Population in Sweden by Country/Region of Birth, Citizenship and Swedish/Foreign background // Statistiska centralbyrån. 31.12.2022. – Режим доступа: <https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/population-composition/population-statistics/pong/tables-and-graphs/foreign-born-citizenship-and-foreignswedish-background/population-in-sweden-by-countryregion-of-birth-citizenship-and-swedishforeign-background-31-december-2022> (дата обращения: 05.02.2024).

73. Population statistics // Statistiska centralbyrån. October 2023. – Режим доступа: https://www.scb.se/en/finding-statistics/statistics-by-subject-area/population/population-composition/population-statistics/#_Keyfigures (дата обращения: 04.02.2024).

74. Press release 14615/04 (Presse 321). Common Basic Principles for Immigrant Integration Policy in the EU // Council of the European Union. 19.11.2004. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/migrant-integration/library-document/common-basic-principles-immigrant-integration-policy-eu_en (дата обращения: 15.01.2024).

75. Press release. UN human rights experts urge Denmark to halt contentious sale of “ghetto” buildings // Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights. 23.10.2020. – Режим доступа: <https://www.ohchr.org/en/press-releases/2020/10/un-human-rights-experts-urge-denmark-halt-contentious-sale-ghetto-buildings> (дата обращения: 29.01.2024).

76. Resolution adopted by the General Assembly on 19 December 2018. Global Compact for Safe, Orderly and Regular Migration // United Nations. 11.01.2019. – Режим доступа: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/generalassembly/docs/globalcompact/A_RES_73_195.pdf (дата обращения: 11.02.2024).

77. Retfærdig og realistisk. En udlændingepolitik der samler Danmark // Socialdemokratiet, 2018. – Режим доступа: <https://www.socialdemokratiet.dk/media/fkjkbmst/en-udlaendingepolitik-der-samler-danmark-5.pdf> (дата обращения: 09.03.2024).

78. Risk Analysis for 2016 // European Agency for the Management of Operational Cooperation at the External Borders of the Member States of the European Union (Frontex). 2016. – Режим доступа: https://frontex.europa.eu/assets/Publications/Risk_Analysis/Annula_Risk_Analysis_2016.pdf (дата обращения: 15.02.2024).

79. Rocca L., Carlsen C.H., Deygers B. Linguistic Integration of Adult Migrants: Requirements and Learning Opportunities. Report on the 2018 Council of Europe and ALTE Survey on Language and Knowledge of Society Policies for Migrants // Council of Europe. January 2020. – Режим доступа: <https://rm.coe.int/linguistic-integration-of-adult-migrants-requirements-and-learning-opp/16809b93cb> (дата обращения: 15.02.2024).

80. Settling In Report: Indicators of Immigrant Integration 2023 // Organisation for Economic Co-operation and Development. 15.06.2023. – Режим доступа: <https://www.oecd.org/publications/indicators-of-immigrant-integration-67899674-en.htm> (дата обращения: 23.02.2024).

81. Snabbare integration genom företagande och sysselsättning – en studie av Tillväxtverkets satsning på förstudier och pilotprojekt för snabbare integration // Tillväxtverket. 2017. – Режим доступа: <https://tillvaxtverket.se/download/18.786a6e315c5f11f69357cd5/1496854253715/Snabbare%20integration%20genom%20f%C3%B6retagande%20och%20syssels%C3%A4ttning%20.pdf> (дата обращения: 05.02.2024).

82. Snabbspår // Arbetsförmedlingen. – Режим доступа: <https://arbetsformedlingen.se/other-languages/english-engelska/stod-och-ersattning/stod-a-o/snabbspar> (дата обращения: 29.01.2024).

83. Socialdemokratiets principprogram: Fælles om Danmark // Socialdemokratiet. 2017. – Режим доступа:

<https://www.socialdemokratiet.dk/media/ws1fxjky/socialdemokratiets-principprogram-faelles-om-danmark.pdf> (дата обращения: 12.02.2024).

84. Special Eurobarometer 315: Social climate // European Commission. January 2010. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/807> (дата обращения: 10.02.2024)

85. Special Eurobarometer 493: Discrimination in the European Union // European Commission. October 2019. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2251> (дата обращения: 10.02.2024).

86. Special Eurobarometer 508: Values and identities of EU citizens // European Commission. November 2021. – Режим доступа: <https://europa.eu/eurobarometer/surveys/detail/2230> (дата обращения: 10.02.2024).

87. Sweden's Migration and Asylum Policy. Fact Sheet // The Government of Sweden. June 2019. – Режим доступа: <https://www.government.se/4adac4/contentassets/183ca2f36f1c49f3b7d1b5724a5753ce/swedens-migration-and-asylum-policy--fact-sheet-2019.pdf> (дата обращения: 28.01.2024).

88. Tal og fakta om valg og afstemninger // Folketinget. – Режим доступа: <https://www.ft.dk/da/folkestyret/valg-og-afstemninger/tal-og-fakta-om-valg-og-afstemninger> (дата обращения: 10.02.2024).

89. The groups of ancestry share of the total population 1. January by ancestry and time // Danmarks statistik. 01.01.2023. – Режим доступа: <https://www.statbank.dk/statbank5a/selectvarval/saveselections.asp> (дата обращения: 05.02.2024).

90. The Nordic Region – Towards Being the Most Sustainable and Integrated Region in the World: Action Plan for 2021 to 2024 // Norden. 2020. – Режим доступа: <https://pub.norden.org/politiknord2020-728> (дата обращения: 10.03.2024).

91. Undervisning af fremmedsprogede elever i folkeskolen: En redegørelse. Direktoratet for folkeskolen, folkeoplysning, seminarier m.v. – København: Undervisningsministeriet, 1981.

92. Vi vil gøre alt for at begrænse antallet af ikkevestlige flygtninge og indvandrere // Politiken. 18.12.2015. – Режим доступа: <https://politiken.dk/debat/art5636545/Vi-vil-g%C3%B8re-alt-for-at-begr%C3%A6nse-antallet-af-ikkevestlige-flygtninge-og-indvandrere> (дата обращения: 20.02.2024).

93. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies // International Bank for Reconstruction and Development / The World Bank. 25.04.2023. – Режим доступа: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2023> (дата обращения: 07.02.2024).

94. World Migration Report 2022 // International Organization for Migration. 01.12.2021. – Режим доступа: <https://publications.iom.int/books/world-migration-report-2022> (дата обращения: 20.01.2024).

95. World Population Prospects 2022: Summary of Results // United Nations. 15.11.2022. – Режим доступа: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022> (дата обращения: 17.02.2024).

96. Ændret krav om mulighed for vellykket integration i sager om familiesammenføring til børn // Ny i Danmark. 03.06.2016. – Режим доступа: https://www.nyidanmark.dk/da/News%20Front%20Page/2017/12/Aendret_krav_mulighed_vellykket_integration_sager_famsam_boern (дата обращения: 04.02.2024).

Литература

97. *Авдонин В.С.* Полипарадигмальность в политической науке и нормативные теории // Политическая наука. – 2015. – № 2. – С. 157–173.
98. *Алексеев Д.В.* Цифровизация миграционной политики ЕС в контексте секьюритизации миграции // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 480. – С. 63–72.
99. *Бадаева А.С.* Датская народная партия и трансформации иммиграционной политики Дании // Мировая экономика и международные отношения. – 2022. – Т. 66. – № 3. – С. 119–129.
100. *Бадаева А.С.* Ультраправые: между популизмом и политическим мейнстримом // Политические идеологии и партийные системы: основные векторы трансформации во втором десятилетии XXI века / Отв. ред. Э.Г. Соловьев. – Москва: Идея-Пресс, 2022. – С. 176 – 196.
101. *Биссон Л.С., Лункин Р.Н.* Контуры новых социально-политических кливажей в странах ЕС // Общественные науки и современность. – 2021. – № 6. – С. 7–23.
102. *Биссон Л.С.* Миграция вновь нарушает единство Евросоюза // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2019. – № 94. – С. 60–64.
103. *Большова Н.Н.* Ответ ЕС на «кризис с беженцами» 2015 г. и перспективы общей миграционной политики ЕС // Международная аналитика. – 2016. – № 1 (15). – С. 19–33.
104. *Большова Н.Н.* «ПЕГИДА» как пример массовых протестных движений, возникших в Европе под влиянием миграционного кризиса // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 3. – С. 123–137.
105. *Большова Н.Н.* Политика ЕС по борьбе с нелегальной миграцией в условиях миграционного кризиса (2014–2015 гг.) // Международная аналитика. – 2017. – № 4 (22). – С. 8–17.
106. *Бурдьё П.* Формы капитала // Экономическая социология / Пер. с англ. М.С. Добряковой. – 2002. – Т. 3. – № 5. – С. 60–74.

107. *Бутакова А.А., Портнягина М.Д.* Феномен «северная идентичность» и его влияние на современные международные отношения // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. – 2020. – № 22 (1-2). – С. 318–327.
108. *Бутенко В.А.* Трансформация интеграционной политики Дании // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20. – № 4. – С. 24–30.
109. *Варшавер Е.А.* Двадцать успешных практик интеграции мигрантов. – Москва: Московский институт социально-культурных программ, 2014. – 60 с.
110. *Варшавер Е.А.* Интеграция мигрантов через призму конструктивистского похода к этничности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2023. – Т. 25. – № 2. – С. 377–396.
111. *Волков А.М., Белухин Н.Е.* Интеграция иммигрантов на рынке труда в Дании // Мировое и национальное хозяйство. – 2018. – № 4 (46). – С. 1–24.
112. *Волков А.М.* Миграционные потоки в страны Северной Европы // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. – 2020. – № 1 (23). – С. 126–142.
113. *Волков Ю.Г., Курбатов В.И.* Концепт множественной идентичности: разные исследовательские подходы. – Социология. – 2022. – № 5. – С. 202–212.
114. *Волох В.А., Дмитриева Т.Н.* Риск-ориентированный подход в государственном управлении внешней миграцией // Управление. – 2024. – Т. 12. – № 1. – С. 5–15.
115. *Волох В.А.* Современная наука о проблемах адаптации и интеграции мигрантов // Социально-трудовые исследования. – 2019. – № 4 (37). – С. 57–65.

116. *Волох В.А., Суворова В.А.* Теоретические основы изучения проблем адаптации и интеграции мигрантов в российский социум // Вестник университета. – 2013. – № 20. – С. 202–208.
117. *Гаджимурадова Г.И.* Интеграция мусульман в Европе: история и современность // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2016. – № 3. – С. 3–7.
118. *Гаджимурадова Г.И.* Опыт интеграции специалистов-мигрантов в Финляндии и возможности его использования в России // Научный результат. Социология и управление. – 2022. – Т. 8. – № 4. – С. 117–125.
119. *Горин Д.Г.* Трансформация исторического сознания смена парадигм обращения к прошлому в публичной сфере // Диалог со временем. – 2020. – № 72. – С. 23–36.
120. *Гришин И.* Иммиграционные заботы Швеции // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61. – № 9. – С. 66–76.
121. *Гришин И.В.* Интеграция иммигрантов в Швеции (социально-политический аспект) // Южно-российский журнал социальных наук. – 2019. – Т. 20. – № 1. – С. 40–56.
122. *Дегтерев Д.А.* Формализованные модели в международно-политической науке // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 4. – С. 33–48.
123. *Демин А.В.* «Мягкое право» как выражение компромисса в регулировании трансграничных взаимодействий // Право и образование. – 2015. – № 9. – С. 110–117.
124. *Деминцева Е.Б.* Магрибинское сообщество во Франции: формирование диаспоры и политика интеграции // Восток. Афро-Азиатские общества: история и современность. – 2008. – № 1. – С. 83–97.
125. *Должикова А.В., Мосейкина М.Н.* Институты и образовательно-культурные механизмы миграционной политики современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 387–400.

126. *Иванова Н.С., Варшавер Е.А., Рочева А.Л.* Каких мигрантов привлекают экономически развитые страны и как они это делают: анализ международного опыта // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – Т. 15. – № 6. – С. 811–825.

127. *Ивахнюк И.В.* Развитие миграционной теории в условиях глобализации // Век глобализации. – 2016. – № 1-2 (17-18). – С. 26–43.

128. Интеграционный экзамен для иностранных граждан: зарубежный опыт, проблемы и перспективы проведения в России / А.В. Должикова, В.М. Козьменко, М.Н. Мосейкина, Е.В. Киселева, О.С. Кажаяева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: РУДН, 2016. – 139 с.

129. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма / Отв. ред.: И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.

130. *Ионцев В.А.* Интеграция мигрантов – эффективный путь устранения неравенства и ксенофобии в принимающем обществе // Вопросы управления. – 2014. – № 1 (26). – С. 127–132.

131. *Ионцев В.А., Прохорова Ю.А.* Формирование «нового населения» в свете концепции четвертого демографического перехода // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2012. – № 4. – С. 75–87.

132. *Йенсен Т.* Религиозное образование в государственных школах: важнейшие тенденции (преимущественно на примере Скандинавии) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. – 2017. – № 4 (35). – С. 46–71.

133. *Кавешников Н.Ю.* Влияние трансформации партийно-политического пространства Евросоюза на организацию и функционирование Европарламента // Современная Европа. – 2020. – № 2 (95). – С. 163–175.

134. *Казаринова Д.Б., Де Лука Г.* Миграция в итальянском политическом дискурсе: опыт эмпирического анализа // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – Т. 64. – № 2. – С. 100–109.

135. *Капицын В.М., Магомедов А.К., Шапаров А.Е.* Иммиграционная политика и интеграция мигрантов в Королевстве Дания в начале XXI века // Балтийский регион. – 2022. – Т. 14. – № 2. – С. 98–114.
136. *Капицын В.М., Шапаров А.Е.* Инокультурные иммигранты в политической повестке Дании // Вестник Института социологии. – 2021. – Т. 12. – № 4. – С. 42–66.
137. *Карпович О.Г., Зверева Т.В.* Общая миграционная политика ЕС: новый старт? // Международная жизнь. – 2021. – № 7. – С. 94–103.
138. *Кононов Л.А., Леденева В.Ю.* Адаптация и интеграция международных мигрантов: теоретико-методологические проблемы // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. – Т. 65. – № 4. – С. 103–112.
139. *Куропятник М.С.* Суперразнообразие: реконфигурация культурной сложности контекстов современности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2020. – Т. 20. – № 3. – С. 461–470.
140. *Леденева В.Ю.* Формы и методы социальной адаптации и интеграции мигрантов // Политика и общество. – 2015. – № 6 (126). – С. 717–728.
141. *Литовченко А.М., Чудиновских О.С.* О влиянии наличия гражданства принимающей страны на некоторые социально-экономические характеристики мигрантов и их положение на рынке труда // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2022. – № 1 (53). – С. 143–162.
142. *Макаренко Б.И., Локишин И.М., Максимов А.Н., Мелешкина Е.Ю., Миронюк М.Г., Петров Н.В.* Партии и партийные системы: современные тенденции развития. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 303 с.
143. *Макаренко Б.И., Петров И.И.* Динамика политического спектра европейских партийных систем (1990–2021) // Полис. Политические исследования. – 2023. – № 1. – С. 11–28.

144. *Малахов В.С.* Интеграция мигрантов. Концепции и практики. – М.: Издательство Мысль, 2015. – 272 с.
145. *Малахов В.С., Касцян К.А.* Евросоюз перед лицом вынужденной миграции: политическое и юридическое измерение // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 4. – С. 139–151
146. *Малахов В.С.* Культурный плюрализм versus мультикультурализм // Логос. – 2000. – № 5-6. – С. 4–8.
147. *Малахов В.С.* Мигранты неевропейского происхождения в Европе: культурно-идентификационный аспект интеграции // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2019. – Т. 22. – № 3. – С. 211–233.
148. *Марусенко М.А.* Новый мировой языковой порядок. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2018. – 684 с.
149. *Медушевский Н.А.* Риски и вызовы развития единой Европы 2016–2018 гг. // Теории и проблемы политических исследований. – 2018. – Т. 7. – № 4А. – С. 67–74.
150. *Мельвиль А.Ю.* Могущество и влияние современных государств в условиях меняющегося мирового порядка: некоторые теоретико-методологические аспекты // Политическая наука. – 2018. – № 1. – С. 173–200.
151. Миграционные проблемы в Европе и пути их решения / Под ред. Н.Б. Кондратьевой, О.Ю. Потемкиной. – М.: Институт Европы РАН, 2015. – 144 с. – (Доклады Института Европы; № 315).
152. Миграционные процессы в Евросоюзе: современные проблемы и вызовы / Под ред. О.Е. Трофимовой. – М.: ИМЭМО РАН, 2019. – 211 с.
153. *Мукомель В.И.* Адаптация и интеграция мигрантов: методологические подходы к оценке результативности и роль принимающего общества // Россия реформирующаяся. – 2016. – № 14. – С. 411–467.
154. *Мукомель В.И.* Методические и практические аспекты изучения интеграции иммигрантов: специфика постсоветского пространства // Методология и методы изучения миграционных процессов / Под ред. Ж.А.

Зайончковской, И.Н. Молодиковой, В.И. Мукомеля. – М.: Центр миграционных исследований, 2007. – С. 142–171.

155. *Мукомель В.И.* Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов – представителей «полуторного поколения» // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2-2. – С. 192–209.

156. *Мукомель В.И.* Свои «иные»: внутрироссийские иноэтнические мигранты в московском мегаполисе // Федерализм. – 2015. – № 1 (77). – С. 79–92.

157. *Мчедлова М.М., Казаринова Д.Б.* Политика идентичности: конкуренция новых теоретических смыслов и политических стратегий // Политическая наука. – 2020. – № 4. – С. 13–35.

158. *Мчедлова М.М.* Миграция и трансформация мирового порядка: потребность в новой политической рефлексии // Философия политики и права. – 2019. – № 10. – С. 128–137.

159. *Мчедлова М.М.* Секьюритизация миграции: социокультурная онтология современности // Международная аналитика. – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 127–141.

160. *Норт Д.* Институты, институциональные измерения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 18 с.

161. *Осадчая Г.И.* Оценка уровня социальной адаптации молодых мигрантов в мегаполисе // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – Т. 14. – № 1. – С. 186–198.

162. *Осадчая Г.И., Юдина Т.Н.* Политика интеграции иммигрантов стран Евросоюза после миграционного кризиса // Социальная политика и социология. – 2020. – Т. 19. – № 1 (134). – С. 56–63.

163. *Осколков П.В.* Национализм и правый популизм в ЕС осенью 2022 г.: перемены в политическом пространстве // Европейский Союз: факты и комментарии. – 2022. – № 110. – С. 69–71.

164. *Осколков П.В.* Правый популизм в Европейском союзе. – М.: ИЕ РАН, 2019. – 164 с.
165. *Патрушев С.В.* Институциональная политология в российской перспективе // *Метод.* – 2012. – № 3. – С. 297–305.
166. *Плевако Н.* Парламентский кризис в Швеции 2018 г. и «третья сила» // *Современная Европа.* – 2019. – № 2 (88). – С. 95–106.
167. *Плевако Н.С.* Швеция-2022: эволюция политического пейзажа // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН.* – 2022. – № 5. – С. 47–54.
168. *Политическая компаративистика / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной.* – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2020. – 784 с.
169. *Потемкина О.Ю.* Миграционный кризис в ЕС: пик пройден? // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН.* – 2021. – № 5 (23). – С. 31–37.
170. *Потемкина О.Ю.* После кризиса: новый старт миграционной политики ЕС // *Современная Европы.* – 2019. – № 6 (92). – С. 18–30.
171. *Пронякина Е.Д.* «Неправильная» миграция: проблема управления миграционными потоками в политике скандинавских стран // *Международная аналитика.* – 2023. – Т. 14. – № 3. – С. 58–73.
172. *Пронякина Е.Д.* «Nordic Identity» и интеграционные процессы на севере Европы // *Современное европейское общество: трансформация идентичности / Под ред. Е.В. Викторовой.* – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2022. – С. 66–73.
173. *Регулирование легальной миграции в Европейском союзе / Л.С. Биссон.* – М.: Институт Европы РАН, 2020. – 150 с. – (Доклады Института Европы; № 371).
174. *Романова Т.А., Коцур Г.В.* От политической либерализации к геополитическому повороту (Эволюция дискурса Евросоюза и связь нормативного и материального) // *Мировая экономика и международные отношения.* – 2022. – Т. 66. – № 8. – С. 25–33.

175. *Рязанцев С.В.* Миграционный кризис: понятие и критерии // ДЕМИС. Демографические исследования. – 2021. – Т. 1. – № 1. – С. 7–16.
176. *Рязанцев С.В.* Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. – М.: Формула права, 2007. – 576 с.
177. *Савинов Л.В.* Политическое будущее мигрантов в России: гипотезы и стратегии // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2020. – Т. 22. – № 3. – С. 401–414.
178. *Савинов Л.В., Седен С.О.* Миграционные стратегии и российское гражданство: об актуальности и методологии исследований // Вестник Российской нации. – 2021. – № 4 (80). – С. 72–81.
179. *Сарабьев А.В.* Вопросы адаптации трудовых мигрантов с Арабского Востока в ЕС // Современная Европа. – 2020. – № 7 (100). – С. 113–123.
180. *Сарабьев А.В.* Трудовые мигранты с Арабского Востока в Швеции: изменение парадигмы // Балтийский регион. – 2021. – Т. 13. – № 4. – С. 95–110.
181. *Семенов И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Социальные размежевания и политические противостояния в научном дискурсе: критерии и оценки и классификации // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 5. – С. 56–77.
182. *Семенов И.С.* Национализм, сепаратизм, демократия... Метаморфозы национальной идентичности в «старой» Европе // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5. – С. 70–87.
183. *Семенов И.С.* Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 4. – С. 8–28.
184. *Соловьев А.И.* Государство как производитель политики // Полис. Политические исследования. – 2016. – № 2. – С. 90–108.
185. *Тавокин Е.П.* К вопросу о концепции социального государства // Социологические исследования. – 2015. – № 9 (377). – С. 125–134.

186. *Глостанова М.В.* Проблема мультикультурализма и литература США конца XX века. – М.: ИМЛИ РАН, 2000. – 399 с.
187. *Филиппова Е.И.* Мультикультурализм как политика и фигура речи // Вестник Российской нации. – 2014. – № 2 (34). – С. 127–137.
188. *Хенкин С.М., Кудряшова И.В.* Интеграция мусульман в Европе: политический аспект // Полис. Политические исследования. – 2015. – № 2. – С. 137–155.
189. *Хрох М.* От национальных движений к полностью сформировавшейся нации: процесс строительства наций в Европе // Нации и национализм / Б. Андерсон, О. Бауэр, М. Хрох и др.; Пер. с англ. и нем. Л.Е. Переяславцевой, М.С. Панина, М.Б. Гнедовского. – Москва: Праксис, 2002. – С. 121–145.
190. *Цапенко И.П.* Интеграция иммиграционных обществ: обновление подходов // Вестник Российской академии наук. – 2020. – Т. 90. – № 2. – С. 148–159.
191. *Цапенко И.П.* Перспективные технологии интеграции мигрантов // Мировая экономика и международные отношения. – 2019. – Т. 63. – № 10. – С. 97–108.
192. *Цапенко И.П.* Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов // Демографическое обозрение. – 2018. – Т. 5. – № 4. – С. 125–149.
193. *Черкасов А.И.* Скандинавская модель социального обеспечения и ее особенности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2022. – № 9. – С. 122–130.
194. *Чудиновских О.С.* Статистика приобретения гражданства как отражение особенностей миграционной политики России // Вопросы статистики. – 2018. – Т. 25. – № 9. – С. 3–26.
195. *Швейцер В.Я.* Партии и движения политической альтернативы современной Европы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – № 3. – С. 43–47.

196. *Швейцер В.Я.* Партийно-политический ландшафт: вызовы и риски // Европа между трех океанов / Под общ. ред. Ал.А. Громько, В.П. Федорова. – М.: ИЕ РАН: Нестор-История, 2019. – С. 411–428.
197. *Шумилов М.М., Шмидт О.И.* Миграционный кризис как нарастающая угроза европейской безопасности (2015–2023) // Управленческое консультирование. – 2023. – № 8. – С. 9–23.
198. *Эндрюшко А.А.* Теоретические подходы к изучению адаптации мигрантов в принимающем обществе: зарубежный опыт // Вестник Института социологии. – 2017. – Т. 8. – № 4 (23). – С. 45–70.
199. *Энтин М.Л., Энтина Е.Г., Торкунова Е.А.* Сегодня и завтра ЕС сквозь призму правового инструментария углубления интеграции: часть I // Современная Европа. – 2019. – № 1 (87). – С. 27–38.
200. Этническая политика: конфликтные, миграционные и электоральные аспекты / Отв. ред. П.В. Осколков. – М.: Институт Европы РАН, 2023. – 124 с. – (Доклады Института Европы; № 403).
201. *Яницкий О.Н.* Миграционный кризис или кризис Евросоюза? // Социологическая наука и социальная практика. – 2019. – Т. 7. – № 1. – С. 21–36.
202. *Adamo S.* “Please Sign Here”: Integration Contracts Between Municipalities and Foreigners in Denmark // Journal of International Migration and Integration. – 2022. – Vol. 23. – Issue 1. – P. 321–342.
203. *Adamo S.* The Danish Legal Framework for Migration: Between a Humanitarian Past and a Restrictive Present // Law and Migration in a Changing World / Ed. by M.-C. Foblets, J.-Y. Carlier. – Berlin: Springer, 2022. – P. 259–304.
204. *Adolfsson C.* ‘I’m Not Swedish Swedish’: Self-Appraised National and Ethnic Identification Among Migrant-Descendants in Sweden // Genealogy. – 2021. – Vol. 5. – Issue 56. – P. 1–17.
205. *Afzali M., Ryazantsev S.V., Bezverbnyaya N.A.* Relationship Between Immigrant Integration and Socioeconomic Indicators of European Immigrant-

Receiving Countries // Социальные и гуманитарные знания. – 2023. – Т. 9. – № 2. – С. 186–199.

206. *Ager A., Strang A.* Understanding Integration: A Conceptual Framework // *Journal of Refugee Studies*. – 2008. – Vol. 21. – Issue 2. – P. 166–191.

207. *Agustín Ó.G.* New Municipalism as Space for Solidarity // *Soundings*. – 2020. – Vol. 74. – Issue 74. – P. 54–67.

208. *Agustín Ó.G., Jørgensen M.B.* Solidarity Cities and Cosmopolitanism from Below: Barcelona as a Refugee City // *Social Inclusion*. – 2019. – Vol. 7. – Issue 2. – P. 198–207.

209. *Alarian H.M., Neureiter M.* Values or Origin? Mandatory Immigrant Integration and Immigration Attitudes in Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 1006–1027.

210. *Alba R., Foner N.* Strangers No More: Immigration and the Challenges of Integration in North America and Western Europe. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 336 p.

211. *Algan Y., Bisin A., Verdier T.* Introduction: Perspectives on Cultural Integration of Immigrants // *Cultural Integration of Immigrants in Europe* / Ed. by Y. Algan, A. Bisin, A. Manning, T. Verdier. – Oxford: Oxford University Press, 2012. – P. 1–48.

212. *Ambrosini M., Boccagni P.* Urban Multiculturalism beyond the ‘Backlash’: New Discourses and Different Practices in Immigrant Policies across European Cities // *Journal of Intercultural Studies*. – 2015. – Vol. 36. – Issue 1. – P. 35–53.

213. *Arendt J.N., Bolvig I.* Trade-offs between Work-first and Language-first Strategies for Refugees // *Economics of Education Review*. – 2023. – Vol. 92. – P. 1–19.

214. *Avery H.* At the Bridging Point: Tutoring Newly Arrived Students in Sweden // *International Journal of Inclusive Education*. – 2017. – Vol. 21. – Issue 4. – P. 404–415.

215. *Bakke I.B.* The ‘Idea of Career’ and ‘A Welfare State of Mind’: On the Nordic Model for Welfare and Career // *Career and Career Guidance in the Nordic Countries* / Ed. by E.H. Haug, T. Hooley, J. Kettunen, R. Thomsen. – Leiden: Brill, 2020. – P. 23–36.

216. *Baršová A., Barša P.* Přistěhovalectví a liberální stát: imigrační a integrační politiky v USA, západní Evropě a Česku. – Brno: Mezinárodní politologický ústav, 2005. – 308 s.

217. *Bauböck R.* Cultural Majority Rights: Has Multiculturalism Been Turned Upside Down? // *Ethnicities*. – 2022. – Vol. 22. – Issue 4. – P. 527–546.

218. *Bauböck R., Permoser J.M.* Sanctuary, Firewalls, Regularisation: Three Inclusive Responses to the Presence of Irregular Migrants // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49. – Issue 14. – P. 3671–3688.

219. *Bazurli R., de Graauw E.* Explaining Variation in City Sanctuary Policies: Insights from American and European Cities // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – Vol. 49. – Issue 14. – P. 3649–3670.

220. *Bech E.C., Borevi K., Mouritsen P.* A ‘Civic Turn’ in Scandinavian Family Migration Policies? Comparing Denmark, Norway and Sweden // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 7. – P. 1–24.

221. *Bech E.C., Mouritsen P.* Restricting the Right to Family Migration in Denmark: When Human Rights Collide with a Welfare State under Pressure // *Europe’s Immigration Challenge: Re-thinking Immigration After the Downturn* / Ed. by E. Jurado, G. Brochmann. – London: Policy Network, 2013. – P. 159–184.

222. *Bello V.* The Spiralling of the Securitisation of Migration in the EU: From the Management of a ‘Crisis’ to a Governance of Human Mobility? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1327–1344.

223. *Benhabib S.* Transformations of Citizenship: The Case of Contemporary Europe // *Government and Opposition*. – 2002. – Vol. 37. – Issue 4. – P. 439–465.

224. *Bergmann E.* Nordic Populism: Conjoining Ethno-Nationalism and Welfare Chauvinism // *Democracy Fatigue: An East European Epidemy* / Ed. by

C. García-Rivero. – Budapest: Central European University Press, 2023. – P. 240–261.

225. *Bertossi C., Duyvendak V.W.* National Models of Immigrant Integration: The Costs for Comparative Research // *Comparative European Politics*. – 2012. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 237–247.

226. *Bertossi C.* Uses of History as a Cultural Process: Integration, Citizenship and the Boundary-making in Contemporary France // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 18. – P. 4238–4255.

227. *Blunt G.D.* Transnational Social Movements, Solidarity, and Resistance // *Global Poverty, Injustice, and Resistance* / Ed. by G.D. Blunt. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – P. 121–155.

228. *Boin A., 't Hart P., Kuipers S.* The Crisis Approach // *Handbook of Disaster Research* / Ed. by H. Rodríguez, W. Donner, J.E. Trainor. – Cham: Springer, 2018. – P. 23–38.

229. *Bommes M.* Transnationalism or Assimilation? // *Journal of Social Science Education*. – 2005. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 14–30.

230. *Bonjour S., Duyvendak J.W.* The “Migrant with Poor Prospects”: Racialized Intersections of Class and Culture in Dutch Civic Integration Debates // *Ethnic and Racial Studies*. – 2018. – Vol. 41. – Issue 5. – P. 882–900.

231. *Bonjour S., Schrover M.* Public Debate and Policy-Making on Family Migration in the Netherlands, 1960–1995 // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 9. – P. 1475–1494.

232. *Borevi K.* Diversity and Solidarity in Denmark and Sweden // *The Strains of Commitment: The Political Sources of Solidarity in Diverse Societies* / Ed. by K. Banting, W. Kymlicka. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – P. 364–388.

233. *Borevi K.* Immigration and Asylum in the EU: A Resilient Policy for Integration? // *Routes to a Resilient European Union* / Ed. by A. Bakardjieva Engelbrekt, P. Ekman, A. Michalski, L. Oxelheim. – Cham: Palgrave Macmillan, 2022. – P. 195–218.

234. *Borevi K.* Multiculturalism and Welfare State Integration: Swedish Model Path Dependency // *Identities*. – 2014. – Vol. 21. – Issue 6. – P. 708–723.
235. *Bornschieer S.* Cleavage Politics and the Populist Right. – Philadelphia: Temple University Press, 2010. – 245 p.
236. *Boucher F., Maclure J.* Moving the Debate Forward: Interculturalism's Contribution to Multiculturalism // *Comparative Migration Studies*. – 2018. – Vol. 6. – P. 1–10.
237. *Bredgaard T., Thomsen T.L.* Integration of Refugees on the Danish Labor Market // *Nordic Journal of Working Life Studies*. – 2018. – Vol. 8. – Issue S4. – P. 7–26.
238. *Breidahl K.N., Fersch B.* Bringing Different States In: How Welfare State Institutions Can Possibly Influence Sociocultural Dimensions of Migrant Incorporation // *Nordic Journal of Migration Research*. – 2018. – Vol. 8. – Issue 2. – P. 99–106.
239. *Breidahl K.N., Gustavsson G.* Can We Trust the Natives? Exploring the Relationship Between National Identity and Trust Among Immigrants and Their Descendants in Denmark // *Nations and Nationalism*. – 2022. – Vol. 28. – Issue 2. – P. 592–611.
240. *Brekke J., Staver A.* The Renationalisation of Migration Policies in Times of Crisis: The Case of Norway // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2018. – Vol. 44. – Issue 13. – P. 2163–2181.
241. *Brochmann G., Dølvik J.E.* The Welfare State and International Migration: The European Challenge // *Routledge Handbook of the Welfare State* / Ed. by B. Greve. – London: Routledge, 2018. – P. 508–521.
242. *Brochmann G.* From Bounded Universalism to the Trial of Internationalization: Migration and Social Democracy in Scandinavia // *Social Democracy in the 21st Century* / Ed. by N. Brandal, Ø. Bratberg, D.E. Thorsen. – Leeds: Emerald Publishing Limited, 2021. – P. 195–222.
243. *Brochmann G.* Inclusion under Pressure: The Case of Norway // *The Exclusion of Immigrants from Welfare Programs: Cross-National Analysis and*

Contemporary Developments / Ed. by E.A. Koning. – Toronto: University of Toronto Press, 2022. – P. 155–174.

244. *Brochmann G., Kjeldstadli K.* A History of Immigration: The Case of Norway 900–2000. – Oslo: Universitetsforlaget, 2008. – 331 p.

245. *Brubaker R.* Citizenship and Nationhood in France and Germany. – Cambridge: Harvard University Press, 1992. – 288 p.

246. *Brzozowski J., Lasek A.* The Impact of Self-employment on the Economic Integration of Immigrants: Evidence from Germany // *Journal of Entrepreneurship, Management and Innovation.* – 2019. – Vol. 15. – Issue 2. – P. 11–28.

247. *Brzozowski J.* Mixed embeddedness of immigrant entrepreneurs and community resilience: Lessons for the Arctic // *Immigration in the Circumpolar North: Integration and Resilience* / Ed. by N. Yeasmin, W. Hasanat, J. Brzozowski, S. Kirchner. – London: Routledge, 2020. – P. 163–175.

248. *Buchardt M.* Kulturforklaring: Uddannelseshistorier om muslimskhed. – København: Tiderne Skifter, 2016. – 208 s.

249. *Buchardt M.* The “Culture” of Migrant Pupils: A Nation- and Welfare-state Historical Perspective on the European Refugee Crisis // *European Education.* – 2018. – Vol. 50. – Issue 1. – P. 58–73.

250. *Butenko V., Chekmazov A.* Sweden’s Immigrant Integration Policy: The Role of Language // *Przegląd Europejski.* – 2020. – Issue 4. – P. 133–137.

251. *Cantat C., Pécoud A., Thiollet H.* Migration as Crisis // *American Behavioral Scientist.* – 2023. – P. 1–23.

252. *Cantle T.* Interculturalism: The New Era of Cohesion and Diversity. – London: Palgrave Macmillan, 2012. – 249 p.

253. *Careja R., Harris E.* Thirty Years of Welfare Chauvinism Research: Findings and Challenge // *Journal of European Social Policy.* – 2022. – Vol. 32. – Issue 2. – P. 212–224.

254. *Castles S., de Haas H., Miller M.J.* The Age of Migration: International Movements in the Modern World. – New York City: The Guilford Press, 2020. – 6th edition. – 443 p.

255. *Castles S., Miller M.* The Age of Migration. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2009. – 4th edition. – 392 p.

256. *Chin C., Levey G.B.* Recognition as Acknowledgement: Symbolic Politics in Multicultural Democracies // Ethnic and Racial Studies. – 2023. – Vol. 46. – Issue 3. – P. 451–474.

257. *Collier D.* Understanding Process Tracing // Political Science and Politics. – 2011. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 823–830.

258. *Dávila L.T., Bunar N.* Translanguaging through an Advocacy Lens: The Roles of Multilingual Classroom Assistants in Sweden // European Journal of Applied Linguistics. – 2020. – Vol. 8. – Issue 1. – P. 107–126.

259. *de Graauw E., Vermeulen F.* Cities and the Politics of Immigrant Integration: A Comparison of Berlin, Amsterdam, New York City, and San Francisco // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2016. – Vol. 42. – Issue 6. – P. 989–1012.

260. *Demintseva E.* ‘Migrant Schools’ and the ‘Children of Migrants’: Constructing Boundaries around and inside School Space // Race Ethnicity and Education. – 2020. – Vol. 23. – Issue 4. – P. 598–612.

261. *Denisenko M., Mkrtchyan N., Chudinovskikh O.* Permanent Migration in the Post-Soviet Countries // Migration from the Newly Independent States: 25 Years After the Collapse of the USSR / Ed. by M. Denisenko, S. Strozza, M. Light. – Cham: Springer, 2020. – P. 23–53.

262. *De Vries C.E., Hobolt S.B.* When Dimensions Collide: The Electoral Success of Issue Entrepreneurs // European Union Politics. – 2012. – Vol. 13. – Issue 2. – P. 246–268.

263. *De Wilde P., Koopmans R., Merkel W., Strijbis O., Zürn M.* The Struggle Over Borders: Cosmopolitanism and Communitarianism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019. – 288 p.

264. *De Wilde P.* Rebound? The Short- and Long-Term Effects of Crises on Public Support and Trust in European Governance // *The Palgrave Handbook of EU Crises* / Ed. by M. Riddervold, J. Trondal, A. Newsome. – London: Palgrave MacMillan, 2021. – P. 667–683.

265. *Diaz J.A.* Integration: A Basic Definition and Methodological Strategy // *Multiculturalism in the Nordic Societies: Proceedings of the 9th Nordic Seminar for Researchers on Migration and Ethnic Relations* / Ed. by J. Hjarnø. – Copenhagen: Nordic Council of Ministers, 1995. – P. 199–211.

266. *Dikici E.* Integration as a Three-Way Process and Negotiation // *Transnational Islam and the Integration of Turks in Great Britain* / Ed. by E. Dikici. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 113–1388.

267. *Di Mauro D., Memoli V.* The Role of Public Opinion in EU Integration: Assessing the Relationship between Elites and the Public during the Refugee Crisis // *Journal of Common Market Studies*. – 2021. – Vol. 59. – Issue 5. – P. 1303–1321.

268. *Dimitriadis I., Ambrosini M.* Constrained to be (Im)mobile? Refugees' and Asylum Seekers' Practices to Integrate in Restrictive Socio-Economic Urban Contexts in Northern Italy // *Frontiers in Sociology*. – 2023. – Vol. 8. – P. 1–11.

269. *Dobbin F.R.* The Social Construction of the Great Depression: Industrial Policy during the 1930s in the United States, Britain, and France // *Theory and Society*. – 1993. – Vol. 22. – Issue 1. – P. 1–56.

270. *Dodevska I.* Boundary Integrationism and Its Subject: Shifts and Continuities in the EU Framework on Migrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2024. – Vol. 50. – Issue 4. – P. 748–771.

271. *Džankic J.* *The Global Market for Investor Citizenship*. – Berlin: Springer, 2019. – 225 p.

272. *Eick G.M., Larsen C.A.* Welfare Chauvinism across Benefits and Services // *Journal of European Social Policy*. – 2022. – Vol. 32. – Issue 1. – P. 19–32.

273. *Eissler R., Green-Pedersen C., Loftis M.W., Mortensen P.B., Russell A.* The Partisan Context of Parliamentary Questions: A Study of Opposition Behavior in the Danish Parliament // *Acta Politica*. – 2023. – Vol. 58. – Issue 2. – P. 359–378.
274. *Emilsson H.* A National Turn of Local Integration Policy: Multi-level Governance Dynamics in Denmark and Sweden // *Comparative Migration Studies*. – 2015. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 1–16.
275. *Emilsson H., Öberg K.* Housing for Refugees in Sweden: Top-down Governance and Its Local Reactions // *Journal of International Migration and Integration*. – 2022. – Vol. 23. – Issue 2. – P. 613–631.
276. *Entzinger H.* The Rise and Fall of Multiculturalism: The Case of the Netherlands // *Toward Assimilation and Citizenship: Immigrants in Liberal Nation-States* / Ed. by C. Joppke, E. Morawska. – New York: Palgrave Macmillan, 2003. – P. 59–86.
277. *Esping-Andersen G.* After the Golden Age? Welfare State Dilemmas in a Global Economy // *Welfare States in Transition: National Adaptations in Global Economies* / Ed. by G. Esping-Andersen. – London: Sage, 1996. – P. 1–32.
278. *Esping-Andersen G.* *Social Foundations of Postindustrial Economies*. – New York: Oxford University Press, 1999. – 224 p.
279. *Evans P.B., Rueschemeyer D., Skocpol T.* *Bringing the State Back In*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – 390 p.
280. *Fargues É.* Fabriquer des citoyens “autonomes”: “tournant civique” et vision néolibérale de l’intégration dans la procédure de naturalisation française // *Revue européenne des migrations internationales*. – 2020. – Vol. 36. – No. 4. – P. 55–75.
281. *Fargues É., Pélabay J., Sénac R.* The Contemporary Uses of the ‘Values of the Republic’ in the French Naturalisation Process // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – P. 1–18.

282. *Favell A.* Immigration, Integration and Citizenship: Elements of a New Political Demography // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 1. – P. 3–32.

283. *Favell A.* Philosophies of Integration: Immigration and the Idea of Citizenship in France and Britain. – London: Macmillan Press, 1998. – 289 p.

284. *Favell A.* The Integration Nation: Immigration and Colonial Power in Liberal Democracies. – Cambridge: Polity, 2022. – 226 p.

285. *Featherstone K.* Europeanization and the Centre Periphery: The Case of Greece in the 1990s // *South European Society and Politics*. – 1998. – Vol. 3. – Issue 1. – P. 23–39.

286. *Fernández C., Jensen K.K.* The Civic Integrationist Turn in Danish and Swedish School Policy // *Comparative Migration Studies*. – 2017. – Vol. 5. – Issue 5. – P. 1–10.

287. *Ferrara F.M., Kriesi H.* Crisis Pressures and European Integration // *Journal of European Public Policy*. – 2022. – Vol. 29. – Issue 9. – P. 1351–1373.

288. *Ferrera M.* The Boundaries of Welfare: European Integration and the New Spatial Politics of Social Protection. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 299 p.

289. *Finotelli C., Michalowski I.* The Heuristic Potential of Models of Citizenship and Immigrant Integration Reviewed // *Journal of Immigrant & Refugee Studies*. – 2012. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 231–240.

290. *Flamant A.* The Local Turn in Integration Policies: Why French Cities Differ // *Ethnic and Racial Studies*. – 2020. – Vol. 43. – Issue 11. – P. 1981–2000.

291. *Fouka V.* How Do Immigrants Respond to Discrimination? The Case of Germans in the US During World War I // *American Political Science Review*. – 2019. – Vol. 113. – Issue 2. – P. 405–422.

292. *Fourot A.-C., Healy A., Flamant A.* French Participation in Transnational Migration Networks: Understanding City (Dis)involvement and “Passivism” // *Local Government Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1152–1174.

293. *Fraser N.* Rethinking Recognition // *New Left Review*. – 2000. – Issue 3. – P. 107–120.
294. *Freeman G.P.* Immigrant Incorporation in Western Democracies // *International Migration Review*. – 2004. – Vol. 38. – Issue 3. – P. 945–969.
295. *Freeman G.P.* National Models, Policy Types, and the Politics of Immigration in Liberal Democracies // *West European Politics*. – 2006. – Vol. 29. – Issue 2. – P. 227–247.
296. *Freeman G.P., Leal D.L., Onyett J.* Pointless: On the Failure to Adopt an Immigration Points System in the United States // *Wanted and Welcome? Policies for Highly Skilled Immigrants in Comparative Perspective* / Ed. by T. Triadafilopoulos. – New York: Springer, 2013. – P. 123–46.
297. *Garcés-Mascreñas B., Penninx R.* Introduction: Integration as a Three-Way Process Approach? // *Integration Processes and Policies in Europe: Contexts, Levels and Actors* / Ed. by B. Garcés-Mascreñas, R. Penninx. – Cham: Springer, 2016. – P. 1–9.
298. *Gebhardt D.* When the State Takes Over: Civic Integration Programmes and the Role of Cities in Immigrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 42. – Issue 5. – P. 742–758.
299. *Gessler T., Hunger S.* How the Refugee Crisis and Radical Right Parties Shape Party Competition on Immigration // *Political Science Research and Methods*. – 2022. – Vol. 10. – P. 524–544.
300. *Goodman S.W.* Fortifying Citizenship. Policy Strategies for Civic Integration in Western Europe // *World Politics*. – 2012. – Vol. 64. – Issue 4. – P. 659–698.
301. *Goodman S.W.* Immigration and Membership Politics in Western Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2014. – 284 p.
302. *Goodman S.W.* Measurement and Interpretation Issues in Civic Integration Studies: A Rejoinder // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 173–186.

303. *Goodman S.W., Wright M.* Does Mandatory Integration Matter? Effects of Civic Requirements on Immigrant Socioeconomic and Political Outcomes // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2015. – Vol. 41. – Issue 12. – P. 1885–1908.
304. *Gordon M.M.* Assimilation in American Life: The Role of Race, Religion, and National Origins. – New York: Oxford University Press, 1964. – 288 p.
305. *Gordon M.M.* Human Nature, Class, and Ethnicity. – New York: Oxford University Press, 1978. – 302 p.
306. *Gourevitch P.A.* Politics in Hard Times: Comparative Responses to International Economic Crises. – Ithaca: Cornell University Press, 1986. – 272 p.
307. *Green-Pedersen C., Krogstrup J.* Immigration as a Political Issue in Denmark and Sweden // *European Journal of Political Research*. – 2008. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 610–634.
308. *Green-Pedersen C., Otjes S.* A Hot Topic? Immigration on the Agenda in Western Europe // *Party Politics*. – 2019. – Vol. 25. – Issue 3. – P. 424–434.
309. *Grzybek D.* Współczesne rozumienie asymilacji imigrantów w społeczeństwie amerykańskim // *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów UJ. Nauki Społeczne*. – 2013. – Nr. 6. – S. 57–71.
310. *Guiraudon V.* L'intégration des immigrés ou la politique de l'esquive. Re'former sans changer de mode`le? // *La France en mutation, 1980–2005* / Ed. by P. Culpepper, P. Hall, B. Palier. – Paris: Presses de Sciences Po, 2006. – P. 265–301.
311. *Gustafsson B., Jakobsen V., Mac Innes H., Pedersen P.J., Österberg T.* Older Immigrants – New Poverty Risk in Scandinavian Welfare States? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 19. – P. 4648–4669.

312. *Hadj Abdou L., Bale T., Geddes A.P.* Centre-right Parties and Immigration in an Era of Politicisation // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 2. – P. 327–340.

313. *Hall P.A.* Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. – 1993. – Vol. 25. – Issue 3. – P. 275–296.

314. *Hall P.A., Taylor R.C.R.* Political Science and the Three New Institutionalisms // *Political Studies*. – 1996. – Vol. 44. – Issue 5. – P. 936–957.

315. *Hammer T.* Democracy and the Nation State: Aliens, Denizens and Citizens in a World of International Migration. – Aldershot: Gower, 1990. – 288 p.

316. *Hansen R.* The Poverty of Postnationalism: Citizenship, Immigration, and the New Europe // *Theory and Society*. – 2009. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 1–24.

317. *Harpaz Y.* Citizenship and Residence Rights as Vehicles of Global Inequality // *Citizenship and Residence Sales Rethinking the Boundaries of Belonging* / Ed. by D.V. Kochenov, K. Surak. – Cambridge: Cambridge University Press, 2023. – P. 284–308.

318. *Harpaz Y., Mateos P.* Strategic Citizenship: Negotiating Membership in the Age of Dual Nationality // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 45. – Issue 6. – P. 843–857.

319. *Heckmann F.* National Modes of Immigrant Integration // *Comparative European Research in Migration, Diversity and Identities* / Ed. by W. Bosswick, C. Husband. – Bilbao: University of Deusto, 2005. – P. 99–111.

320. *Hedetoft U.* Denmark Versus Multiculturalism // *The Multiculturalism Backlash: European Discourses, Policies and Practices* / Ed. by S. Vertovec, S. Wessendorf. – London & New York: Routledge, 2010. – P. 111–129.

321. *Helakorpi J., Dovemark M., Rasmussen A., Holm G.* Positions of Newly Arrived Students in Nordic Education Policies and Practices // *Nordic Studies in Education*. – 2023. – Vol. 43. – Issue 2. – P. 111–127.

322. *Hellström A.* Trust Us: Reproducing the Nation and the Scandinavian Nationalist Populist Parties. – New York: Berghahn Books, 2016. – 246 p.

323. *Hernes V.* Cross-national Convergence in Times of Crisis? Integration Policies Before, During and After the Refugee Crisis // *West European Politics*. – 2018. – Vol. 41. – Issue 6. – P. 1305–1329.

324. *Hooghe L., Marks G.* A Postfunctionalist Theory of European Integration: From Permissive Consensus to Constraining Dissensus // *British Journal of Political Science*. – 2009. – Vol. 39. – Issue 1. – P. 1–23.

325. *Hooghe L., Marks G.* Cleavage Theory Meets Europe's Crises: Lipset, Rokkan, and the Transnational Cleavage // *Journal of European Public Policy*. – 2018. – Vol. 25. – Issue 1. – P. 109–135.

326. *Horáková M.* Problémy integrace etnických menšin // *Sociální politika*. – 1997. – Roč. 23. – Č. 1. – S. 4–6.

327. *Hudson C., Giritli-Nygren K., Lidén G., Sandberg L.* Between Central Control and Local Autonomy: The Changing Role of Swedish Municipalities // *Local Integration Policy of Migrants: European Experiences and Challenges* / Ed. by J. Franzke, J.M. Ruano de la Fuente. – Cham: Palgrave Macmillan, 2021. – P. 11–34.

328. *Hudson C., Sandberg L., Sundström K.* Integrating the Immigrant the Swedish Way? Understandings of Citizenship and Integration in Swedish Local Civic Integration Projects // *Journal of Intercultural Studies*. – 2023. – Vol. 44. – Issue 4. – P. 553–569.

329. *Hutter S., Kriesi H.* Politicising Immigration in Times of Crisis // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 2. – P. 341–365.

330. *Ivakhnyuk I.* Coronavirus Pandemic Challenges Migrants Worldwide and in Russia // *Population and Economics*. – 2020. – Vol. 4. – Issue 2. – P. 49–55.

331. *Jacobsen G.H., Piekut A.* 'Integrating' Immigrant Children? School Professionals' Reflections on the Boundaries between Educational Ideals and Society's Problematization of Immigrants // *Studies in Ethnicity and Nationalism*. – 2022. – Vol. 22. – Issue 2. – P. 132–147.

332. *Jakobson M.-L., King R., Moroşanu L., Vetik R.* Migration and Integration in Turbulent Times // *Anxieties of Migration and Integration in Turbulent Times* / Ed. by M.-L. Jakobson, R. King, L. Moroşanu, R. Vetik. – Cham: Springer, 2023. – P. 1–17.

333. *Jakobsen V., Korpi T., Lorentzen T.* Immigration and Integration Policy and Labour Market Attainment Among Immigrants to Scandinavia // *European Journal of Population*. – 2018. – Vol. 35. – Issue 2. – P. 305–328.

334. *Jansson T.* Governing Through Bureaucratically Imposed Waiting: On Stuckedness Among Asylum Seekers and Refugees Waiting for Residence Permits in Sweden // *European Journal of Social Work*. – 2023. – P. 1–12.

335. *Jansson T.* Permanent Residence Permits and Demands for Integration: A Genealogical Analysis of Swedish Immigration Policy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2023. – P. 1–19.

336. *Jennissen R., Bovens M., Engbersen G., Bokhorst M.* Successive National Policy Models // *Migration Diversity and Social Cohesion: Reassessing the Dutch Policy Agenda* / Ed. by R. Jennissen, M. Bovens, G. Engbersen, M. Bokhorst. – Cham: Springer, 2023. – P. 59–78.

337. *Jensen K.K., Mouritsen P., Bech E.C., Olsen T.V.* Roadblocks to Citizenship: Selection Effects of Restrictive Naturalisation Rules // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 5. – P. 1047–1065.

338. *Jensen K., Mouritsen P.* Nationalism in a Liberal Register: Beyond the ‘Paradox of Universalism’ in Immigrant Integration Politics // *British Journal of Political Science*. – 2019. – Vol. 49. – Issue 3. – P. 837–856.

339. *Jerneck M.* Cosmopolitanism and Welfare Chauvinism in Sweden // *Migration and Integration in a Post-Pandemic World* / Ed. by L. Lerpold, Ö. Sjöberg, K. Wennberg. – Cham: Palgrave Macmillan, 2023. – P. 107–129.

340. *Joppke C.* Beyond National Models: Civic Integration Policies for Immigrants in Western Europe // *West European Politics*. – 2007. – Vol. 30. – Issue 1. – P. 1–22.

341. *Joppke C.* Comparative Citizenship: A Restrictive Turn in Europe? // *Law & Ethics of Human Rights*. – 2008. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 1–41.
342. *Joppke C.* Immigration Policy in the Crossfire of Neoliberalism and Neonationalism // *Swiss Journal of Sociology*. – 2021. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 71–92
343. *Joppke C., Lukes S.* *Multicultural Questions*. – Oxford: Oxford University Press, 1999. – 280 p.
344. *Joppke C.* Neoliberal Nationalism and Immigration Policy // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2024. – Vol. 50. – Issue 7. – P. 1657–1676.
345. *Joppke C.* The Retreat of Multiculturalism in the Liberal State: Theory and Policy // *British Journal of Sociology*. – 2004. – Vol. 55. – Issue 2. – P. 237–257.
346. *Joppke C.* Transformations of Immigrant Integration: Civic Integration and Antidiscrimination in the Netherlands, France, and Germany // *World Politics*. – 2007. – Vol. 59. – Issue 2. – P. 243–273.
347. *Kalm S., Lindvall J.* Immigration Policy and the Modern Welfare State, 1880–1920 // *Journal of European Social Policy*. – 2019. – Vol. 29. – Issue 4. – P. 463–477.
348. *Kettunen P.* Welfare Nationalism and Competitive Community // *Welfare Citizenship and Welfare Nationalism* / Ed. by A.M. Suszycki. – Helsinki: University of Helsinki, 2011. – P. 79–117.
349. *Kevins A., van Kersbergen K.* The Effects of Welfare State Universalism on Migrant Integration // *Policy and Politics*. – 2019. – Vol. 47. – Issue 1. – P. 115–131.
350. *King G., Keohane R.O., Verba S.* *Designing Social Inquiry: Scientific Inference in Qualitative Research*. – Princeton: Princeton University Press, 1994. – 300 p.
351. *Kirişçi K.* A “Three-Way Approach” to Incorporating Muslim Immigrants in the EU: A Turkish Perspective // *International Journal in Multicultural Societies*. – 2009. – Vol. 11. – Issue 2. – P. 119–135.

352. *Knill C.* Introduction: Cross-National Policy Convergence: Concepts, Approaches and Explanatory Factors // *Journal of European Public Policy*. – 2005. – Vol. 12. – Issue 5. – P. 764–774.
353. *Kofman E.* Family-Related Migration: A Critical Review of European Studies // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2004. – Vol. 30. – Issue 2. – P. 243–262.
354. *Koopmans R., Statham P., Giugni M., Passy F.* Contested Citizenship: Immigration and Cultural Diversity in Europe. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 2005. – 312 p.
355. *Kostakopoulou D.* Why Naturalisation? // *Perspectives on European Politics and Society*. – 2003. – Vol. 4. – Issue 1. – P. 85–115.
356. *Kriesi H., Grande E., Dolezal M., Helbling M., Höglinger D., Hutter S., Wüest B.* Political Conflict in Western Europe. – Cambridge: Cambridge University Press, 2012. – 349 p.
357. *Kriesi H., Schulte-Cloos J.* Support for Radical Parties in Western Europe: Structural Conflicts and Political Dynamics // *Electoral Studies*. – 2020. – Vol. 65. – P. 102–138.
358. *Kristjánsdóttir B.S.* Evas skjulte børn: Diskurser om tosprogede elever i det danske nationalcurriculum. Institut for Pædagogisk Antropologi. – København: Danmarks Pædagogiske Universitet, 2006. – 443 s.
359. *Kuhn T.* The Structure of Scientific Revolutions. – Chicago: University of Chicago Press, 1962. – 264 p.
360. *Kuisma M.* Nordic Social Democrats: Still Europe's Progressive Vanguard? // *Constellations*. – 2020. – Vol. 27. – Issue 4. – P. 594–607.
361. *Kulbrandstad L.A., Layne H., Paavola H., Hellman A., Ragnarsdóttir H.* Immigrant Students in Nordic Educational Policy Documents // *Learning Spaces for Inclusion and Social Justice: Success Stories from Four Nordic Countries* / Ed. by H. Ragnarsdóttir, L.A. Kulbrandstad. – Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2018. – P. 32–68.

362. *Kvist J., Fritzel J., Hvinden B., Kangas O.* Changing Social Equality: The Nordic Welfare Model in the 21st Century. – Bristol: Policy Press, 2012. – 224 p.
363. *Larin S.J.* Is It Really About Values? Civic Nationalism and Migrant Integration // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 127–141.
364. *Larsen C.A.* Revisiting the Progressive Dilemma // *Migrants and Welfare States: Balancing Dilemmas in Northern Europe* / Ed. by C.A. Larsen. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022. – P. 161–184.
365. *Lavenex S., Kunz R.* The Migration-Development Nexus in EU External Relations // *Journal of European Integration*. – 2008. – Vol. 30. – Issue 3. – P. 439–457.
366. *Lavenex S., Uçarer E.M.* The External Dimension of Europeanization: The Case of Immigration Policies // *Cooperation and Conflict*. – 2004. – Vol. 39. – Issue 4. – P. 417–443.
367. *Lenard P.T., Balint P.* Debating Multiculturalism: Should There be Minority Rights? – Oxford: Oxford University Press, 2022. – 320 p.
368. *Léonard S., Kaunert C.* The Securitisation of Migration in the European Union: Frontex and Its Evolving Security Practices // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2022. – Vol. 48. – Issue 6. – P. 1417–1429.
369. *Lundahl L., Lindblad M.* Immigrant Student Achievement and Education Policy in Sweden // *Immigrant Student Achievement and Education Policy: Cross-Cultural Approaches* / Ed. by L. Volante, D. Klinger, O. Bilgili. – Cham: Springer International Publishing, 2018. – P. 69–85.
370. *Manca A.R.* Social Cohesion // *Encyclopedia of Quality of Life and Well-Being Research* / Ed. by A.C. Michalos. – Dordrecht: Springer, 2014. – P. 6026–6028.
371. *Meer N., Mouritsen P., Faas D., de Witte N.* Examining ‘Post-multicultural’ and Civic Turns in the Netherlands, Britain, Germany, and Denmark // *American Behavioral Scientist*. – 2015. – Vol. 59. – Issue 6. – P. 702–726.

372. *Meyer T.M., Wagner M.* Mainstream or Niche? Vote-seeking Incentives and the Programmatic Strategies of Political Parties // *Comparative Political Studies*. – 2013. – Vol. 46. – Issue 10. – P. 1246–1272.

373. *Michalowski I., van Oers R.* How Can We Categorise and Interpret Civic Integration Policies? // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2012. – Vol. 38. – Issue 1. – P. 163–171.

374. *Midtbøen A.H.* Citizenship, Integration and the Quest for Social Cohesion: Nationality Reform in the Scandinavian Countries // *Comparative Migration Studies*. – 2015. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 1–15.

375. *Milani T., Bauer S., Carlson M., Spehar A., von Brömssen K.* Citizenship as Status, Habitus and Acts: Language Requirements and Civic Orientation in Sweden // *Citizenship Studies*. – 2021. – Vol. 25. – Issue 6. – P. 756–772.

376. *Milanovic B.* *Global Inequality: A New Approach for the Age of Globalization*. – Cambridge: Harvard University Press, 2016. – 320 p.

377. *Modood T., Bauböck R., Carens J.H., Lægaard S., Mahajan G., Parekh B.* Ethnocentric Political Theory, Secularism and Multiculturalism // *Contemporary Political Theory*. – 2021. – Vol. 20. – P. 447–479.

378. *Morawska E.* Badania nad imigracją/etnicznością w Europie i Stanach Zjednoczonych: analiza porównawcza // *Studia Migracyjne – Przegląd Polonijny*. – 2009. – Nr. 1. – S. 7–26.

379. *Mouritsen P., Jensen K.K., Larin S.J.* Introduction: Theorizing the Civic Turn in European Integration Policies // *Ethnicities*. – 2019. – Vol. 19. – Issue 4. – P. 595–613.

380. *Mouritsen P., Olsen T.V.* Denmark between Liberalism and Nationalism // *Ethnic and Racial Studies*. – 2013. – Vol. 36. – Issue 4. – P. 691–710.

381. *Mouritsen P.* The Resilience of Citizenship Traditions: Civic Integration in Germany, Great Britain and Denmark // *Ethnicities*. – 2013. – Vol. 13. – Issue 1. – P. 86–109.

382. *Mjelde H., Hovden J.F.* Populism in Scandinavian Immigration Discourse 1970–2016 // *International Journal of Communication*. – 2019. – Vol. 13. – P. 5483–5504.

383. *Mjelde H.* The Six Roles of the Anti-Immigration Parties in Scandinavian Immigration Press Debate 1970–2016 // *Nordic Journal of Migration Research*. – 2020. – Vol. 10. – Issue 3. – P. 1–14.

384. *Mudde C.* Did the “Refugee Crisis” Transform European Politics? // *Rechtspopulismus in Deutschland* / Ed. by H.U. Brinkmann, K.-H. Reuband. – Wiesbaden: Springer, 2022. – P. 37–54.

385. *Mudde C.* *The Far Right Today*. – Cambridge: Polity Press, 2019. – 205 p.

386. *Myrberg G.* Local Challenges and National Concerns: Municipal Level Responses to National Refugee Settlement Policies in Denmark and Sweden // *International Review of Administrative Sciences*. – 2017. – Vol. 83. – Issue 2. – P. 322–339.

387. *Neureiter M.* Evaluating the Effects of Immigrant Integration Policies in Western Europe Using a Difference-in-differences Approach // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2019. – Vol. 45. – Issue 15. – P. 2779–2800.

388. *Öbrink Hobzová M.* Development and Current Challenges of Language Courses for Immigrants in Sweden // *Journal of Adult and Continuing Education*. – 2021. – Vol. 27. – Issue 1. – P. 84–99.

389. *Óskarsdóttir S.* From Active States to Active Citizenship? The Impact of Economic Openness and Transnational Governance // *Citizenship in Nordic Welfare States: Dynamics of Choice, Duties and Participation in a Changing Europe* / Ed. by B. Hvinden, H. Johansson. – London and New York: Routledge, 2007. – P. 18–31.

390. *Paparusso A.* *Immigrant Integration in Europe: A Subjective Well-Being Perspective*. – Cham: Springer, 2021. – 157 p.

391. *Paparusso A.* The European Convergence Towards Civic Integration // *Migration in the Mediterranean: Socio-Economic Perspectives* / Ed. by D. Strangio, C. Wihtol de Wenden. – London: Routledge, 2016. – P. 149–168.
392. *Park R.E.* The Nature of Race Relations // *Race and Culture* / Ed. by R.E. Park. – Glencoe: The Free Press, 1950. – P. 81–116.
393. *Pearce N.* Diversity Versus Solidarity: A New Progressive Dilemma // *Renewal: A Journal of Labour Politics*. – 2004. – Vol. 12. – Issue 3. – P. 79–87.
394. *Pécoud A., Thiollet H.* Introduction: The Institutions of Global Migration Governance // *Research Handbook on the Institutions of Global Migration Governance* / Ed. by A. Pécoud, H. Thiollet. – Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2023. – P. 1–17.
395. *Pempel T.J.* Regime Shift: Comparative Dynamics of the Japanese Political Economy. – Ithaca: Cornell University Press, 1998. – 288 p.
396. *Perchinig B.* Civic Integration Testing and the Transformation of European Welfare States // *Menschenrechten Gestalt und Wirksamkeit verleihen – Making Human Rights Work* / Ed. by P. Hladschik, F. Steinert. – Wien: Neuer Wissenschaftlicher Verlag, 2019. – P. 471–487.
397. *Peters F., Vink M.P., Schmeets H.* Anticipating the Citizenship Premium: Before and After Effects of Immigrant Naturalization on Employment // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2018. – Vol. 44. – Issue 7. – P. 1051–1080.
398. *Przeworski A., Teune H.* The Logic of Comparative Social Inquiry. – New York: Wiley-Interscience, 1970. – 153 p.
399. *Rothstein B.* Just Institutions Matter: The Moral and Political Logic of the Universal Welfare State. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 272 p.
400. *Rothstein B., Uslaner E.M.* All for All: Equality, Corruption, and Social Trust // *World Politics*. – 2005. – Vol. 58. – Issue 1. – P. 41–72.

401. *Ruhs M., Tamas K., Palme J.* Bridging the Gaps: Linking Research to Public Debates and Policy Making on Migration and Integration. – Oxford: Oxford University Press, 2019. – 266 p.
402. *Ryazantsev S.V., Khramova M.N., Tyshkevich A.I.* Background and Factors of Muslim Immigration to the Countries of the European Union // Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2021. – Vol. 2. – Issue 390. – P. 220–228.
403. *Ryner J.M.* The Nordic Model: Does It Exist? Can It Survive? // New Political Economy. – 2007. – Vol. 12. – Issue 1. – P. 61–70.
404. *Sager A.* Methodological Nationalism, Migration and Political Theory // Political Studies. – 2016. – Vol. 64. – Issue 1. – P. 42–59.
405. *Salo S., Rydgren J.* The Battle Over Working-Class Voters: How Social Democracy Has Responded to the Populist Radical Right in the Nordic Countries. – Abingdon: Routledge, 2021. – 140p.
406. *Sandberg J., Fredholm A., Frödin O.* Immigrant Organizations and Labor Market Integration: The Case of Sweden // Journal of International Migration and Integration. – 2022. – Vol. 24. – Issue 3. – P. 1357–1380.
407. *Schelkle W.* The Political Economy of Monetary Solidarity: Understanding the Euro Experiment. – Oxford: Oxford University Press, 2017. – 387 p.
408. *Schimmelfennig F.* European Integration (Theory) in Times of Crisis. A Comparison of the Euro and Schengen Crises // Journal of European Public Policy. – 2018. – Vol. 25. – Issue 7. – P. 969–989.
409. *Schimmelfennig F., Sedelmeier U.* Theorizing EU Enlargement: Research Focus, Hypotheses, and the State of Research // Journal of European Public Policy. – 2002. – Vol. 9. – Issue 4. – P. 500–528.
410. *Scholten P.* Mainstreaming Versus Alienation: Conceptualising the Role of Complexity in Migration and Diversity Policymaking // Journal of Ethnic and Migration Studies. – 2020. – Vol. 46. – Issue 1. – P. 108–126.

411. *Scholten P.* Two Worlds Apart? Multilevel Governance and the Gap Between National and Local Integration Policies // *The Routledge Handbook to the Governance of Migration and Diversity in Cities* / Ed. by T. Caponio, P. Scholten, R. Zapata-Barrero. – Abingdon: Routledge, 2019. – P. 157–168.

412. *Scholten P.W.A., Entzinger H., Penninx R.* Research-Policy Dialogues on Migrant Integration in Europe: A Conceptual Framework and Key Questions // *Integrating Immigrants in Europe* / Ed. by P. Scholten, H. Entzinger, R. Penninx, S. Verbeek. – Dordrecht: Springer, 2015. – P. 1–18.

413. *Schweitzer A.* The ‘Management’ of Migration – And of the Resulting Irregularities // *Micro-Management of Irregular Migration: Internal Borders and Public Services in London and Barcelona* / Ed. by R. Schweitzer. – Cham: Springer, 2022. – P. 9–46.

414. *Scipioni M.* Failing Forward in EU Migration Policy? EU Integration After the 2015 Asylum and Migration Crisis // *Journal of European Public Policy*. – 2017. – Vol. 25. – Issue 9. – P. 1357–1375.

415. *Shachar A.* The Birthright Lottery: Citizenship and Global Inequality. – Cambridge: Harvard University Press, 2009. – 290 p.

416. *Song S.* Multiculturalism // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* / Ed. by E. Zalta. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/archives/win2010/entries/multiculturalism> (дата обращения: 24.01.2024).

417. *Soysal Y.* Limits of Citizenship: Migrants and Postnational Membership in Europe. – Chicago: Chicago University Press, 1994. – 251 p.

418. *Spies D.C.* Immigration and Welfare State Retrenchment: Why the US Experience is not Reflected in Western Europe. – Oxford: Oxford University Press, 2018. – 208 p.

419. *Steinmetz J.* Politics, Power, and Purpose: An Orientation to Political Science. – Hays: Fort Hays State University, 2021. – 233 p.

420. *Strom K.* A Behavioral Theory of Competitive Political Parties // *American Journal of Political Science*. – 1990. – Vol. 34. – Issue 2. – P. 565–598.

421. *Surak K.* Who Wants to Buy a Visa? Comparing the Uptake of Residence by Investment Programs in the European Union // *Journal of Contemporary European Studies*. – 2020. – Vol. 30. – P. 151–169.
422. *Tambini D.* Post-national Citizenship // *Ethnic and Racial Studies*. – 2001. – Vol. 24. – Issue 2. – P. 195–217.
423. *Tesfaye M.* Velkommen Mustafa – om 50 års socialdemokratisk udlændingepolitik. – København: Gyldendal, 2017. – 385 s.
424. *Theiss-Morse E.* Conceptualizations of Good Citizenship and Political Participation // *Political Behavior*. – 1993. – Vol. 15. – Issue 4. – P. 355–380.
425. *Tjelmeland H., Brochmann G.* I globaliseringens tid 1940–2000 // *Norsk innvandringshistorie*. Bd. 3 / Ed. by K. Kjeldstadli. – Oslo: Pax, 2003.
426. *Treas J.* Incorporating Immigrants: Integrating Theoretical Frameworks of Adaptation // *The Journals of Gerontology: Series B*. – 2015. – Vol. 70. – Issue 2. – P. 269–278.
427. *Triadafilopoulos T.* Illiberal Means to Liberal Ends? Understanding Recent Immigrant Integration Policies in Europe // *Journal of Ethnic and Migration Studies*. – 2011. – Vol. 37. – Issue 6. – P. 861–880.
428. *Triandafyllidou A.* A “Refugee Crisis” Unfolding: “Real” Events and Their Interpretation in Media and Political Debates // *Journal of Immigrant and Refugee Studies*. – 2018. – Vol. 16. – Issue 1–2. – P. 198–216.
429. *Unterreiner A., Weinar A.* Introduction: Integration as a Three-Way Process // *Migrant Integration Between Homeland and Host Society: Where Does the Country of Origin Fit? Volume 1* / Ed. by A. Weinar, A. Unterreiner, P. Fargues. – Cham: Springer, 2017. – P. 1–19.
430. *Van Hook J., Brown S.K., Bean F.D.* For Love or Money? Welfare Reform and Immigrant Naturalization // *Social Forces*. – 2006. – Vol. 85. – Issue 2. – P. 643–666.
431. *Van Mol C., de Valk H.* Migration and Immigrants in Europe: A Historical and Demographic Perspective // *Integration Processes and Policies in*

Europe: Contexts, Levels and Actors / Ed. by B. Garcés-Mascareñas, R. Penninx. – London: Springer, 2016. – P. 31–55.

432. *Verleyen E., Beckers K.* European Refugee Crisis or European Migration Crisis? How Words Matter in the News Framing (2015–2020) of Asylum Seekers, Refugees, and Migrants // *Journalism and Media*. – 2023. – Vol. 4. – Issue 3. – P. 727–742.

433. *Vink M., Tegunimataka A., Peters F., Bevelander P.* Long-Term Heterogeneity in Immigrant Naturalization: The Conditional Relevance of Civic Integration and Dual Citizenship // *European Sociological Review*. – 2021. – Vol. 37. – Issue 5. – P. 751–765.

434. *Weeks A.C., Allen P.* Backlash against “Identity Politics”: Far Right Success and Mainstream Party Attention to Identity Groups // *Politics, Groups, and Identities*. – 2023. – Vol. 11. – Issue 5. – P. 935–953.

435. *Westin C., Dingu-Kyrklund E.* Immigration and Integration of Immigrants and their Descendants: The Swedish Approach // *The Integration of Immigrants in European Societies: National Differences and Trends of Convergence* / Ed. by F. Heckmann, D. Schnapper. – Berlin: Walter de Gruyter GmbH, 2016. – P. 106–135.

436. *Wickström M.* Invandrarspöket: Den socialdemokratiska politiseringen av arbetskraftsinvandring i 1973 års valrörelse // *Arbetshistoria: meddelande från arbetarrörelsens arkiv och bibliotek*. – 2022. – Issue 1. – P. 38–45.

437. *Wickström M.* Nordic Brothers before Strange Others: Pan-National Boundary Making in the Post-War Naturalization Policies of the Nordic Countries // *Ethnic and Racial Studies*. – 2017. – Vol. 40. – Issue 4. – P. 675–693.

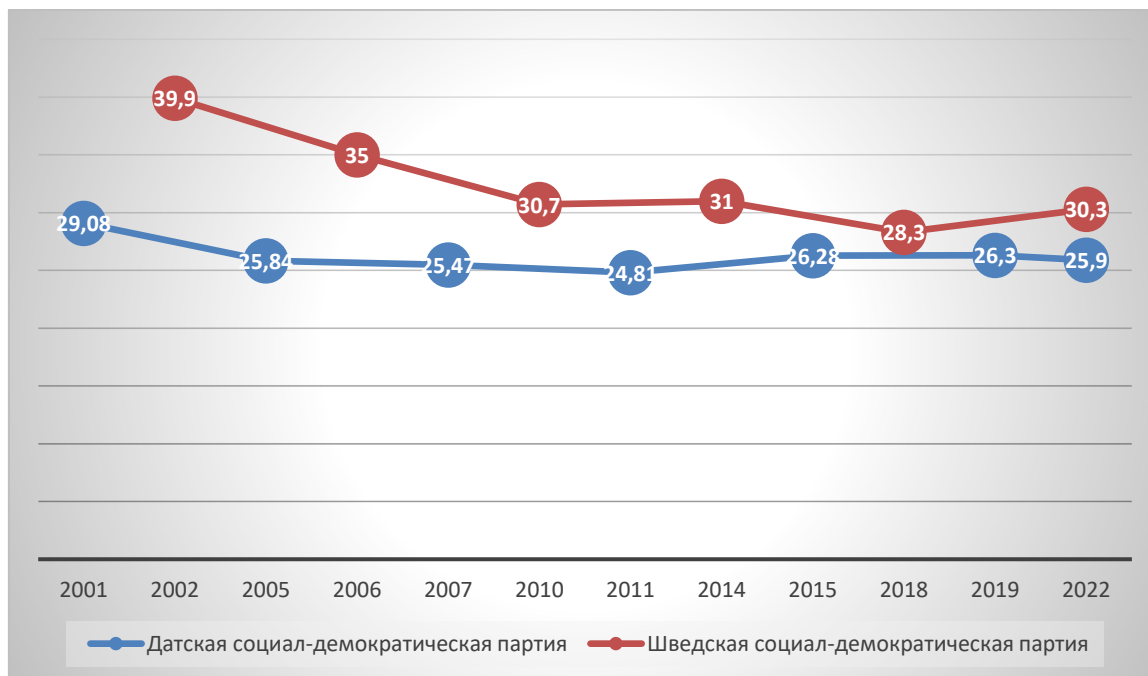
438. *Winter E.* Traditions of Nationhood or Political Conjuncture? // *Comparative Migration Studies*. – 2014. – Vol. 2. – Issue 1. – P. 29–55.

439. *Wodak R.* From Post-Truth to Post-Shame: Analyzing Far-right Populist Rhetoric // *Approaches to Discourse Analysis* / Ed. by C. Gordon. – Washington: Georgetown University Press, 2021. – P. 175–192.

440. *Wodak R.* The Trajectory of Far-Right Populism – A Discourse-Analytical Perspective // *The Far Right and the Environment: Politics, Discourse and Communication* / Ed. by B. Forchtner. – London: Routledge, 2019. – P. 21–37.

ПРИЛОЖЕНИЯ

График 1. Результаты Датской и Шведской социал-демократических партий на парламентских выборах в 2001–2022 гг., %

Источник: составлено автором

Таблица 1. Количество заявлений о предоставлении убежища в Дании и Швеции, 2014–2022 гг.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Дания	14820	21230	6050	3140	3500	2645	1435	2015	4505
Швеция	75090	156460	22330	22190	18110	23150	13630	10180	14075

Источник: International Migration Outlook 2015, 2017, 2018, 2019, 2023

Таблица 2. Страны происхождения лиц, ищущих убежища, в Дании и Швеции

Год	Дания	Швеция
2014	Сирия, Эритрея, лица без гражданства	Сирия, Эритрея, лица без гражданства
2015	Сирия, Иран, Эритрея	Сирия, Афганистан, Ирак
2016	Сирия, Афганистан, Ирак	Сирия, Афганистан, Ирак
2017	Сирия, Марокко, Эритрея	Сирия, Эритрея, Ирак
2018	Эритрея, Сирия, Грузия	Сирия, Иран, Ирак
2019	Сирия, Эритрея, Сомали	Сирия, Эритрея, Иран
2020	Сирия, Эритрея, Марокко	Сирия, Узбекистан, Украина
2021	Афганистан, Эритрея, Сирия	Сирия, Афганистан, Украина
2022	Украина, Афганистан, Сирия	Сирия, Украина, Афганистан

Источник: International Migration Outlook 2015, 2016, 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022, 2023

Таблица 3. Международная миграция в Данию и Швецию в 2014–2022 гг.,
тыс. чел.

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Дания	50.7	62.3	56.1	52.6	52.0	49.6	41.8	55.4	70.3
Швеция	116.6	120.5	154.4	132.3	123.1	99.4	79.7	91.2	94.1

Источник: International Migration Outlook 2023

Таблица 4. Особенности языковых курсов в Дании и Швеции

	Дания	Швеция
Обязательность посещения языковых курсов	да	да
Кто организует курсы?	муниципалитеты	муниципалитеты
Стоимость	бесплатно	бесплатно
Уровни обучения	три уровня (шесть модулей)	четыре уровня (А, В, С, D)
Обязанность детей иммигрантов посещать курсы	по решению муниципалитета	по решению муниципалитета

Источник: составлено автором

Таблица 5. Требования, предъявляемые к воссоединению семей в Дании

Требование	Иностраный гражданин-резидент	Супруг/супруга	Дети
Знание языка	владение языком на уровне В1/В2	сдача экзамена через 6 месяцев после прибытия; участие в обязательной программе интеграции	-
Финансовая самостоятельность ⁴⁴²	сумма на счете в банке в размере 100 000 датских крон на въезд супруга/супруги; наличие жилья; официальная занятость	сбор в размере 6000 датских крон (не относится к семьям, подающим заявление на воссоединение беженцев)	-
Возрастные ограничения	старше 24 лет	старше 24 лет	до 15 лет
Сведения о домашнем насилии	-	-	-
Продолжительность проживания или статус резидента	1 год для беженцев; 11 лет для остальных категорий иммигрантов	-	-
Привязанность к стране	привязанность к Дании должна быть больше, чем к любой другой стране (для супруга)	-	оценивается «потенциал для успешной интеграции» для детей в возрасте от 8 лет и старше

Источник: составлено автором

⁴⁴² Под финансовой самостоятельностью в данной работе понимается способность лица финансово обеспечить не только себя, но и членов своей семьи.

Таблица 6. Требования, предъявляемые к воссоединению семей в Швеции

Требование	Иностранный гражданин-резидент	Супруг/супруга	Дети
Знание языка	-	-	-
Финансовая самодостаточность	самообеспечение через занятость, предпринимательство или связанные с работой льготы; возможность содержать супруга/супругу	сбор в размере 2000 шведских крон	сбор в размере 1000 шведских крон
Возрастные ограничения	более 21 года для воссоединения, если заявитель является временным беженцем	-	-
Сведения о домашнем насилии	проверка Миграционным агентством сведений о наличии судимости	-	-
Продолжительность проживания или статус резидента	статус постоянно проживающего иностранного гражданина обязателен; для лиц с временным видом на жительство – веские доводы	-	-
Привязанность к стране	-	-	-

Источник: составлено автором

Таблица 7. Школьные политики в Дании и Швеции

	Дания	Швеция
Законодательное закрепление	Закон об образовании	Закон об образовании
Дети иммигрантов рассматриваются как имеющие специальные потребности?	да	да
Кто несет ответственность?	муниципалитет	муниципалитет
Разработчик инструкций по обучению детей иммигрантов	Министерство образования Дании	Шведское национальное агентство образования
Обучение на родном языке	не допускается, т.к. противоречит ценностной основе датской школы	в случае наличия 5 и более носителей языка
Преподавание религиозных дисциплин	преподавание дисциплины «Христианские исследования»	изучение основ мировых религий; государственный контроль за чартерными школами с конфессиональной ориентацией

Источник: составлено автором на основе статей Helakorpi J. et al. (2023) и Kulbrandstad L.A. et al. (2018)

Таблица 8. Требования к иммигрантам для натурализации в Дании

Требование	
Время проживания на территории страны	8–9 лет
Отказ от другого гражданства	нет
Тестирование на владение языком	B2
Финансовая самостоятельность	не более 4 месяцев социального обеспечения за последние 5 лет и не в течение последних 2 лет, 3,5 года полной занятости за последние 4 года
Тестирование на гражданство	да
Минимальный штраф, приводящий к увеличению периода ожидания	400 евро
Наличие судимости	основание для отказа

Источник: составлено автором

Таблица 9. Требования к иммигрантам для натурализации в Швеции

Требование	
Время проживания на территории страны	5 лет
Отказ от другого гражданства	нет
Тестирование на владение языком	нет
Финансовая самостоятельность	нет
Тестирование на гражданство	нет
Минимальный штраф, приводящий к увеличению периода ожидания	30-кратный ежедневный доход
Наличие судимости	основание для увеличения периода ожидания

Источник: составлено автором